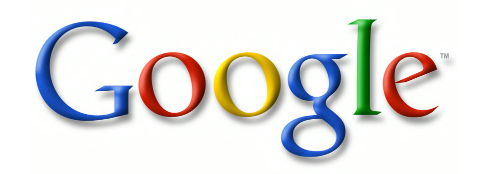
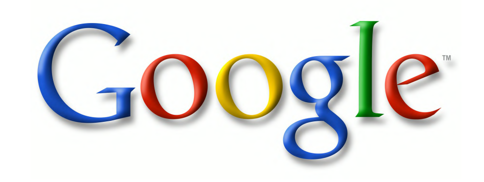
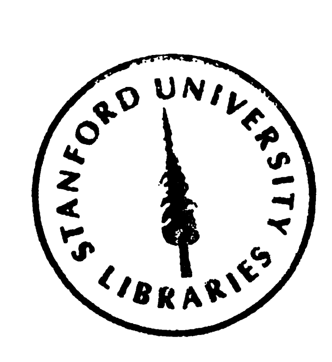

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Иванъ Щегловъ.

Въ защиту народнаго театра.

(Замѣтки и впечатлѣнія).

Въ защиту народнаго театра. — Враги и друзья народнаго театра. — О желательномъ репертуарѣ народнаго театра. — Народный театръ и смѣшеніе языковъ. — Десять народныхъ театровъ. — „Женитьба" Гоголя у Растеряевой башни. — По поводу открытія Таврическаго народнаго театра. — Досадные итоги. — Памяти А. Ѳ. Погосскаго. — Народныя гулянья въ Москвѣ. — Загадка Петербургскаго народнаго театра.

Съ приложеніемъ списка книгъ и статей на русскомъ языкѣ по народному театру за послѣднее десятилѣтіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворцовая площ., д. М-ва Финансовъ.
1903.

Иванъ Щегловъ.

ВЪ ЗАЩИТУ НАРОДНАГО ТЕАТРА.

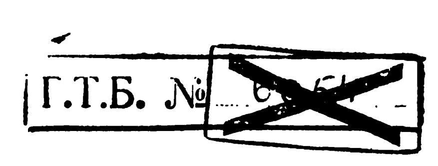
(Замѣтки и впечатлѣнія).

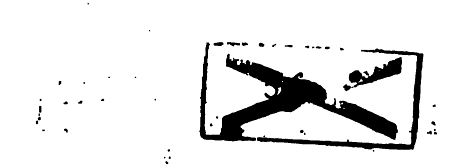
Въ защиту народнаго театра. — Враги и друзья народнаго театра. — О желательномъ репертуарѣ народнаго театра. — Народный театръ и смѣшеніе языковъ. — Десять народныхъ театровъ. — «Женитьба» Гоголя у Растеряевой башни. — По поводу открытія Таврическаго народнаго театра. — Досадные итоги. — Памяти А. Ѳ. Погосскаго. — Народныя гулянья въ Москвѣ. — Загадки Петербургскаго народнаго театра.

Съ приложеніемъ
списка книгъ и статей на русскомъ языкѣ по народному театру за послѣднее десятилѣтіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворцовая площ., д. М-ва Финансовъ.
1903.

Г.Т.Б. №

ОТЪ АВТОРА.

Настоящій сборникъ, заключающій въ себѣ статьи мои по народному театру съ 1898 г. по 1902 г. включительно, представляетъ естественное продолженіе моего сочиненія о народномъ театрѣ («Народный Театръ въ очеркахъ и картинкахъ») и является, такимъ образомъ, его необходимѣйшей „второй частью“.

Эта „вторая“ часть невольно вызвана къ жизни новымъ фазисомъ, въ который вступилъ вопросъ о народномъ театрѣ съ возникновеніемъ «Попечительства о народной трезвости» и, въ цѣломъ, носитъ характеръ защиты истинныхъ основъ народнаго театра отъ узкихъ предвзятыхъ взглядовъ, тормозящихъ и мертвящихъ живое національное дѣло народнаго театра... Съ другой стороны, прилагаемый въ концѣ книги,—„спи-

сокъ книгъ и статей по народному театру“,— достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о неослабѣвающемъ интересѣ, который продолжаетъ возбуждать въ прессѣ и обществѣ вопросъ о народномъ театрѣ.

Иванъ Щегловъ.

С.-Петербургъ,
Декабрь 1902 г.

Въ защиту народнаго театра.

I.

Признаюсь, никакъ не предполагалъ, что, доживъ благополучно до второго изданія моей книги о народномъ театрѣ, мнѣ придется еще разъ взять подъ свою защиту такую ясную, какъ день, идею... какъ идея о народномъ театрѣ.

Что дѣлать, видно такова ужь судьба всѣхъ благихъ начинаній на Руси!.. Это, такъ сказать, наша „альте-гешихте"—обычная психологическая исторія, отмѣченная въ свое время мѣткимъ стихомъ Некрасова:

«... Какъ будто съ умысломъ силки
Мы разставляемъ мысли смѣлой:
Сперва—сторонниковъ полки,
Восторгъ почти Россіи цѣлой,
Потомъ—усталость; наконецъ,
Всѣ на сторожѣ, всѣ въ тревогѣ,
И покидается боецъ
Почти одинъ на полъ-дорогѣ...»
(«Медвѣжья охота»).

И теперь эта исторія повторяется, какъ по писанному... Да, именно теперь, когда, благодаря попечительству о народной трезвости, дѣло народнаго театра близится къ тому, чтобы стать на прочную почву, этотъ „боевой" вопросъ, если и „не

покидается на полъ-дорогѣ“, то готовъ снова запутаться въ „силкахъ“ россійскаго легкомыслія, индифферентизма и скептической насмѣшки...

Пока слышатся лишь отдѣльные ироническіе голоса; но весьма, можетъ быть, не далеко то время, когда имъ станетъ подтягивать дружный хоръ единомышленниковъ—при нашей умственной неустойчивости и покладливости всего должно ожидать! Въ результатѣ, всѣ эти голоса сводятся къ одному: никакого особаго „народнаго“ театра быть не можетъ, а долженъ быть театръ „общедоступный“ и самое слово „народный театръ“ слѣдуетъ предать забвенію. По моему же глубокому убѣжденію, если какое слово слѣдуетъ предать уничтоженію, такъ это именно слово „общедоступный“, какъ слово съ одной стороны (матеріальной), объясняющее слишкомъ мало, а съ другой стороны (нравственной) допускающее слишкомъ много... Кому же не извѣстна такая избитая истина, что есть вещи дорогія и дешевыя, театры съ возвышенной платой за мѣста и съ платой уменьшенной. Если въ наше время почему либо возникъ вопросъ о народномъ театрѣ, такъ значитъ, на то была какая нибудь болѣе существенная причина. По моему, разсуждать многословно о малодоступномъ театрѣ и общедоступномъ совершенно безцѣльно и даже смѣшно, ибо дѣло идетъ здѣсь о простой сбавкѣ на мѣста и такимъ образомъ одинъ и тотъ же театръ, смотря по обстоятельствамъ,

можетъ быть и мало, и много доступнымъ. Бываютъ панталоны дорогія и дешевыя, но ни одному портному, однако, не пришло въ голову выставить въ магазинѣ „панталоны общедоступныя"—такія растяжимыя панталоны навѣрное никуда не годились бы, а между тѣмъ любой зѣвака передъ тѣмъ же магазиномъ по одной цѣнѣ на панталонахъ всегда безошибочно можетъ отнести таковыя къ числу мало- или многодоступныхъ.

На мой взглядъ, общедоступные театры выросли на Руси насчетъ народныхъ, изъ одного очень простого недоразумѣнія, изъ котораго выросло и многое иное, столь же смутное—изъ недоразумѣнія цензурнаго... Публикѣ, конечно, неизвѣстно то, что извѣстно любому самому случайному театральному антрепренеру: что для пьесъ, играющихся на такъ называемыхъ общедоступныхъ театрахъ, достаточно разрѣшеніе одной цензуры „общей драматической"; а для пьесъ, предназначенныхъ для народныхъ театровъ, требуется еще спеціальное клеймо цензуры — народно-драматической („Къ представленію на народныхъ театрахъ одобрено") иными словами—къ первому дѣлу ведетъ путь болѣе простой и короткій, чѣмъ ко второму, для коего надо пройти обѣ цензурныя стадіи... А у кого же, спрашивается, хотя бы ради дорогого дѣла народнаго театра, найдется достаточно охоты и—главное—время... излишне себя затруднять?... Чтобы распредѣлить цвѣты и терніи какъ должно,

я бы сказалъ, что путь общедоступнаго театра и театра народнаго почти тотъ же путь, что путь общедоступный дѣвицы и законной жены: первый путь легкій, но весьма предосудительный и рѣдко кончается добромъ; второй путь, въ наше время, болѣе трудный, но, само собой, разумѣется, болѣе достойный и нравственный... Истинному поборнику народнаго театра, полагаю, должно быть ясно, какой путь слѣдуетъ избрать предпочтительно, т. е. надѣвать ли общедоступную маску и всячески интриговать свою довѣрчивую сѣрую публику или же увеселять и поучать эту самую публику съ открытымъ лицомъ и спокойной совѣстью...

Да, эта сѣрая публика очень и очень довѣрчива и все еще продолжаетъ вѣрить намъ, „господамъ“, какой бы безнравственный вздоръ мы ей не предлагали подъ видомъ модной театральной пьесы (въ которой у Савиной такой удивительной капотъ въ послѣднемъ актѣ!). А если, слава Богу,— не вѣритъ, то рѣшительно недоумѣваетъ и нерѣдко совершенно сбивается съ толку...

Эта живая отвѣтственность передъ сѣрой, простодушной и неиспорченной публикой особенно чувствуется въ провинціи, гдѣ наростающая потребность въ развлеченіяхъ заставляетъ давать въ мѣстныхъ театрахъ представленія, по дешевымъ цѣнамъ—представленія, приближающіяся такимъ образомъ къ зрѣлищу театра народнаго.,. Какъ сейчасъ помню одинъ такой спектакль въ

одномъ старинномъ провинціальномъ городѣ, гдѣ я жилъ года два тому назадъ. Давалась какъ разъ одна изъ тѣхъ типично-столичныхъ драмъ, которыя, съ легкой руки литературно-театральнаго комитета, распространили свое сценически-просвѣтительное давленіе по лицу матушки-Руси... Героиня пьесы—какая то кисейная барышня—въ первомъ актѣ все прыгаетъ и хлопаетъ въ ладоши отъ восторга, что скоро выходитъ заму жъ:—„Ахъ какъ это будетъ весело!—восклицаетъ героиня.—Пойдутъ пикники, балы, маскарады... Вотъ будетъ прелесть!..“ Во второмъ актѣ она уже не прыгаетъ и не хлопаетъ въ ладоши, потому что мужъ, по обыкновенію, оказался деспотъ: для того, чтобы одѣвать свою кисейную жену, потребовалось, по разсчету, очень много кисеи, а потому мужъ-деспотъ добрую половину дня сидитъ дома и усиленно работаетъ, а жена нервничаетъ и скучаетъ... Въ третьемъ актѣ бѣдная жертва мужчинскаго деспотизма заводитъ себѣ любовника, какого-то горнаго инженера, отыскавшаго въ ней новое золото; а въ четвертомъ—героиня не понятая ни мужемъ, ни любовникомъ... ни публикой, отравляется, лежа на атласной кушеткѣ, въ кружевномъ пеньюарѣ и съ кокетливо распущенными волосами на манеръ Дирцеи Семирадскаго.

Все время представленія я смотрѣлъ не на „идейную“ пьесу (которую, увы, уже видѣлъ въ исполненіи лучшихъ столичныхъ силъ), а на раекъ,

переполненный самой простонародной, не идейной, публикой—и видѣлъ, какъ по мѣрѣ развитія пьесы, загорѣлыя здоровыя лица съ простодушными глазами дѣтей, постепенно вытягивались въ выраженіе полнѣйшаго недоумѣнія... Занавѣсъ, конечно, опустился бы при гробовомъ молчаніи, если-бъ громкій разговоръ въ райкѣ не нарушилъ этого народнаго безмолвія:

— Померла наша барынька, ау!—неожиданно громко воскликнулъ какой-то мастеровой.

— Ну, и что-жъ изъ эстого?—зычно возразилъ его сосѣдъ.—Извѣстно, всякая дура по своему съ ума сходитъ!..

А, подите же, въ Москвѣ на первомъ представленіи пьесы публика неистовствовала, вызывая несчетное число разъ Ермолову и Южина.

Вскорѣ затѣмъ мнѣ удалось подслушать на кухнѣ бесѣду нашего дворника съ женой, только что вернувшихся съ такого же „общедоступнаго“ спектакля, въ которомъ давалась „Дама съ камеліями“ Дюма-сына.

— Ничего я тамъ не поняла. Заснуть въ пору!—вздыхала жена.

— Заснуть, эка дура!..—морализировалъ мужъ:—Вѣдь это намъ въ поученіе приставляли.

— А ты-то понялъ?

— Гдѣ-жъ мнѣ понять. Это дѣло господское Не скоро поймешь, къ чему понятіе клонятъ!..

Впрочемъ, нашъ дворникъ напрасно клепалъ на

себя: онъ отлично понялъ „къ чему понятіе клонятъ“, и когда я его въ другой разъ послалъ, уже нарочно, ради опыта, посмотрѣть драму Сумбатова „Цѣпи“, онъ вернулся съ явнымъ ожесточеніемъ за потраченныя даромъ деньги.

— Ну что тамъ представляли?

Онъ мрачно насупился и махнулъ рукой.

— Ну, ихъ—опять какую то „Маргаритку“ ломали! пояснилъ онъ, презрительно усмѣхаясь.

Такъ слово „Маргаритка“ и пошло затѣмъ гулять по дворамъ, какъ новый символъ легкомысленно обѣленной распутницы. По одному уже этому мимоходному примѣру вы видите, что въ вопросѣ о народномъ театрѣ и общедоступномъ какъ бы сталкиваются двѣ нравственности—одна настоящая, народная, строго христіанская; а другая—общедоступная, городская, порожденная на свѣтъ поверхностнымъ газетнымъ фельетономъ и хлесткою рѣчью моднаго адвоката (не рѣдки, вѣдь, примѣры, когда подобная обѣленная адвокатомъ, во время суда, „Маргаритка“ снова падала послѣ суда... прямо въ объятія этого самаго обѣлившаго ее адвоката!).

Зато тотъ же самый дворникъ, когда на столбахъ появились афиши, обѣщавшія представленіе „Василисы Мелентьевой“ Островскаго, самъ отпросился у меня въ театръ и, если снова вернулся мрачнѣе ночи, то уже совсѣмъ по другой причинѣ: всѣ дешевыя мѣста, какъ оказалось, были разобраны еще съ утра.

— Ничаво нѣту на Мелентьеву!—заявилъ онъ мнѣ глубоко печальнымъ тономъ, меланхолически почесывая свой лохматый затылокъ.

И, дѣйствительно, „Василиса Мелентьева" Островскаго дана была еще два раза на сценѣ мѣстнаго городского театра, при чемъ всѣ три раза театръ былъ биткомъ набитъ народомъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова... Имя Іоанна Грознаго, фигурировавшее на афишѣ, точно наэлектризовало народную массу, въ которой, очевидно, были живы и близки сердцу старинныя преданія о грозномъ царѣ, связанныя съ тѣмъ самымъ стариннымъ городомъ, гдѣ давалась пьеса... Интересную подробность сообщилъ мнѣ при этомъ актеръ той самой провинціальной труппы, которая исполняла „Василису Мелентьеву", а именно, что въ настоящее время, при выборѣ пьесъ для провинціальныхъ бенефисовъ, приходится болѣе сообразоваться со вкусами зрителей дешевыхъ мѣстъ, чѣмъ со вкусами мѣстной интелигенціи (явно предпочитающей здравому русскому смыслу парикмахерскую философію Дюма-сына)— такъ что не разъ приходилось замѣнять намѣченную модную новинку, нашумѣвшую въ Москвѣ и Петербургѣ, трогательной мелодрамой или исторической пьесой. Не знаменіе ли это, въ самомъ дѣлѣ, созрѣвшей потребности въ народномъ театрѣ?..

II.

Надо отдать справедливость, не мало вносятъ смуты въ вопросъ о народномъ театрѣ его неумѣлые ревнители и ревнительницы. Одни изъ нихъ грѣшатъ излишней рѣшительностью и берутъ слишкомъ высокую ноту, мало справляясь о ближайшихъ нуждахъ народа; другіе, наоборотъ, страдаютъ излишнею нерѣшительностью—и то разбрасываются лихорадочно въ разныхъ проектахъ, брошюрахъ и докладахъ, то изнываютъ въ какомъ то педагогическомъ томленіи по возвышенно-смутнымъ и совершенно недостижимымъ идеаламъ. Характерной представительницей перваго типа является г-жа В. Сѣрова, извѣстная вдова извѣстнаго композитора, а таковымъ же представителемъ второго является Н. А. Поповъ—менѣе извѣстный, но не менѣе дѣятельный въ дѣлѣ народнаго театра,—совсѣмъ еще молодой человѣкъ изъ такъ называемой купеческой интелигенціи. Тогда какъ г-жа Сѣрова, по избытку своей энергіи, играетъ въ дѣлѣ народнаго театра какъ бы роль лэди Макбетъ—г. Попову на томъ же благородномъ поприщѣ принадлежитъ нѣкоторымъ образомъ роль Гамлета.

Г-жа Сѣрова дѣйствуетъ очень рѣшительно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она отважно заявила на страницахъ журнала „Артистъ“, что „самой плодотворной театральной дѣятельностью въ деревнѣ

она считаетъ устройство оперныхъ спектаклей". И она поступаетъ такъ же рѣшительно, какъ говоритъ... Великимъ постомъ 1896 года она пріѣхала въ село Рождествено съ высокою цѣлью поставить на сценѣ деревенскаго театра оперу своего мужа „Вражью силу" и обратилась къ собравшемуся народу съ такою рѣчью: „Хотите вмѣстѣ со мной поработать надъ произведеніемъ, написаннымъ сочинителемъ для васъ, для народа? Хотите потрудиться въ память этого сочинителя, умершаго 25 лѣтъ тому назадъ? Если хотите—то я переѣду въ Рождествено!!...".

— Хотимъ, желаемъ!!—загалдѣлъ народъ.

И г-жа Сѣрова переѣхала въ Рождествено. Такимъ образомъ, весь Великій постъ прошелъ для крестьянъ и крестьянокъ села Рождествена въ совершенно небывалыхъ трудахъ, вызванныхъ оперными репетиціями, результатомъ коихъ явилось оригинальное зрѣлище юбилейнаго народнаго спектакля, сошедшаго, судя по газетнымъ отзывамъ, вполнѣ удачно. Зная удивительную даровитость русскаго человѣка, я нисколько не удивляюсь тому, что оперный спектакль г-жи Сѣровой сошелъ удачно во всѣхъ отношеніяхъ: при „извѣстной энергіи", изъ русскаго человѣка все сдѣлать можно!!! Я отлично помню, что когда десять лѣтъ тому назадъ я ставилъ спектакль для солдатъ въ Бендерской крѣпости, меня очень удручалъ на репетиціи своей плохой игрой бомбардиръ, игравшій

заглавную роль перваго любовника. Я какъ-то обмолвился объ этомъ его ротному командиру и тотъ, не долго думая, посадилъ его на двое сутокъ подъ арестъ. И чтожъ вы думаете? По выходѣ изъ-подъ ареста, мой бомбардиръ такъ блистательно сыгралъ роль на спектаклѣ, что только оставалось развести руками. Да, не мало таится талантовъ въ русскомъ человѣкѣ; но зато, конечно, и не мало надо усилій, чтобы вызвать ихъ наружу... Охотно вѣрю, что при энергіи г-жи Сѣровой, мужики села Рождествена одолѣли бы даже „Тристана“ Вагнера!

Для меня, однако, остается открытымъ совсѣмъ другой вопросъ: кому крестьяне села Рождествена были бы, по совѣсти, больше рады—пріѣзду въ село г-жи Сѣровой съ мудреной оперой или пріѣзду въ то же село немудренаго театра маріонетокъ съ Петрушкой во главѣ. У дамъ, надо признаться, довольно своеобразные взгляды на истинные вкусы русскаго народа... Вотъ, напримѣръ, на страницахъ того же „Артиста“, бокъ-о-бокъ съ г-жей Сѣровой, другая дама, Л. Нелидова, считаетъ самой существенной потребностью для человѣчества высокую постановку въ Россій балета и искренно скорбитъ, „что эра христіанства, перевернувшая старое міровоззрѣніе, нанесла явный ударъ развитію хореографическаго искусства“... Она идетъ дальше и требуетъ отъ государства, чтобы оно устраивало за свой счетъ балетныя школы во всѣхъ губернскихъ центрахъ.

О, дамы, дамы!!.

Н. А. Поповъ въ дѣлѣ народнаго театра—Гамлетъ, и изданный имъ толстый сборникъ подъ заглавіемъ: „Народный театръ“, вѣрнѣе было бы озаглавить „Быть или не быть“—такимъ смутнымъ, неопредѣленнымъ и безхарактернымъ составомъ отличается сія изящно изданная книжица. Судите сами: въ одномъ мѣстѣ васъ умиляетъ отчетъ о дѣтскихъ спектакляхъ за Невской заставой, основанный на сомнительномъ опытѣ учительницы Чичаговой, а въ другомъ мѣстѣ помѣщена статья, противъ дѣтскихъ спектаклей, скрѣпленная авторитетомъ старика Пирогова; тамъ же — свѣтлая какъ весеннее утро, статья извѣстнаго педагога Бунакова и, черезъ нѣсколько страницъ, смутная, какъ осенняя ночь, статья совершенно неизвѣстнаго Степанова... тамъ же опять пламенная статья г-жи Сѣровой, пропагандирующей „Вражью силу“ и отрицающей „Аскольдову могилу“ и тамъ же меланхолическій отчетъ г-на Беккаревича о томъ, какъ онъ пытался привить театральные вкусы въ глухой деревнѣ постановкой „Уріель Акоста“ и „Горе отъ ума“ и т. д. и т. д.

Другой сборникъ, выпущенный тѣмъ же Н. Поповымъ подъ многоэтажнымъ заглавіемъ „Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ, съ приложеніемъ архитектурнаго проекта Ф. О. Шехтеля Народнаго дома въ Москвѣ“—на-

столько же болѣе тонокъ по объему, на сколько болѣе дѣленъ по содержанію, хотя и въ немъ между двухъ серьезныхъ статей А. И. Чупрова и Влад. И. Немировича-Данченко, звучитъ диссонансомъ возвышенно-смутная статья нѣкоего г. Полнера, весьма родственная по своимъ туманнымъ выводамъ вышеупомянутой статьѣ Степанова. Г. Полнеръ убѣжденъ, что „мелодрамы должны исчезнуть съ лица земли, а для серьезныхъ пьесъ, почему либо непонятныхъ для народа, могли бы быть написаны особые прологи, которые объясняли бы то, что въ тѣхъ непонятно“... Это мнѣ невольно напоминлетъ одного моего добраго знакомаго трагика-любителя, написавшаго совершенно своеобразную вещь: „Нечистая сила“, драма въ 6 дѣйствіяхъ и 3 междудѣйствіяхъ.

— Что это такое „междудѣйствіе“? спрашиваютъ его.

— Это совсѣмъ новый пріемъ! Это небольшіе акты, въ которыхъ актеръ или самъ авторъ объясняютъ публикѣ все то, что непонятно въ остальныхъ актахъ.

Оригинальный пріемъ, надо признаться!

Нечего удивляться, если, благодаря такой неустойчивости міровоззрѣнія, г. Попова преслѣдуютъ на практикѣ неудачи. Такую чувствительную неудачу потерпѣла, между прочимъ, устроенная имъ на пасхальной недѣлѣ, за Невской заставой, народная выставка картинъ. Это была совер-

шенно исключительная выставка.—Г. Поповъ развѣсилъ въ зимнемъ помѣщеніи Невскаго народнаго театра съ полсотни олеографій, присоединилъ къ нимъ роскошно отпечатанный каталогъ, какого даже не видали наши настоящія выставки, и великодушно назначилъ за входъ 3 коп. Забылъ онъ только одно—что его олеографіи, въ родѣ „Изверженія Везувія", „Площади въ Венеціи" „Свадьбы въ ледяномъ домѣ", и т. п. давно намозолили всѣмъ глаза въ провинціальныхъ клубахъ, столичныхъ портерныхъ и въ трактирахъ средней руки и что таковыя олеографіи, если и могутъ служить, то лишь къ порчѣ художественнаго вкуса, а отнюдь не къ его развитію—и это очень отрадная черта, что народъ даже за три копѣйки не пожелалъ портить своего вкуса... Мнѣ говорили, что основатель этой выставки не только не упалъ духомъ, но собирается вскорѣ совершить съ этой курьезной выставкой своего рода анти-артистическое турнэ по Россіи, и затѣмъ обо всей этой исторіи прочесть докладъ въ долготерпѣливомъ московскомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго техническаго общества. Это, впрочемъ, чистая московская слабость... читать докладъ о всякомъ пустякѣ: сдѣлаетъ человѣкъ невзначай какую нибудь глупость и сейчасъ же торопится прочесть докладъ или рефератъ о собственной своей неудачной выдумкѣ. На повѣрку выходитъ, что въ то время, какъ въ Петербургѣ народился чуть не десятокъ

народныхъ театровъ,—въ Москвѣ по этому поводу все читаютъ доклады и рефераты и любуются, для очистки совѣсти, грандіознымъ проектомъ „Московскаго народнаго дома“ г. Шехтеля.

Если мы такъ подробно распространяемся о попыткахъ г. Попова, то лишь потому, что мы надѣемся, что этотъ молодой человѣкъ, при его безкорыстномъ рвеніи къ дѣлу, можетъ дѣйствительно что нибудь сдѣлать путное... если вылечится, конечно, отъ своей рефератно-педагогической лихорадки и отъ туманныхъ теорій перейдетъ къ живому дѣлу. Вдобавокъ, самъ онъ недурной актеръ и не разъ пробовалъ себя на народныхъ подмосткахъ, а близкое его знакомство съ такимъ удивительнымъ режиссеромъ-художникомъ, каковъ московскій любитель-артистъ Станиславскій, даетъ предугадывать въ немъ будущаго солиднаго режиссера народной сцены. Напомню ему, кстати, одинъ поучительный анекдотъ... Былъ у меня одинъ товарищъ по гимназіи, истинный комикъ по призванію, который съ большимъ успѣхомъ подвизался одно время на любительскихъ дачныхъ подмосткахъ. Затѣмъ этотъ товарищъ увлекся народолюбіемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ выступилъ уже совершенно на другомъ поприщѣ... къ качествѣ неудачнаго издателя и плохого компилятора разныхъ книгъ и брошюръ для народа. Не разъ размышляя объ его неудачно сложившейся

жизни, я всегда съ грустью недоумѣвалъ: что заставило его избрать кривой и сомнительный путь, когда у него былъ путь болѣе прямой и дѣйствительный—подмостки народнаго театра?! Немудрено, что какъ въ послѣднихъ статьяхъ г-жи Сѣровой, такъ и въ докладахъ г. Попова пробивается подчасъ нота сомнѣнія и разочарованія... Странно, однако, почему же ни г-ну Е. Карпову, режиссировавшему спектакли для фабричныхъ за Невской заставой, ни капитану Плахову, устроившему цѣлый рядъ спектаклей для солдатъ въ Кіевѣ, не пришлось ни сомнѣваться, ни разочаровываться. Весь секретъ, значитъ, заключается въ томъ, чтобы ближе знать народъ и умѣло приступить къ дѣлу.

А какъ лучше приступить къ этому дѣлу, учиться приходится — увы! — не у московскихъ профессоровъ и петербургскихъ педагоговъ, а просто-напросто у гг. балаганщиковъ. Если бы г. Поповъ побывалъ на Пасхѣ на балаганахъ, на Семеновскомъ плацу, то онъ во-очію увидѣлъ бы, какія пьесы имѣютъ въ народѣ наибольшій успѣхъ. А наибольшій успѣхъ имѣли на этотъ разъ двѣ пьесы: „Взятіе Геокъ-Тепе“ (разумѣется, со включеніемъ живой картины, изображающей Скобелева на бѣломъ конѣ) и драматизированная Пушкинская сказка „О купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ“—словомъ, пьеса *героическая* и пьеса *смѣхотворная*... По странному, но неминуемому совпаде-

нію, программа для народнаго театра балаганщика Лейферта и ученаго мужа въ родѣ Н. Бунакова, сошлись точка въ точку. Мнѣніе Бунакова извѣстно: „Опытъ показалъ, пишетъ онъ, что въ русской деревнѣ, съ преобладаніемъ въ театрѣ крестьянской публики, наибольшій успѣхъ имѣютъ тѣ представленія, которыя даютъ изображеніе не заурядной будничной жизни, а чего либо выходящаго изъ ряда—что, напримѣръ, отличается героическимъ характеромъ, или, что очень забавно, что поражаетъ или вызываетъ неудержимый смѣхъ“. Въ этихъ краткихъ и простыхъ словахъ изложена какъ бы главная формула народнаго театра и каждому инстинному стороннику народнаго театра непремѣнно слѣдовало бы ее принять какъ таковую (въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще и естественнѣе, что народъ, живущій будничною жизнью въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, желаетъ видѣть на сценѣ именно то, что приподнимало бы его надъ этой самой будничной жизнью, какъ приподнимаетъ историческая пьеса, сказка-феерія и мелодрама, или же то, что помогло бы ему отдохнуть отъ его горькихъ будней и развлечься, будь то безобидный водевиль или развеселый клоунъ). Дико было бы, господа, желать служить дѣлу народнаго театра и, въ то же время, не желать считаться съ живой силой русскаго народа, съ ея несложными вкусами и излюбленными идеалами!..

Что большинство нашихъ народолюбцевъ и народолюбицъ изъ интелигенціи не желаютъ съ ней считаться и явно сторонятся выводовъ, подсказанныхъ самою жизнью—это только доказываетъ, что большинство этой самой интелигенціи, при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ продолжаетъ, страдать своимъ давнишнимъ застарѣлымъ недугомъ—жизнебоязнью. Еще Достоевскій очень проникновенно замѣтилъ по этому поводу: „Что всѣ мы про себя согласны, что по книжкѣ лучше, и къ настоящей живой жизни чувствуемъ подчасъ какое то омерзеніе... Оставьте насъ однихъ, безъ книжки, и мы тотчасъ запутаемся, потеряемся, не будемъ знать куда примкнуть, чего придержаться, что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать? Мы даже и человѣками-то быть тяготимся—человѣками съ настоящимъ *собственнымъ* тѣломъ и кровью; стыдимся этого, за позоръ считаемъ и норовимъ быть какими-то небывалыми обще-человѣками"! („Записки изъ подполья").

Конечно, такому обще-человѣку съ его небывалымъ обще-человѣческимъ идеаломъ, куда болѣе на руку общедоступный театръ, чѣмъ театръ народный, требующій самой трудной науки изъ наукъ—науки народовѣдѣнія. Не мудрено поэтому, что на такого народолюбца такія простыя слова, какъ „мелодрама", „водевиль", „циркъ" и „балаганъ" наводятъ почти такой же паническій страхъ, какой возбуждалъ въ купчихѣ Брусковой слово

„металлъ“. Не мудрено также, что подобный полицейско-педагогическій взглядъ приведетъ, въ концѣ концовъ, къ тому, что изъ народнаго театра гг. обще-человѣками, со стараніемъ достойнымъ лучшей доли, будетъ выкуриваться именно то, что привлекаетъ въ театръ!..

Спб., Май 1898 г.

Враги и друзья народнаго театра.

I.

„Московскія Вѣдомости“ протестуютъ противъ устройства народныхъ театровъ — и протестуютъ „не въ частности“, какъ сторонники такъ называемой „общедоступки“, а „вообще“, принципіально!..

По странной случайности, это инквизиторское „вообще“ попалось мнѣ на глаза какъ разъ въ самый день появленія въ печати первой половины моей защиты народнаго театра. Очевидно, я хорошо сдѣлалъ, что не отложилъ ее въ долгій ящикъ и во время вступился за злополучный народный театръ, который, точно назрѣвающій колосъ, подтачиваемый кузькой, также подтачивается его односторонними противниками въ самый нѣжный моментъ его нарожденія.—Что же, спрашивается, смущаетъ главнымъ образомъ „Московскія Вѣдомости“? Ихъ смущаютъ, въ сущности, два совершенно случайныхъ соображенія, а именно: что на сцену народнаго театра могутъ проникнуть пьесы „вредныя и бездарныя“, которыя нанесутъ непоправимый ущербъ нашему „національному“ развитію, а самое развлеченіе теат-

ромъ приведетъ, въ концѣ-концовъ, къ исчезновенію „патріархальнаго типа праздничнаго отдыха“.

У страха, какъ извѣстно, глаза велики, а у „Московскихъ Вѣдомостей“ они, вдобавокъ, послѣ „19 февраля“, и недостаточно протерты. Что на сцену народнаго театра не могутъ проникнуть пьесы завѣдомо вредныя—въ томъ, полагаю, крѣпкой порукой служитъ установленная для народнаго театра двойная цензура. Еще неосновательнѣе было бы полагать, что гг. режиссеры и критики готовы защищать съ пѣной у рта исключительно бездарныя пьесы, хотя послѣднія и являются особенно дорогими гостями литературно-театральнаго комитета. Что же касается до идилическаго вздоха объ исчезновеніи патріархальности нравовъ, то на склонѣ двадцатаго столѣтія о ней можно было бы благоразумнѣе умолчать. Еще болѣе неосновательно и недостойно было бы думать, что возникновеніе народнаго театра послужитъ къ упадку національнаго чувства: напротивъ того, развитіе народнаго театра дастъ неизбѣжнымъ образомъ самый внушительный и благодѣтельный толчокъ именно къ поднятію этого чувства путемъ изученія памятниковъ народнаго творчества и можетъ породить совсѣмъ небывалое оживленіе художественной словесности вообще, что нерѣдко случалось во времена упадка литературы, когда въ нее вливалась неожиданно свѣжая народная струя. Надо быть, въ самомъ дѣлѣ, очень недальновид-

нымъ, чтобы забыть одно изъ главныхъ дѣяній Александра III разбудившаго въ насъ временно заглохшее національное чувство и вызвавшаго къ жизни, въ числѣ многихъ русскихъ вопросовъ, также вопросъ о народномъ театрѣ.

Впрочемъ, „Московскія Вѣдомости“ послѣднихъ лѣтъ оказываютъ уже не впервые свою граждански-медвѣжью услугу общественному благу и священной памяти великихъ людей и, надо думать, бьютъ совершенно напрасную тревогу, такъ какъ повидимому очень скоро всѣ чуткіе русскіе люди перестанутъ вовсе откликаться на зовъ ихъ промокшаго барабана, привыкнувъ понемногу, что тревога фальшивая и отечеству никакая опасность не грозитъ.

У В. А. Слѣпцова, въ его повѣсти „Трудное время“, есть одна очень характерная сценка, весьма подходящая для обрисовки настоящаго отношенія между наиболѣе живой частью нашей публики и патріотами „Московскихъ Вѣдомостей“ — только тамъ вопросъ идетъ не о народномъ театрѣ, а о земствѣ:

...Гг. дворяне, съѣхавшіеся на открытіе дворянскаго клуба, въ ожиданіи обѣда, прохаживаются, закусываютъ и разговариваютъ...

— Господа, послушайте-ка!

— Ну!

— Не слыхалъ ли, или не читалъ ли кто,—земство, что за штука такая?

— Ну, вотъ еще что выдумалъ! Давай я тебя за это поцѣлую...

— Да нѣтъ, постой, братецъ, нельзя же...

— Чего тутъ нельзя! Иди-ка, братъ, лучше водку пить. Разговарить тутъ еще... земство! Тебѣ какое дѣло?“.

И эта исторія повторяется всякій разъ, какъ въ обществѣ всплыветъ наружу какой-нибудь существенный вопросъ, вызванный къ свѣту самой жизнью:—Народный театръ! А тебѣ какое дѣло? Разговаривать тутъ еще... Иди-ка, братъ, лучше водку пить!!.

Къ счастью, самъ народъ нѣсколько иного мнѣнія о народномъ театрѣ, чѣмъ „Московскія Вѣдомости“ и, вмѣсто того, чтобы „идти пить водку“, идетъ толпами на народныя гулянья, устраиваемыя „С.-Петербургскимъ городскимъ попечительствомъ о народной трезвости“ (подъ покровительствомъ Е. В. принца А. П. Ольденбургскаго).

До этихъ новыхъ, широко-поставленныхъ народныхъ гуляній, существовало нѣсколько лѣтъ тому назадъ всего одно чисто-народное гулянье довольно, впрочемъ, низкаго пошиба, на Глазовой улицѣ, подъ названіемъ „Америка“—и это наименованіе, повидимому, теперь примѣняется символически къ открытію новыхъ народныхъ гуляній общества трезвости. По крайней мѣрѣ, на Екатерингофскомъ гуляньѣ, я самолично слышалъ это словцо изъ устъ простого матроса, очевидно, быв-

шаго прежде на Глазовой улицѣ. Матросъ только-что вышелъ изъ танцовальнаго павильона, гдѣ отплясывалъ польку съ какой-то простоволосой подругой въ красной кофтѣ, и загорѣлое лицо его лоснилось отъ пота и самодовольствія. Онъ вытеръ отъ избытка чувствъ широкой ладонью свой толстый носъ и, обращаясь къ товарищу, тоже матросу, ожидавшему его у выхода, весело проговорилъ:

— „Это даже очень хорошо, что господа для народа разныя „Америки“ открываютъ,—а то, въ самомъ дѣлѣ, простому человѣку, окромя кабака, дѣваться некуда было!..“

И это простое, какъ здравый смыслъ, слово русскаго матроса служитъ, по моему, лучшимъ отвѣтомъ на всѣ филиппики „Московскихъ Вѣдомостей“.

Но на открытіи этой „Америки“ мнѣ хочется остановиться нѣсколько подробнѣе, т. е. главнымъ образомъ остановиться на Екатерингофскомъ народномъ гуляньѣ, по типу котораго устроены и устраиваются остальныя народныя гулянья и театры (Полюстровское гулянье, гулянья въ Таврическомъ саду, въ Петровскомъ и Александровскомъ паркахъ и проч.).

II.

Впервые мнѣ пришлось навѣстить означенное народное гулянье позапрошлое воскресенье и, на

этотъ разъ, я вполнѣ схожусь съ однимъ изъ рецензентовъ, который, свидѣтельствуя свой полнѣйшій восторгъ по поводу всего видѣннаго, между прочимъ, пишетъ: „Если меня спросятъ, чего здѣсь не хватаетъ, что еще надо дать народу, я, говоря откровенно, отвѣчу — не знаю"...

И я тоже не знаю. Я прожилъ въ губернскомъ городѣ добрыхъ пять лѣтъ и, конечно, за большую плату никогда бы не могъ получить и десятой доли тѣхъ развлеченій, что получитъ за входной гривенникъ простой фабричный парень, живущій въ Петербургѣ и случайно попавшій на народное гулянье, устроенное попечительствомъ. Такой парень, по-моему, долженъ разинуть ротъ отъ изумленія и снять шапку передъ гг. распорядителями изъ чувства благодарности. Въ самомъ дѣлѣ, чего хочешь, того и просишь!.. Прекрасный оркестръ военной музыки, открытый театръ съ добропорядочной труппой и превосходной обстановкой, пѣсенники и балалаечники, клоуны и фокусники, тиръ и кегельбанъ, павильонъ для танцевъ и народная кухня и буфетъ съ цѣнами весьма недалекими отъ цѣнности пареной рѣпы (судите сами: тарелка щей съ мясомъ—10 к., яичница—15 к., битокъ съ картофелемъ—7 к., стаканъ чаю, кофе или молока, равно какъ и кружка пива—5 коп., бутерброды и пирожныя по 3 коп., кружка квасу или кипяченой воды съ краснымъ виномъ 1 к. и т. п.—и при этомъ всѣ продукты вполнѣ доброкачественные; а кухня

со стекляной галлереей, черезъ которую вы видите, какъ все готовится, прямо сверкаетъ своей чистотой!).

„Mein Liebchen was willst du noch mehr??“.

Вотъ что можно бы сказать устами Гейне г-жѣ народной толпѣ, наполняющей сады попечительства... По моему, этой простонародной „либхенъ“, за ея гривенникъ, даютъ даже слишкомъ много и я боюсь,—какъ бы, посягая такимъ образомъ на несложность и неиспорченность ея вкусовъ, не притупили бы и не пресытили бы преждевременно этихъ самыхъ вкусовъ излишнимъ блескомъ и разнообразіемъ обстановки и развлеченій!

Однако, отчего бы не повторить помянутый вопросъ уже чисто по-русски: т. е. „Какого, спрашивается, вамъ еще рожна?“

И хотите ли я скажу вамъ, по секрету, какого еще требуется рожна?... Хорошаго народнаго репертуара!

Когда я побывалъ на Екатерингофскомъ гуляньѣ впервые (на сценѣ шла сказка-феерія „Конекъ-Горбунокъ“ съ прекрасной обстановкой, по стихотворному тексту П. Ершова), я самъ „ничего бо̀льшаго“ не желалъ и общая картина народнаго гулянья рѣшительно меня восхитила; но, когда я побывалъ на томъ же гуляньѣ еще дважды и затѣмъ заглянулъ въ Полюстровскій садъ—я вынесъ новый запасъ наблюденій, приведшій меня неизбѣжно къ вышеупомянутому выводу... Да, отсутствіе хоро-

шаго народнаго репертуара—вотъ Ахиллесова пята означенныхъ народныхъ гуляній. По всему видно, что въ практической лихорадкѣ спѣшной и огромной работы по устройству народныхъ гуляній не столько не желательно, сколько прямо некогда (а можетъ быть и некому?) было заняться этой, такъ сказать, литературной стороной дѣла — и оттого на общемъ свѣтломъ фонѣ картины такъ досадно рѣжутъ глазъ попадающіяся на ней пятна и попадающіяся именно въ самомъ, такъ сказать, ея центрѣ. Это относится одинаково какъ къ подробностямъ драматическаго репертуара, такъ и къ выбору номеровъ „дивертиссмента“ (?). Когда на народной сценѣ жонглируютъ, прыгаютъ, острятъ и всячески народъ веселятъ „братья Шепуровы“— тутъ нѣтъ ничего дурного, какъ нѣтъ ничего дурного во всякомъ народномъ элементѣ, и клоуны, въ родѣ много-извѣстнаго Анатолія Дурова, имѣютъ всѣ права на народное вниманіе. Это ведется издавна—и еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по изслѣдовапію А. С. Фаминцына, существовалъ своего рода Анатолій Дуровъ—потѣшникъ-скоморохъ, именуемый въ старинной пѣснѣ „крысинымъ господиномъ“, который плясалъ на канатѣ, выводилъ ученыхъ крысъ и мышей и обращался къ толпѣ съ разными шутками и прибаутками:

„А *крысиный господинъ* по канату выходилъ,
По канату выходилъ, съ стариками говорилъ...“

Но когда на народныхъ подмосткахъ появляются супруги Богдановы съ дуэтомъ кафе-шантаннаго пошиба или супруги Ивановы съ театромъ лилипутовъ, распространяющихъ среди взрослыхъ пошлые опереточные мотивы, то это уже выходитъ совсѣмъ не поучительно. Ничего также утѣшительнаго, при всемъ желаніи, нельзя сказать и о впечатлѣніи, которое производитъ на простонародныхъ зрителей „балетъ", въ особенности въ той щедрой пропорціи, въ которой онъ здѣсь преподносится. Пока балетъ является какъ кратко-мимоходная подробность, тѣсно связанная съ сюжетомъ сказки-феерiи, то онъ если и не приноситъ особенной пользы, то не приноситъ и вреда; но когда, какъ въ „Конькѣ-Горбункѣ", онъ занимаетъ добрую половину, а въ феерiи „Золотой хлѣбъ" цѣлыя три четверти и, вдобавокъ, при участіи прима-балеринъ, продѣлывающихъ въ обольстительномъ костюмѣ обольстительные пируэты, то тутъ является невольно вопросъ о вредѣ балета для народа, тотъ самый вопросъ, который былъ поднятъ еще А. В. Островскимъ по отношенію къ таковому же зрѣлищу для дѣтей.

Во время представленія „Конька-Горбунка" (3-я картина: Царь-дѣвица у хана), когда на сценѣ усердно работалъ кордебалетъ, я все смотрѣлъ налѣво, на двѣ простоватыя физіономіи парней, повидимому, мастеровыхъ, которые впились какими-то изумленно-горящими глазами на оголен-

ныхъ танцорокъ и,—когда прима-балерина сдѣлала въ финалѣ особенно смѣлый пируэтъ, старшій парень толкнулъ локтемъ младшаго, застывшаго въ какомъ-то лукавомъ недоумѣніи, и проговорилъ:

— Что, братъ Пронька... тебѣ, поди, и во сняхъ такая геометрія не снилась?..

— Гы-гы!—загоготалъ проснувшійся отъ своего балетоманнаго очарованія Пронька (за эту „геометрію“, кстати сказать, помянутой солисткѣ поднесена была даже какая то-корзиночка цвѣтовъ, чего ужъ ни въ какомъ случаѣ въ народномъ театрѣ дозволять не слѣдуетъ).

Феерія же „Золотой хлѣбъ“ возбуждаетъ въ простой публикѣ уже видимое разочарованіе, ибо тамъ „геометрія“ явно первенствуетъ надъ русской словесностью. Немного поменьше для народа „геометріи“, господа... и побольше мѣста русской словесности!!.

Выборъ „водевилей“ также имѣетъ совсѣмъ случайный характеръ, какъ и выборъ нѣкоторыхъ большихъ пьесъ („Семья“—Крылова, „Кинъ или геній и безпутство“—Дюма-отца и т. п.), а долгіе антракты между картинами отчасти свидѣтельствуютъ, что дирекція болѣе склонна поражать блескомъ представленія, чѣмъ цѣльностью впечатлѣнія. Въ концѣ концовъ, вамъ дѣлается ясно, что программа народныхъ увеселеній является здѣсь ничѣмъ инымъ, какъ сколкомъ съ обычной про

грамы такъ называемыхъ общедоступныхъ садовъ— программы, разумѣется, сообразно обстоятельствамъ, нѣсколько профильтрованной, но ничѣмъ свѣжимъ и оригинальнымъ не отличающейся. Очевидно, созданіе своеобразнаго и новаго народнаго репертуара пока дѣло будущаго!

А между тѣмъ, это дѣло первостепенной важности, въ особенности, если принять во вниманіе, что провинція, гдѣ народные театры растутъ теперь какъ грибы, во всѣ глаза глядитъ на Петербургъ...

Но если вспомнить, что въ Москвѣ до сихъ поръ вовсе ничего не сдѣлано для народнаго отдыха (едва ли можно считать „дѣломъ“ народныя гулянья въ манежѣ во время Масляной и Пасхальной недѣли по „цѣлковому“ за входъ съ человѣка!), то съ невольнымъ снисхожденіемъ и уваженіемъ приходится отнестись къ дѣятельности спб. попечительства, принявшаго на свои плечи столько безчисленныхъ заботъ и всевозможныхъ мелкихъ хлопотъ (одни переговоры съ Городской Думой чего стоятъ).

Если я не раздѣляю излишняго увлеченія дирекціи блескомъ театральной обстановки, то я не могу не привѣтствовать, съ другой стороны, ея стремленія сдѣлать самую обстановку гулянья, по возможности, болѣе народной и, главное, вполнѣ русской. Мальчики-контролеры, поставленные у входа, одѣты въ красивый древне-русскій костюмъ,

а афишеры при театрѣ въ русскіе кафтаны—и это, конечно, какъ нельзя болѣе умѣстно на гуляньѣ для народа, а случайнымъ посѣтителямъ изъ интелигенціи это лишній разъ напомнитъ о ихъ настоящей національности. Я бы пошелъ далѣе—и преобразилъ бы прислугу буфета изъ нѣмецкихъ сюртучниковъ въ русскихъ половыхъ (къ чему народъ такъ привыкъ въ своихъ трактирахъ), да и въ танцовальный павильонъ допустилъ бы изгнанную оттуда почему-то русскую пляску. (Нисколько, признаюсь, не раздѣляю страннаго восторга по поводу того, что среди рабочаго класса входитъ въ моду „Венгерка" и „Pas de quatre", но съ истиннымъ удовольствіемъ смотрю pas de трепакъ, который съ увлеченіемъ отплясывается *рядомъ*, за оградой гулянья, подъ гармонику мастеровыхъ). Впрочемъ, я уже писалъ объ этомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, описывая Варгунинское гулянье за Невской заставой... Тогда же, въ толпѣ, расходившейся отъ танцовальной эстрады, я подслушалъ, между прочимъ, одинъ очень искренній вздохъ:

„— Все кадрель да кадрель,—сокрушался какой-то курносый парень въ поддевкѣ:—то ли бы дѣло сплясать казачка!!"

Я вполнѣ присоединяюсь къ этому сокрушенію и нахожу его вполнѣ справедливымъ: кадриль—кадрилью и полька—полькой, но изгнаніе изъ народнаго обращенія его національныхъ танцевъ я считаю рѣшеніемъ, продиктованнымъ крайней ру-

тинностью взгляда. Въ дѣлѣ-же народнаго развлеченія всякую рутину, въ чемъ бы она ни проявлялась, надо гнать безъ церемоніи вонъ, подобно тому, какъ гонятъ отсюда всякаго нетрезваго посѣтителя („Народный Театръ, стр. 27)“.

Разъ заговоривъ о посѣтителяхъ народныхъ гуляній, я невольно долженъ отмѣтить бросающееся въ глаза обиліе такъ-называемой интелигенціи—обстоятельство, не мало смущающее гг. распорядителей, радѣвшихъ о народѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но это обстоятельство объясняется весьма просто: это объясняется тѣмъ курьезомъ, что въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Петербургъ, порядочному человѣку, тѣмъ болѣе семейному, рѣшительно некуда дѣться, чтобы провести гдѣ нибудь вечеръ, за самую скромную плату (не говоря уже объ остающейся въ городѣ учащейся молодежи). Что собственно надо петербургскому трудящемуся человѣку, проработавшему весь день? Чистый воздухъ въ какомъ нибудь саду, кружка пива или стаканъ чаю и немного музыки—а вмѣсто всего этого, на петербургскаго трудящагося человѣка напускаютъ цѣлое скопище безстыжихъ заграничныхъ каскадёрокъ, которыя поютъ скверные куплеты и, подъ предлогомъ „ньюансовъ“, показываютъ публикѣ свое заграничное бѣлье.

Несомнѣнно, что народныя гулянья, созданныя попечительствомъ, вызовутъ своего рода „противовѣсъ“ со стороны частныхъ антрепренеровъ, кото-

рые, наконецъ, образумятся и станутъ давать приличной публикѣ болѣе приличныя и доступныя по цѣнѣ зрѣлища—и, такимъ образомъ, интеллигентная часть публики отхлынетъ современемъ изъ народныхъ гуляній въ тѣ мѣста, гдѣ ей быть надлежитъ. Слѣдуя пословицѣ „все минетъ, одна правда останется", то же произойдетъ и здѣсь: мода на народныя гулянья среди интеллигенціи минетъ, а народныя гулянья останутся и останутся именно для тѣхъ, для кого они собственно предназначены, т. е. для народа въ самомъ тѣсномъ смыслѣ.

Спб. Май 1898 г.

О репертуарѣ народнаго театра.

I.

Передо мной лежитъ уже сколько времени любопытное письмо г. предсѣдателя драматическаго кружка „народнаго театра въ г. Пензѣ“, въ которомъ онъ, любезно оповѣщая меня объ открытіи означеннаго театра, проситъ нѣкоторыхъ указаній съ моей стороны по части народнаго репертуара.

Этотъ личный вопросъ, обращенный ко мнѣ, слишкомъ большой важности по нынѣшнему времени и выростаетъ въ моихъ глазахъ въ вопросъ общій для всѣхъ народныхъ театровъ, невольно наталкивая на нѣкоторыя, такъ сказать, дополнительныя мысли и соображенія, помимо уже высказанныхъ ранѣе главныхъ положеній о репертуарѣ народнаго театра. Отнюдь не предполагая здѣсь „повторяться“, остановлюсь на этотъ разъ на болѣе или менѣе спорныхъ пунктахъ этого безспорно народнаго вопроса.

По „первому пункту“ слѣдуетъ, конечно, отмѣтить то странное предубѣжденіе, въ которое впадаютъ сторонники такъ называемыхъ классическихъ пьесъ. Какъ первоначальные составители примѣр-

наго народнаго репертуара впали въ грубую погрѣшность, почти вовсе устранивъ классическія пьесы, такъ нѣкоторые новѣйшіе радѣтели народнаго театра впадаютъ въ другую крайность и, какъ напримѣръ, типичнѣйшій ихъ представитель г. А. Кремлевъ, покоятъ свои надежды чуть ли не исключительно на строго классическомъ репертуарѣ, оставляя въ высокомѣрномъ пренебреженіи не только мелодрамы и водевили, но даже комедіи Мольера, очевидно, какъ произведенія мало удовлетворяющія строго возвышеннымъ требованіямъ Анатолія Кремлева (проектъ Спб. общественнаго театра). Г. Кремлевъ, вообще, очень строгій человѣкъ: онъ рекомендуетъ для народныхъ подмостковъ „Скакунталу" Калидаса (съ музыкой Гольдмарка), „Манфреда" Байрона (съ музыкой Шумана) и „Уріэль Акоста" Гуцкова (съ музыкой Сѣровой) и сурово выключаетъ изъ своего ограниченнаго въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ списка... „Каширскую старину", „Фрола Скабѣева" и „Терентья мужа Даниловича" Д. В. Аверкіева; или, напримѣръ, онъ включаетъ удручающее по своей безпросвѣтности „Дѣло" Сухово-Кобылина, что уже вовсе не дѣло, и изгоняетъ изъ народнаго театра „Власть тьмы" Льва Толстого, гдѣ фигура Акима и сцена покаянія Никиты вносятъ примиреніе въ душу зрителя.—Впрочемъ, когда дѣло идетъ объ иностранныхъ классикахъ, списокъ коихъ достаточно внушителенъ, куда еще ни шло; но когда я

встрѣчаю въ подобныхъ „кремлевскихъ" рефератахъ шаблонно-прописную фразу вродѣ: „стыдно кормить народъ мелодрамами и водевилями, когда у этого народа есть такіе классики, какъ Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ и прочее", я не могу не улыбнуться. Я не могу не улыбнуться, потому что отлично знаю, что это загадочно педагогическое и строго классическое „прочее" содержитъ, въ сущности, не болѣе десятка пьесъ—фундаментъ, который, по отношенію къ русскому народному театру, никакъ не можетъ равняться тремъ сказочнымъ китамъ, поддерживавшимъ міръ.

Да и, вдобавокъ, всѣ ли такъ называемыя классическія пьесы можно считать безусловно пригодными для народныхъ подмостковъ? Да простятъ мнѣ мою ересь,—но, напримѣръ, „Горе отъ ума"... я отнюдь не считаю произведеніемъ безусловно подходящимъ для народной сцены, т. е., иначе говоря, я весьма сомнѣваюсь, чтобы народъ призналъ въ Чацкомъ лицо вполнѣ героическое, и увѣренъ, что голосъ народа будетъ скорѣе на сторонѣ Пушкина (чѣмъ на сторонѣ гг. педагоговъ), который, какъ извѣстно, считая Грибоѣдова очень умнымъ человѣкомъ, далеко не признавалъ таковымъ Александра Андреевича Чацкаго... Словомъ, здѣсь весьма легко можетъ обнаружиться то же отрицательное отношеніе къ типу положительному, какое проявила одна крестьянская дѣвица въ школѣ г-жи Алчевской къ личности г. Жадова въ „До-

ходномъ мѣстѣ“ Островскаго, ни сколько не одобряя жадовской неуживчивости и нетерпимости. И это очень понятно: народъ нашъ по своей сущности, слишкомъ практически чутокъ, чтобы увлечься однѣми красивыми фразами, даже классическими, но „безъ дѣлъ“—и настоящій народный герой будетъ всегда человѣкъ дѣла, хотя бы онъ и дѣйствовалъ на сценѣ въ мелодраматическомъ освѣщеніи.

Что касается до иностранныхъ классическихъ произведеній, то тутъ уже происходитъ недоразумѣніе нѣсколько иного рода, а именно—гг. режиссеры и устроители спектаклей для народа почему-то всегда напираютъ на пьесы, идущія преимущественно на столичныхъ сценахъ и потому-то никакъ не могутъ отважиться оживить репертуаръ другими классическими произведеніями тѣхъ же авторовъ. Въ этомъ отношеніи очень остроумно замѣчаніе одного московскаго критика, который отмѣчаетъ Шекспира какъ самаго непопулярнаго автора, менѣе популярнаго, во всякомъ случаѣ, чѣмъ Викторъ Крыловъ. „И развѣ это неправда?—спрашиваетъ онъ:—пьесы Виктора Крылова были всѣ сыграны и одно время почти не сходили съ репертуара, тогда какъ изъ тридцати семи пьесъ Шекспира свѣтъ рампы часто видятъ много много пять-шесть пьесъ“. Почему это?..

Почему, напримѣръ, дирекція Варгунинскаго народнаго гулянья, поставившая недавно такую

тонко сложную вещь въ отношенiи обстановки и усвоенiя, какъ „Зимняя сказка“ (отчего, вѣроятно, она и шла въ довольно грубомъ сокращенiи), не подумала ранѣе объ „Укрощенiи своенравной“, столь простой по обстановкѣ и столь близкой по своему сюжету для народнаго разумѣнiя? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ въ московскомъ Скоморохѣ „Гамлета“ съ Лентовскимъ въ роли Гамлета и опять недоумѣвалъ, но уже по другой причинѣ: бородатый, огромный Гамлетъ смахивалъ по гриму, фигурѣ и тону прямо на Макбета и отчего г. Лентовскому не пришло въ голову перемѣнить въ интересахъ зрителя и автора, плащъ Гамлета на панцырь Макбета—довольно-таки трудно понять,—какъ равно трудно понять, почему плохо сыгранный Гамлетъ даетъ большiй престижъ артисту, чѣмъ хорошо исполненный Макбетъ?!

Приблизительно та же рутинная исторiя повторяется и по отношенiю къ комедiямъ Мольера. Я не разъ видѣлъ на афишахъ народнаго театра „Тартюфа“ и даже „Мизантропа“, очень рѣдко „Скупого“, „Мѣщанина во дворянствѣ“ и „Жоржа Дандена“—и вовсе не видѣлъ на афишѣ народнаго спектакля... „Лекаря поневолѣ“, „Мнимаго больного“ и „Продѣлокъ Скапена“!. Тутъ уже виною, очевидно, не столько рутинность взгляда, сколько маленькое недоразумѣнiе въ области интеллигентнаго лицемѣрiя и цѣломудрiя. Это „второй“, чуть не самый слабый пунктъ гг. интеллигентовъ-народо-

любцевъ, на которомъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Недоразумѣніе заключается въ томъ, что гг. интеллигенты и г-жи интелигентши никакъ не могутъ восчувствовать той тонкой, но существенной грани, которая отдѣляетъ веселую откровенную шутку, рожденную плотью здороваго человѣка, отъ скабрезныхъ намековъ современнаго худосочнаго драматурга и такимъ образомъ законную „плотскую" шутку, благословенную самой природой, брезгливо смѣшиваютъ съ „плоской" шуткой—незаконнымъ плодомъ столичной переутомленности... Если такая „первая" шутка и нѣсколько сильна для нашихъ интеллигентныхъ нервовъ — такъ чтожъ такое? „Театръ существуетъ только для мужчинъ и для тѣхъ женщинъ, которыя знаютъ мужскія дѣла",— замѣчаетъ Гете, защищая Мольера передъ судомъ лицемѣровъ:—„и водить барышень въ театръ совсѣмъ незачѣмъ—имъ тамъ не мѣсто"!. А гг. интеллигентные распорядители народнаго театра, при выборѣ пьесъ, если и не всегда думаютъ о своихъ знакомыхъ барышняхъ, то, видимо, считаются съ такими же паутинными интелигентными нервами.

Въ сборникѣ Н. Попова „Народный театръ", между прочимъ сообщается, какъ была поставлена комедія Мольера „Жоржъ Данденъ" гг. любителями на деревенской сценѣ села Кривцова Орловской губерніи. Изъ того описанія оказывается, что роль служанки Клодины была выпущена „отчасти

изъ боязни, что типъ субретки будетъ непонятенъ народу"; во второмъ дѣйствіи сцена, гдѣ Анжелика бьетъ Дандена палкой, была также выпущена „изъ боязни, что изображеніе въ театрѣ драки произведетъ на зрителей нежелательное впечатлѣніе"; изъ той же боязни были измѣнены слова въ роли Дандена: „Будь моя жена крестьянка, взялъ бы палку, да расправился съ ней по-своему!"— такимъ образомъ: „Не посмѣй къ женѣ и подступиться, вѣдь она у тебя не простого званія!", и т. д., и т. д. Какіе, подумаешь, боязливые господа эти любители... хотя мнѣ сдается, что они больше боялись за свои собственные нервы—интеллигентные, чѣмъ за чужіе—деревенскіе. Одного, впрочемъ, они ни мало не побоялись: исказить, чисто по-любительски, Мольера!!.

Ахъ, уже эти искаженія, опрощенія и всякія непрошенныя поученія, яко бы изъ любви къ народу—избавьте насъ отъ нихъ ради самого Создателя! Читая иной разъ такія „любвеобильныя" передѣлки, недоумѣваешь—изъ-за чего собственно люди напрасно себя утруждаютъ?... Есть, напримѣръ, превосходная пьеса для народныхъ подмостковъ „Адвокатъ Патэленъ"—старинный трехъ-актный французскій фарсъ, который еще не такъ давно съ громкимъ успѣхомъ шелъ на Александринской сценѣ (въ переводѣ Егорова—князя І. Мещерскаго), а въ Парижѣ, въ Comédie Française, гдѣ намъ удалось его видѣть въ геніальной игрѣ зна-

менитаго Го въ роли Пателена, онъ производилъ рѣшительный фуроръ... Былъ поставленъ „Адвокатъ Пателенъ“ также и въ селѣ Кривцовѣ тѣми же усердными любителями, и хотя отъ Парижа до села Кривцова большое разстояніе, но и тамъ, по свидѣтельству очевидцевъ, „онъ возбудилъ такой неистовый хохотъ, что исполнители не могли слышать другъ друга“. Но интеллигентные любители, по обыкновенію, не могли не перемудрить и для чего-то поставили его не въ обыкновенномъ переводѣ, а въ топорно-опрощенной передѣлкѣ г. N., подъ перомъ котораго „Адвокатъ Пателенъ“ превратился въ „г. Пройдоху“, продавецъ суконъ Гильомъ — въ „г. Простоту“, а пастухъ Аньеле—въ „г. Пастуха съ хутора Простоты“. Неправда ли, какъ остроумно?

Неужели подобныя гг. опростители и исказители полагаютъ, что нашъ народъ такъ недальновиденъ, что не сумѣетъ различить на сценѣ дурака отъ умнаго и отдѣлить живое слово Мольера отъ указки педагога?

Вообще, можно бы рекомендовать воздерживаться отъ постановокъ передѣлокъ съ иностраннаго на русскіе нравы: переводъ, какъ бы плохъ онъ ни былъ, представляетъ все же дѣло такъ, какъ есть—тогда какъ передѣлка, затемняя неизбѣжно общечеловѣческія черты оригинала и навязывая, подъ мнимо національнымъ флагомъ, совсѣмъ чуждую намъ мораль, способна лишній разъ спутать

наши коренныя понятія о добрѣ и злѣ—кои, надо признаться, среди россійскаго большинства безъ того не могутъ похвастаться ни особенной опредѣленностью, ни особенною устойчивостью.

Это не значитъ, что я отрицаю вовсе передѣлки—передѣлка передѣлкѣ рознь;—но бѣда въ томъ, что очень рѣдко случается, чтобы за передѣлку брались люди съ художественнымъ чутьемъ и еще рѣже, чтобы запасъ наблюденій и идей у русскаго автора совпадалъ съ таковой же основной иностраннаго оригинала.

Поэтому, въ особенности въ такомъ новомъ дѣлѣ, какъ народный театръ, слѣдуетъ относиться съ особенной, почти материнской осторожностью къ выбору для своего новорожденнаго дѣтища сотоварищей изъ иной среды.

II.

Нѣтъ сомнѣнія, что созданіе „подробнаго систематическаго“ каталога пьесъ для народнаго театра, о которомъ мечтательно оговаривается, въ вышеупомянутомъ письмѣ, распорядитель пензенскаго кружка, дѣло очень недалекаго будущаго, — но дѣло, надо сказать, требующее, кромѣ обезпеченнаго досуга, совсѣмъ исключительной подготовки и остраго художественнаго чутья. Пока же я бы посовѣтывалъ г. режиссеру пензенской народной сцены добросовѣстнѣе порыться въ старинномъ ре-

пертуарѣ—въ итогѣ онъ бы доставилъ вполнѣ достаточный и благодарный матеріалъ для „запѣвки“ такого каталога.

Но, само собою разумѣется, прежде всего надо запастись „общимъ взглядомъ“ на вещи—безъ такого общаго, народно-кряжевого взгляда никакой систематическій каталогъ не поможетъ. Режиссеръ народнаго театра долженъ быть тѣмъ настоящимъ отцомъ, которому его отцовское чутье должно подсказать степень добра и зла въ извѣстной книгѣ, а не тѣмъ легкомысленнымъ петербургскимъ папашей, который, желая правильно воспитать своихъ дѣтей, слѣпо довѣряется при выборѣ приказчику книжнаго магазина Вольфа.

Такъ какъ этотъ кряжевой взглядъ на народный репертуаръ выясненъ мною уже ранѣе съ возможною обстоятельностью, я могу перейти теперь къ нѣкоторымъ чисто практическимъ указаніямъ и, такъ сказать, полутоварищескимъ предупрежденіемъ по адресу гг. устроителей провинціальныхъ народныхъ театровъ.

Первое предупрежденіе, которое я позволилъ бы себѣ сдѣлать, это относительно тѣхъ отрицательныхъ обобщеній и наблюденій въ вопросахъ народнаго театра, которыя исходятъ отъ его завѣдомыхъ противниковъ или же неумѣлыхъ ревнителей. Принимать такія обобщенія и наблюденія слѣдуетъ съ крайней осмотрительностью, ибо его завѣдомые противники, вродѣ сотрудниковъ „Мо-

сковскихъ Вѣдомостей“, люди узко-кабинетные и нетерпимые (вдобавокъ мало стѣсняющіеся въ пріемахъ литературной полемики), а гг. неумѣлые ревнители, въ большинствѣ случаевъ, господа, хотя и терпимо пишущіе, но, увы, мало наблюдательные и зачастую смѣшивающіе обладаніе грамотностью, которой ихъ надѣлила школа—съ даромъ наблюдательности, въ которомъ имъ отказалъ Господь Богъ...

Напримѣръ, г-жа Сѣрова, устроившая по деревнямъ цѣлый рядъ оперныхъ спектаклей, вынесла изъ своего богатаго опыта надъ отношеніемъ народа къ устройству оперныхъ спектаклей, всего одинъ немногословный выводъ: „*Онъ* слушаетъ!!“ (статья „Музыка въ деревнѣ“). Это, конечно, очень пышная и даже музыкальная фраза, но очень мало объясняющая... Это все равно, что отвѣтить на вопросъ: „какъ относится народъ къ устройству народныхъ столовыхъ въ деревнѣ“?— „*Онъ* кушаетъ!!“.

Другія дамы-народницы, вродѣ г-жъ Е. Лавровой, Алчевской и т. п., отсутствіе живой наблюдательности предполагаютъ восполнить формально педагогическимъ отношеніемъ къ дѣлу и вымучиваютъ у своихъ учениковъ и ученицъ письменные отвѣты на вопросные пункты нерѣдко высококомическаго характера, какъ, напримѣръ, по поводу комедіи Островскаго „Не въ свои сани не садись“:

1) Почему Авдотья Максимовна увлеклась Вихоревымъ?

2) Боролась ли она со своей незаконной страстью?

3) Какую цѣль имѣлъ Вихоревъ, ухаживая за Авдотьей Максимовной? и т. п.

(Сборникъ харьковскихъ учительницъ: „Что читать народу“).

Отсюда же и въ дѣлѣ театральной практики народной сцены проистекаютъ всѣ тѣ курьезныя недоразумѣнія, которыя, на повѣрку, объясняются всегда очень просто.

Идетъ, положимъ, на народныхъ подмосткахъ „Гроза“ Островскаго... и вдругъ въ самомъ драматическомъ мѣстѣ, въ сценѣ прощанія Бориса съ Катериной, въ народномъ партерѣ раздается смѣхъ... Г. распорядитель приходитъ даже въ нѣкоторый ужасъ и разочарованно никнетъ своей народолюбивой головой: „Какъ быть, что дѣлать, если такое высоко-художественное произведеніе, какъ „Гроза“ Островскаго, недоступно для народнаго пониманія!“—А дѣло, между тѣмъ, объясняется весьма просто: или любитель, играющій Бориса, или любительница, играющая Катерину, играютъ изъ рукъ вонъ плохо, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если непосредственному чувству простолюдина прежде всего бросается въ глаза смѣшная сторона сценическаго исполненія и плохое „*какъ* играютъ“ заслоняетъ собой достоинство того, „*что* играютъ“... Вся разница въ томъ, что интеллигентъ перваго ряда

во время такой плохой игры „смѣется въ душѣ“, наружно сохраняя полное интеллигентное равнодушіе, а непосредственный зритель смѣется громко и открыто.

Нѣсколько лѣтъ назадъ на сценѣ владимірскаго городского театра, въ утреннемъ народномъ спектаклѣ, я видѣлъ эту самую „Грозу“ въ превосходной игрѣ въ роли Катерины мало извѣстной, впрочемъ, провинціальной актрисы Ю. З. Васильевой— и что же? Ея захватывающая по своему драматизму игра въ послѣднихъ двухъ актахъ до того захватила простодушную сѣрую публику, что было слышно, какъ муха пролетитъ—тишина была самая благоговѣйная и публика буквально замерла на своихъ мѣстахъ. Признаюсь, не помню вообще случая, чтобы публика самая сермяжная *не ожила* въ партерѣ для настоящаго впечатлѣнія, разъ исполнитель или исполнительница *живутъ на сценѣ*, а не только „представляютъ“. Вся суть тутъ въ томъ, что для тонко психологическихъ пьесъ и исполнители требуются тонкіе и хорошіе.

Или вотъ еще такой случай: идетъ во время лѣтняго народнаго гулянья въ открытомъ театрѣ трагедія Шекспира... Актеры, по секрету говоря, играютъ неважно—и вотъ, къ великому негодованію интеллигентнаго устроителя, добрая половина публики зѣваетъ, а другая часть, которая не зѣваетъ, прохлаждается за чайными столиками на вольномъ воздухѣ.

Интеллигентный устроитель опять сокрушенно поникаетъ головой и жалуется потомъ „на низкій градусъ, на которомъ еще стоитъ нашъ народъ, по части культуры“, упуская изъ виду тотъ высокій градусъ по Реомюру, который стоитъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ народномъ партерѣ... а также и то, что лѣтнія и зимнія увеселенія должны носить, по необходимости, нѣкоторый тонко-разграниченный оттѣнокъ. Если на открытой лѣтней сценѣ, гдѣ, вдобавокъ, и неизбѣжно плохо слышно дальнимъ зрителямъ,—имѣютъ предпочтительный успѣхъ быстро движущіяся мелодрамы, пьесы обстановочныя и веселыя водевили, чѣмъ психологическій діалогъ комедій Островскаго и трагедій Шекспира—этому даже было бы довольно странно удивляться!

Кстати, по пути, одно слово о сценической обстановкѣ,—которую я понимаю, надо сказать, далеко не въ томъ преувеличенномъ значеніи, которое ей придаютъ въ ущербъ дѣйствію слишкомъ усердные ея поклонники, — вродѣ, напримѣръ, дирекціи Василеостровскаго театра... Недавно на сценѣ этого театра я видѣлъ пресловутую мелодраму „Дѣти улицы“ („Два подростка“ въ переводѣ Ф. А. Корша), въ общемъ, надо отдать справедливость, прекрасно поставленную... Представленіе ея пришлось какъ разъ въ большой праздникъ и театръ былъ переполненъ самой разночинной публикой, выражавшей всячески свое народное раздраженіе долгими антрактами и, въ особенности,

огромнымъ антрактомъ, почти въ 40 минутъ, передъ послѣдней картиной: „Шлюзъ у Аустерлицкаго моста въ Парижѣ“—картины, продолжающейся не больше двухъ-трехъ минутъ и показывающей зрителю настоящую живую воду.

И это вполнѣ естественно—чѣмъ болѣе сюжетъ занимателенъ, тѣмъ болѣе публику должно раздражать всякое лишнее промедленіе, и многоопытный Ф. А Коршъ поступилъ весьма мудро, выпустивъ вовсе картину со „шлюзомъ“—пьеса отъ этого не только ничего не потеряла, но даже выиграла въ смыслѣ сценической увлекательности. Дирекція Василеостровскаго театра поступила, однако, совсѣмъ обратно и живую воду сценическаго дѣйствія предпочла дешевому эфекту невской воды, причемъ показала въ этотъ разъ даже кронштадтскаго матроса, приводившаго въ дѣйствіе всю машину. Такимъ образомъ, этотъ „Аустерлицкій шлюзъ“ имѣетъ какъ бы символическое значеніе и задерживаетъ буквально живую воду сценическаго дѣйствія ради минутнаго фокуса!.

Д. В. Аверкіевъ очень вѣрно замѣчаетъ, „что для зрителя, въ большинствѣ случаевъ, все равно, *гдѣ* именно происходитъ данная сцена и его, вообще, болѣе интересуетъ *что* и *какъ* происходитъ. Несомнѣнно,—говоритъ онъ,—весьма частая перемѣна декорацій разбиваетъ впечатлѣніе и, потому, напримѣръ, при постановкѣ Шекспира не только можно, но даже должно соединять нѣсколько сценъ

въ одну".—Такой опытъ я видѣлъ, между прочимъ, на-дняхъ, въ одномъ общедоступномъ саду, гдѣ весь Гамлетъ шелъ всего при двухъ перемѣнахъ и никакого особеннаго ущерба въ художественномъ смыслѣ отъ этого не произошло.

Что же до народнаго театра, то тутъ, пожалуй, будетъ гораздо важнѣе совсѣмъ другая обстановка... обстановка самаго театра и прилегающаго къ нему народнаго гулянья! Я не разъ замѣчалъ, что чрезмѣрная забота о ней и *излишній* блескъ и разнообразіе перемѣняютъ неизбѣжно не только внѣшнюю картину гулянья, но и самый составъ публики... Такая исторія повторилась съ Василеостровскимъ театромъ, предназначеннымъ въ своей основѣ „для рабочихъ" и отчасти съ „Варгунинскимъ гуляньемъ"... Тринадцать лѣтъ тому назадъ (когда послѣднее только открылось)—въ отношеніи обстановки было тогда очень сѣро и бѣдно, но зато и сѣраго, бѣднаго народу тамъ было очень много и интеллигентный посѣтитель представлялся случайнымъ исключеніемъ; а нынѣ, увы, *больше публики* (т. е. модныхъ шляпокъ и франтоватыхъ котелковъ) и *меньше народа*. Въ особенности допекаютъ, надо признаться, дамскія шляпки!.. Охъ, ужъ эти дамскія шляпки, похожія не то на саговыя пальмы, не то на семирамидины сады—на дѣлѣ это, пожалуй, болѣе опасные враги для народнаго театра, чѣмъ „Моск. Вѣдомости"!—„Моск. Вѣдомости" лишь косвенно препятствуютъ самому

„устройству“ народныхъ спектаклей, а г-жи дамскія шляпки, вылѣзающія въ народномъ партерѣ впередъ, уже препятствуютъ прямо *видѣть* самый спектакль... А какія драмы, тайныя семейныя драмы, разыгрываются изъ-за нихъ же подъ кровлей фабричнаго рабочаго или бѣднаго мѣщанина—совершенно такія же, какія происходятъ въ столичныхъ интеллигентныхъ семьяхъ!..

Въ самомъ дѣлѣ, если въ парижскомъ партерѣ запрещаютъ сидѣть въ шляпкахъ, то отчего бы не перенести это правило и на партеръ народный?—Въ результатѣ, это могло бы имѣть очень неожиданныя и благодѣтельныя послѣдствія. — Помилуй Богъ, вѣдь это не Павловскій вокзалъ, гдѣ „не въ шляпкахъ“ женщинъ не пускаютъ — и едва ли можетъ быть желательнымъ, чтобы народный театръ послужилъ косвеннымъ разсадникомъ пустого тщеславія, мишурнаго соревнованія и всякаго моднаго подражанія!..

Въ вышепомянутомъ письмѣ пензенскаго предсѣдателя народнаго театра, есть очень знаменательная оговорка, а именно: „что при выборѣ піесъ для народнаго театра намъ, увы, приходится также имѣть въ виду средняго интеллигента и дѣлать такимъ образомъ отклоненіе въ сторону интеллигентной публики“...

Намъ сдается, что это очень рискованное „отклоненіе“ и, чего добраго, можетъ грозить Пензенскому театру участью Василеостровскаго, превра-

тившагося на нашихъ глазахъ, въ сравнительно короткое время, изъ народнаго въ обыкновенный общедоступный для гг. кавалеровъ въ модныхъ крахмальныхъ сорочкахъ и для барышень съ пальмами и скверами на головѣ.

Меня это пензенское „увы“, озадачивающее нѣкоторыхъ устроителей народнаго театра, впрочемъ, нисколько не удивляетъ, ибо я отлично чую, что дѣло народнаго театра для провинціи—дѣло огромной важности, „дѣло чреватое многими совсѣмъ непредвидѣнными послѣдствіями и могущее вызвать на многіе вопросы большаго общественнаго значенія... начиная хотя бы съ вопроса о національной одеждѣ...“ (вопросъ, кстати помянуть, остроумно затронутый еще 50 лѣтъ тому назадъ авторомъ „Юрія Милославскаго“!). Въ провинціи, конечно, потребность именно народнаго театра, а не общедоступнаго, должна ощущаться съ предпочтительною настойчивостью, чѣмъ въ столицѣ, гдѣ смѣшанное милліонное населеніе, полуиностранное частью по составу, частью по воспитанію, способно довольствоваться общедоступной программой, если и не вполнѣ безнаказанно въ смыслѣ убыли своего народнаго склада, то, по крайней мѣрѣ, безъ особаго ущерба для своего кармана.—Безспорно, что, кромѣ общедоступнаго театра, можетъ и *долженъ* существовать еще и народный театръ, но также безспорно и то, что самая идея о народномъ театрѣ не всѣмъ „общедоступна“ именно по своей неми-

*

нуемой народнической своеобразности и обособленности... Самая возможность спора о различіи слова „общедоступный“ и „народный“—фактъ чисто петербургскій и обнаруживаетъ совсѣмъ особый типъ постройки народнаго театра, т. е. усиленные хлопоты о сооруженіи и украшеніи зданія, могущаго вмѣстить публику — но, при этомъ о сооруженіи безъ всякаго фундамента, каковымъ долженъ быть опредѣленный по характеру репертуаръ.

Провинціи же ни въ какомъ случаѣ нельзя рекомендовать этого непрочнаго типа постройки и слѣдуетъ воспользоваться, какъ полезнымъ урокомъ, страннымъ промахомъ столицы, дабы строить зданіе не на международномъ пескѣ, пускающемъ пыль въ глаза блескомъ обстановки, а на прочномъ фундаментѣ истинно народнаго репертуара—и надо полагать, между прочимъ, что при таковой правильной закладкѣ—литераторъ долженъ класть первый камень, а не послѣдній, какъ это практиковалось до сихъ поръ!

Спб. Іюнь 1898 г.

———

Народный театръ и смѣшеніе языковъ.

Идеѣ о народномъ театрѣ, какъ идеѣ сравнительно молодой, приходится пережить многія испытанія и очиститься отъ многихъ печальныхъ недоразумѣній, прежде чѣмъ укрѣпиться надлежащимъ образомъ въ сознаніи общества.

Теперь, когда вопросъ о народномъ театрѣ съ газетныхъ столбцовъ перешелъ на практическую почву, это смѣшеніе языковъ, окружающее его со всѣхъ сторонъ и затемняющее самую его сущность, даетъ особенно себя чувствовать—и однимъ изъ досаднѣйшихъ и вреднѣйшихъ заблужденій въ этомъ случаѣ является смѣшеніе народнаго театра съ общедоступнымъ. Въ корреспонденціяхъ по этой части постоянно приходится наталкиваться на такого рода фразы: „вчера у насъ, наконецъ, открылись народные спектакли—надо сказать, это первый опытъ общедоступнаго театра въ городѣ N“; или: „открывшійся въ городѣ N съ весны общедоступный театръ въ дни представленія набитъ биткомъ—такимъ образомъ, вопросъ о народномъ театрѣ можно считать у насъ благополучно разрѣшеннымъ“. То же смѣшеніе языковъ встрѣчается

и въ большинствѣ журнальныхъ статей по этому вопросу, при чемъ одна сторона горячо ратуетъ за общедоступный театръ, вовсе отрицая народный; другая—признавая въ принципѣ народный театръ, на практикѣ, однако, рекомендуетъ заняться устройствомъ общедоступныхъ театровъ: и, наконецъ, третья сторона, допуская въ принципѣ оба рода, на дѣлѣ предлагаетъ слить ихъ воедино въ одномъ лицѣ. И всѣ три стороны при этомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ смѣшиваютъ два совсѣмъ различныхъ слова, т. е. понятіе о дешевизнѣ смѣшиваютъ съ понятіемъ о народности и запросы духа отожествляютъ съ вопросами кармана, обнаруживая довольно характерный примѣръ журнальнаго дальтонизма.

Никто никакъ не хочетъ понять, что вопросъ объ общедоступности—вопросъ прямо матеріальный и до извѣстной степени механическій, тогда какъ понятіе о народности—понятіе чисто эстетическое и нѣкоторымъ образомъ даже политическое. Пушкинъ, напримѣръ, былъ и есть народенъ, но сталъ общедоступенъ лишь тогда, когда его сочиненія пустили по дешевой цѣнѣ; а вотъ сочиненія Боборыкина, будучи приложены къ „Нивѣ“, хотя и стали общедоступными, но народными, однако, отъ этого не сдѣлались... Все дѣло, значитъ, выходитъ въ духѣ и содержаніи, а не въ пониженіи или повышеніи курса, т. е., ближе говоря—все дѣло здѣсь не въ цифрѣ, а въ репертуарѣ. Если

мѣста въ театрѣ, положимъ, безплатныя и на сценѣ идетъ „Маскарадъ“ Лермонтова, такой спектакль, конечно, будетъ общедоступенъ, но народнымъ его довольно трудно признать... Но поставьте на тѣхъ же подмосткахъ—того же Лермонтова: „Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ“ (въ примѣненіи къ сценѣ г. Н. Арбатова) и назначьте сравнительно высокую плату—спектакль получится по характеру вполнѣ народный, хотя и не общедоступный по цѣнѣ (излишне, я думаю, здѣсь объяснять, что народный театръ самъ по себѣ уже заключаетъ понятіе о дешевизнѣ, какъ все равно одна вывѣска о „народной столовой предполагаетъ минимальную плату за обѣдъ).

Если на афишѣ народнаго театра встрѣчаешь, напримѣръ: „Женитьбу“ Гоголя, „Русскую свадьбу“ Сухонина и „Правда—хорошо“ Островскаго, остается, полагаю, только радоваться; но когда народу, вмѣсто „Женитьбы“, предлагаютъ... „Гражданскій бракъ“, когда „Русской свадьбѣ“ предпочитаютъ „Испорченную жизнь“, а „Правду“ Островскаго замѣняютъ въ народномъ репертуарѣ.., „Ложью“ г-жи Дуббельтъ—тогда приходится уже не радоваться, а лишь пожимать плечами и внутренно негодовать.

Если такая перестановка, по объясненію иныхъ газетъ, вполнѣ естественна и даже желательна, „принимая во вниманіе устремленіе малоимущей интеллигенціи въ народный театръ“, то вопросъ, въ

концѣ-концовъ, сводится къ тому, кого же, наконецъ, надо „принимать во вниманіе“ при устройствѣ народныхъ театровъ: малоимущую международную интеллигенцію, которая безцеремонно садится за чужой столъ, обрадовавшись его дешевизнѣ, или же неимущій рабочій русскій народъ, ради котораго собственно затѣяно все дѣло... Полагаю, что надо принять во вниманіе послѣдній и не дѣлать уступокъ въ сторону первыхъ; а то иначе произойдетъ то же курьезное происшествіе, что случилось съ однимъ ротнымъ командиромъ, который, устроивъ спектакль „для солдатъ“, пригласилъ на него офицерскихъ дамъ и городскихъ чиновниковъ, а солдатамъ своей роты, за недостаткомъ мѣста, отвелъ на время спектакля сосѣднюю казарму.

А то, что же происходитъ на нашихъ глазахъ? Случайныя и временныя условія, лишающія малоимущую интеллигенцію подходящаго увеселительнаго угла, принимаются господами устроителями народныхъ театровъ за нѣчто непреложное и постоянное—и вотъ народный театръ, вмѣсто того, чтобы явиться косвеннымъ орудіемъ сближенія интеллигенціи съ народомъ на почвѣ истинно народнаго репертуара, является какъ бы новымъ поводомъ къ разъединенію и разобщенію. Нечего послѣ этого удивляться, что при такой постановкѣ дѣла основная идея незамѣтно совсѣмъ стирается и самый народный театръ на практикѣ вырож-

дается въ безличную, неряшливую и скучливую общедоступку.

Театръ народный или общедоступный—какое же можетъ быть сравненіе!... При одномъ словѣ „народный“, сейчасъ же невольно вырастаетъ цѣлая вереница самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, не говоря уже о главнѣйшемъ изъ нихъ—объ освѣщеніи и обновленіи заиграннаго и принизившагося драматическаго репертуара. А „общедоступный“ театръ? Скажите, во имя чего тутъ много хлопотать, изъ-за чего волноваться, ради чего столько писать и препираться—бери все, что плыветъ въ руки, худое и хорошее, вредное и безвредное—и дѣло въ шляпѣ... Тутъ вѣдь приходится хлопотать не о символическомъ „сборѣ“ подъ знамя извѣстнаго народнаго міровоззрѣнія, а лишь о сборѣ въ прямомъ смыслѣ!. Почва общедоступнаго театра, какъ индифферентная почва для развлеченія скучающей малоимущей интеллигенціи, почва неминуемо безплодная и едва ли можетъ родить что - нибудь другое, кромѣ ловкихъ аферистовъ, преимущественно изъ среды еврейскаго кагала, откуда и идетъ, главнымъ образомъ, ретивая защита „общедоступнаго“ театра на счетъ народнаго. Тогда какъ почва народнаго театра, несомнѣнно почва чреватая и благодарная, и по справедливому замѣчанію одного театральнаго органа: „театръ, который изъ общедоступнаго превратится въ народный, несомнѣнно, ожидаетъ благодѣтельный расцвѣтъ національности,

а никакъ не наоборотъ, т. е. отнюдь не ея упадокъ, и въ конечномъ результатѣ отъ этого общенія театральнаго искусства съ народною жизнью можетъ воспослѣдовать много добра для обѣихъ сторонъ"...

Но большинство почему-то никакъ не хочетъ взглянуть на вопросъ прямо и ищетъ компромиссовъ тамъ, гдѣ смѣло бы можно было безъ нихъ обойтись... Такъ, напр., одна газета предлагаетъ даже своего рода „театральную унію"—возсоединеніе въ одномъ лицѣ театра общедоступнаго и народнаго. Что сказать на это?.. На это лишь можно сказать, что гг. антрепренеры нѣкоторыхъ общедоступныхъ садовъ пошли гораздо далѣе и придумали остроумное средство благополучно примирить непримиримое, т. е. „нравственный" и „безнравственный", репертуаръ, раздѣливъ зломудро программу на два отдѣленія: „семейное" — до 12-ти часовъ ночи, и „холостое"—послѣ полуночи!.. Такимъ образомъ, семейный людъ, созерцающій какую-нибудь трогательную мелодраму, гдѣ громится порокъ, отходитъ своевременно ко сну въ счастливой увѣренности въ торжествѣ добродѣтели; а для успокоенія холостыхъ, выпускаются въ послѣполуночномъ дивертиссементѣ интернаціональныя дѣвицы, плѣняющія своими „художественными нюансами" выше и ниже корсажа и нѣкоторымъ образомъ утверждающія гг. холостыхъ въ безпечальности порока.

Путемъ такихъ легкомысленныхъ компромиссовъ Богъ вѣсть до чего можно дойти! Нельзя же, въ са-

момъ дѣлѣ, сбрасывать съ плечъ съ легкой совѣстью такой важный вопросъ, какъ вопросъ о народномъ театрѣ, точно какой-нибудь дрянной мѣшокъ, который оттягиваетъ плечи... И нельзя же, наконецъ, по мелкимъ и случайнымъ, чисто-петербургскимъ фактамъ, судить о дѣлѣ народнаго театра для всей Россіи, забывая, что это дѣло только-только становится на ноги и требуетъ самой единодушной поддержки, ибо дѣло это не мимолетная, суетная злоба дня, а задача, по настоящему времени, совсѣмъ исключительнаго общественнаго значенія.

Талантливый французскій журналистъ Морисъ Барре въ одной изъ своихъ статей, посвященной искусству для народа, основательно замѣчаетъ: „что народный театръ — это не только лучшій способъ развлеченія народнаго и косвеннаго пріобщенія народа къ истиннымъ благамъ культуры; но въ то же время это прекрасный, незамѣтно-предохранительный клапанъ противъ чужеядныхъ побѣговъ броженія соціальнаго“.

Въ этомъ смыслѣ роль народнаго театра и связанная съ нимъ дѣятельность новооткрытаго „попечительства о народной трезвости“ представляются намъ миссіею огромной общественной важности, и въ виду серьезности остраго момента нами переживаемаго, совсѣмъ не у мѣста сомнительные компромиссы въ родѣ „театральной уніи“ и т. п. Будемъ же помогать добрымъ словомъ живому и

благородному дѣлу народнаго театра и своевременно возрожденнымъ заботамъ о тѣхъ...

„Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ"!..

Спб. Іюнь 1898 г.

Десять народныхъ театровъ.

Положительно ни одно петербургское лѣто въ отношенiи народныхъ развлеченiй не предоставляло такой оживленной картины, какъ нынѣшнее. Въ то время, какъ въ богатой купеческой Москвѣ по этой части рѣшительно ничего не предпринято, — если не считать неважнаго балаганчика бывшаго антрепренера „Скомороха" г. Черепанова, сиротливо прiютившагося на Дѣвичьемъ полѣ, въ меланхолическомъ сосѣдствѣ операцiонныхъ залъ и дезинфекцiонныхъ камеръ,—Петербургъ, такъ называемый „индиферентный и чиновный" Петербургъ въ настоящемъ сезонѣ точно задался цѣлью поразить воображенiе гг. народолюбцевъ.

Цѣлыхъ десять народныхъ театровъ — это, въ самомъ дѣлѣ, чего нибудь да стоитъ! Тѣмъ болѣе стоитъ, если принять во вниманiе, что каждый такой театръ предполагаетъ около себя самыя разновидныя народныя развлеченiя, начиная съ павильона для танцевъ и кончая всякими пѣсенниками, фокусниками и акробатами. Къ этому увеселительному десятку мы относимъ лишь народныя гулянья, находящiяся, такъ сказать, въ полномъ

ходу въ самомъ Петербургѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, не считая народныхъ развлеченій, которыя основались или основываются на болѣе дальнихъ окраинахъ Петербурга. Къ нимъ мы относимъ, во-первыхъ, народныя гулянья, устраиваемыя „С.-Петербургскимъ попечительствомъ о народной трезвости“ — въ Екатерингофѣ, въ Таврическомъ саду и въ Полюстровѣ. Затѣмъ слѣдуютъ Василеостровскій садъ (коммисія фабрикантовъ подъ попечительствомъ градоначальника) и Варгунинское гулянье, за Невской заставой („Невское общество устройства народныхъ развлеченій“); далѣе — Лиговскій садъ близъ Московской заставы („Спб. общества трезвости“) и народный театръ на Малой Охтѣ („Общества дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ и Домовъ трудолюбія въ С.-Петербургѣ“); потомъ, цѣлыя три воскресныя народныя гулянья: гулянье отъ города на Петровскомъ островѣ, гулянье на Семеновскомъ плацу („Общество дешев. столов. и чайныхъ“) и на плацу Преображенскомъ (Комитетъ Краснаго Креста“).

Если сюда присоединить и частныя предпріятія, какъ Зоологическій садъ и садъ Картавовой (бывшая „Америка“), имѣющіе по праздникамъ совсѣмъ народный характеръ и по составу программы, и по составу публики; если вспомнимъ при этомъ, что не такъ давно возникъ Колпинскій народный театръ и что возникновеніе народнаго театра въ Лѣсномъ — дѣло очень близкаго будущаго; что Вы-

боргское народное гулянье закрыто лишь временно, въ виду строящагося тамъ каменнаго народнаго театра и что народный театръ въ Александровскомъ паркѣ — дѣло, въ принципѣ рѣшенное,— мы будемъ имѣть возможность въ скоромъ времени насчитать добрыхъ шестнадцать народныхъ театровъ — цифра слишкомъ внушительная, чтобы не остановиться передъ ней съ должнымъ почтеніемъ. Остановимся же и сдѣлаемъ, на первый случай, бѣглый перечень дѣйствующихъ народныхъ гуляній.

Старѣйшее изъ нихъ — Варгунинское народное гулянье или, какъ оно называется оффиціально въ афишѣ: „Народное гулянье Невскаго общества устройства народныхъ развлеченій, близъ Импер. фарфороваго завода“. Но народъ упорно называетъ его „Варгунинскимъ“ и собственно такъ бы и слѣдовало его переименовать, по чувству благодарности, въ память покойнаго Н. И. Варгунина, бывшаго душой этого дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что гулянье за Невской заставой самое интересное и разнообразное, но также нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что послѣ смерти Н. И. Варгунина оно переживаетъ нѣкоторое какъ бы „переходно-вдовье“ состояніе, которое, если и мало уловимо для простого глаза, то осязательнѣе всего отражается на репертуарѣ мѣстнаго театра, въ которомъ нынѣ „Испорченная жизнь“ г. Чернышева и „Тайна“ Куликова безтолково смѣняютъ собой „Снѣгу-

рочку“ Островскаго и „Зимнюю сказку“ Шекспира, при чемъ на афишѣ зачастую бокъ-о-бокъ съ художественнымъ перломъ фигурируетъ перлъ кафешантанный, вродѣ пресловутой „Тарарабумбіи“,—кстати сказать, преслѣдующей меня по пятамъ на всѣхъ народныхъ гуляньяхъ и совершенно излишне обогащающей народный словарь. Мимоходомъ еще одно замѣчаніе: общую египетскую язву того и другого гулянья составляютъ дамскія шляпки!. Эти злодѣйскія шляпки, являющіяся косвенной причиной маленькихъ закулисныхъ семейныхъ драмъ наканунѣ сборовъ въ народный театръ, являются въ то же время досадной помѣхой для лицезрѣнія самаго спектакля и служатъ неизмѣннымъ поводомъ неудовольствія со стороны простонародной части публики... (Появилось даже въ обиходѣ новое театральное словцо: „Сѣсть въ огородъ“, т.-е. попасть на роковое мѣсто, съ котораго видъ на сцену заслоненъ дамскими шляпками). Этотъ злободневный вопросъ, возбуждающій протесты не только у насъ, но и на Западѣ, можно было бы разрѣшить единственнымъ способомъ... примѣнивъ къ посѣтителямъ и посѣтительницамъ партера извѣстное монастырское правило, т. е. размѣстивъ мужчинъ по одну сторону „прохода“, а женскую публику—по другую; такимъ образомъ, обладательницы дамскихъ огородовъ на головѣ справедливо пожнутъ то, что посѣяли... у себя на головахъ! Было бы ошибочнымъ, при этомъ, пред-

полагать, что попадающіяся на народномъ гуляньѣ дамы съ пальмами на головѣ и мужчины въ модныхъ котелкахъ составляютъ до нѣкоторой степени сливки интеллигенціи, ибо въ случаѣ какого-нибудь непріятнаго замѣшательства, завершающагося „протоколомъ“, подобный франтъ, похожій съ виду на пшюта съ Невскаго проспекта, оказывается обыкновенно, по дознаніи, слесаремъ сосѣдняго завода, а дама въ накидкѣ съ испанскимъ воротникомъ и шляпкѣ со страусовымъ перомъ оказывается прачкой съ ближайшей фабрики. Что подѣлаешь — таковъ Петербургъ!

О народныхъ гуляньяхъ въ Екатерингофскомъ, Таврическомъ и Полюстровскомъ садахъ уже говорено было съ достаточной обстоятельностью на страницахъ „Новаго Врем.“,—остается лишь поставить на видъ, что дѣятельность ихъ только началась и что отеческое покровительство, которое оказываетъ имъ Предсѣдатель попечительства о народной трезвости Е. В. принцъ А. П. Ольденбургскій, открываетъ для нихъ въ будущемъ широкую и благодѣтельную перспективу (о недостаткахъ же этихъ гуляній,—недостаткахъ легко, впрочемъ, устранимыхъ и неизбѣжно связанныхъ съ началомъ всякой дѣятельности,—мы еще будемъ имѣть случай говорить отдѣльно).

Такъ называемыя „безплатныя“ народныя гулянья, устраиваемыя на плацу Семеновскомъ и

Преображенскомъ и въ Петровскомъ паркѣ, пока что—являютъ собой лишь блѣдное подобіе блаженной памяти народныхъ гуляній на Царицыномъ лугу и, кромѣ того, безплатность ихъ выходитъ, на повѣрку, довольно сомнительнаго свойства, такъ какъ большинство увеселеній, устраиваемыхъ на этихъ мѣстахъ, оплачиваются особо и посѣтитель ихъ, ничего не заплатившій за входъ, въ общемъ истратитъ вдесятеро больше, чѣмъ посѣтитель, заплатившій гривенникъ за входъ въ садъ Попечительства и получившій, вдобавокъ, за этотъ гривенникъ на свою долю вдесятеро больше удовольствія. Самое слово „безплатный", заключая въ себѣ, съ одной стороны, нѣчто заманивающее, какъ поощреніе злосчастной слабости русскаго человѣка ко всякой даровщинѣ, съ другой стороны, носитъ комическій оттѣнокъ... ибо странно было бы въ самомъ дѣлѣ запретить гулять петербургскому обывателю по пустынному плацу, по берегу рѣки или по опушкѣ лѣса?!. При этомъ невольно приходится отмѣтить, что народное гулянье на Преображенскомъ плацу, помѣщающееся рядомъ съ Таврическимъ гуляньемъ Попечительства, получаетъ какъ бы видъ завѣдомой конкурренціи. Впрочемъ, гулянье это, ограничивающееся весьма первобытнымъ театромъ маріонетокъ,—имѣетъ, если хотите, своего рода „историческій" интересъ, такъ какъ воочію показываетъ, какъ широко шагнулъ русскій народный театръ, представляющій въ своемъ „визави"—

народномъ театрѣ Таврическаго сада — образчикъ сценическаго блеска и техники.

Что до Зоологическаго сада, пригоняющаго свою праздничную программу ко вкусамъ простонародной публики, то ничто не помѣшало бы ему сдѣлаться въ наши дни вполнѣ народнымъ, если бы не новѣйшее петербургское изобрѣтеніе такъ называемыхъ „добродѣтельныхъ балетовъ", которыми утѣшаютъ за послѣднее время, въ заключеніе спектакля, простонародную праздничную публику... Взять хоть послѣднюю зоологическую новинку: „Зломъ за добро, или исторія Репсимы?. Авторъ, судя по сюжету и названію картинъ, видимо хочетъ внѣдрить въ зрителяхъ понятіе о различіи добра и зла; а зритель, между тѣмъ, все время видитъ полураздѣтыхъ танцовщицъ, которыя, показывая ему то пышный бюстъ, то голую спину, совершенно не оставляютъ досуга различить, съ которой собственно стороны находится добро и зло. Надо признаться, что прежнія фееріи Зоологическаго сада со всякими разрушеніями и крушеніями, пальбой и трескотней разныхъ африканскихъ и американскихъ разбойниковъ, были и занимательнѣе и, въ итогѣ впечатлѣнія, куда моральнѣе.

Садъ Америка (нынѣ садъ г-жи М. Е. Картавовой), имѣя за собой честь перваго народнаго гулянья, открывшагося въ центральной части города, — несмотря на повышенныя цѣны и многія измѣненія въ характерѣ программы, — продолжаетъ быть, по

старой памяти, излюбленнымъ мѣстомъ фабричнаго, ремесленнаго и приказчичьяго люда, и, по моему, въ силу этой старой памяти слѣдовало бы и закрѣпить за нимъ прежнее оригинальное имя Америки, такъ какъ новое... М. Е. Картавовой, согласитесь, ровно ничего не говоритъ ни уму, ни воображенію простонароднаго посѣтителя... Публика здѣсь очень шумная и откровенная и, будучи до извѣстной степени развращена пестротой и безтолковостью увеселительной программы, явно предпочитаетъ состязаніе атлетовъ братьевъ Лапіадо съ мясникомъ Трусовымъ... приличному исполненію весьма приличной труппой „Гамлета“ и „Ревизора“. Такъ или иначе, но по праздничнымъ днямъ здѣсь такая же тьма народу, какъ и на всѣхъ остальныхъ народныхъ гуляньяхъ — краснорѣчивый показатель назрѣвшей потребности народныхъ зрѣлищъ и увеселеній.

Не менѣе народу встрѣтите вы и на новооткрытыхъ „трезвенныхъ“ гуляньяхъ на Малой Охтѣ и въ Лиговскомъ саду, у такъ называемой Растеряевой башни... Что сказать вамъ о народномъ гуляньѣ въ Малоохтенскомъ саду? Общій типъ такихъ садовъ болѣе или менѣе всюду одинъ и тотъ же: открытая сцена, раковина для музыкантовъ, навѣсъ для танцевъ, тиръ, кегельбанъ и буфетъ безъ крѣпкихъ напитковъ. И Малоохтенскій садъ — садъ какъ садъ: въ саду растутъ березки, устроены клумбы съ цвѣтами, въ аллеѣ развѣшаны фонарики,

театральный занавѣсъ изображаетъ потухшій Везувій и Неаполитанскій заливъ, весьма похожій на Калашниковскую пристань. Репертуаръ въ Малоохтенскомъ театрѣ, ничѣмъ оригинальнымъ не отличаясь, является видимымъ сколкомъ съ народнаго репертуара садовъ Попечительства; но труппа довольно сносная, и въ общемъ, гг. устроители обнаружили болѣе вкуса, чѣмъ иниціаторы народнаго гулянья у Растеряевой башни. Но надо признаться, что краткій путь, ведущій отъ пристани ко входу въ Малоохтенскій садъ, ночью, при лунномъ освѣщеніи, долженъ производить довольно трагическое впечатлѣніе, такъ какъ по лѣвую сторону виднѣется Малоохтенское кладбище, а у забора, по правую руку, выставлены на продажу намогильные кресты и вѣнки, безъ словъ говорящіе прохожему... „о тайнахъ вѣчности и гроба“. Впрочемъ, такая обстановка имѣетъ всѣ шансы для успѣшной постановки шекспировскаго „Гамлета“, а при постановкѣ фарсовъ и легкихъ комедій театральную афишу смѣло можно было бы дополнить эпиграфомъ изъ Шиллера:

„Спящій въ гробѣ мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!!..“

Что касается народнаго гулянья у „Растеряевой башни“, то, какъ возникшее на самой отдаленной окраинѣ и въ мѣстности, гдѣ никогда не бывало никакихъ театровъ, оно, по своему простонародному оттѣнку, заслуживаетъ, чтобъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе...

Спб., Іюль. 1898 г.

II.

„Женитьба“ Гоголя у Растеряевой башни.

Признаюсь, не мало труда стоило мнѣ разыскать Лиговскій садъ по его офиціальному адресу, выставленному на афишѣ: „Черниговская улица, у Растеряевой башни“. Смѣю увѣрить гг. устроителей Лиговскаго народнаго гулянья, что пресловутая Растеряева башня далеко не такъ популярна въ населеніи, какъ это имъ представляется, и мнѣ пришлось долго плутать и безплодно опросить добрую полдюжину городовыхъ, пока, совсѣмъ случайно, черезъ проходящаго пьянаго мастерового, я былъ наконецъ наведенъ на путь истинный. Путь этотъ идетъ, съ одной стороны, отъ Боровой улицы къ Московской заставѣ, а съ другой—отъ той же Московской заставы, по лѣвую руку Новодѣвичьяго монастыря. Въ всякомъ случаѣ, рядомъ съ Растеряевой башней, для удобства публики, слѣдовало бы помянуть и Московскую заставу, ибо сама по себѣ Растеряева башня вида довольно несуразнаго и никакими историческими воспоминаніями не отмѣчена.

Народныя гулянья, устраиваемыя здѣсь, какъ оповѣщаетъ афиша, „гг. фабрикантами Александро-Невскаго района при участіи Спб. общества трезвости“ имѣютъ за собой одно драгоцѣннѣйшее качество, а именно посѣщаются народомъ въ настоящемъ смыслѣ слова и модная шляпа, и касторовый котелокъ интеллигента, если и встрѣчаются въ первыхъ рядахъ театральнаго партера, то какъ рѣдкость и принадлежатъ, повидимому, мѣстной фабричной аристократіи. Это придаетъ особенную цѣну театральнымъ впечатлѣніямъ чисто народнаго партера и заставляетъ охотно мириться съ общимъ видомъ сѣроты и бѣдноты. Сѣрота и бѣднота—Богъ съ ней, но безвкусица и неряшливость... это уже не дѣло; а онѣ-то главнымъ образомъ и бросаются здѣсь въ глаза. Ноги вязнутъ въ глубокомъ пескѣ, театральный занавѣсъ изображаетъ какую-то необитаемую избу и телѣгу съ распряженной лиловой лошадью, а мѣсто для танцевъ, не огражденное отъ дождя даже навѣсомъ, похоже скорѣе на загонъ для телятъ, чѣмъ на веселую танцовальную площадку. Буфетъ, прости имъ Господи, самый убогій, и „С.-Петербургское общество чайной трезвости“, вѣроятно въ пику „Попечительству о народной трезвости вообще“, разрѣшающему потребленіе пива, ограничиваетъ свою буфетную миссію исключительно квасомъ и чаемъ. Откровенно признаться, я бы предпочелъ, чтобы ревнители народной нравственности занялись лучше варкой меда

по рецепту Кнейпа или воскресили въ памяти современниковъ старинныя полпиво и брагу, чѣмъ усиленнымъ утомленныхъ путниковъ жидкимъ чаемъ, хотя и подаваемымъ очень расторопными половыми въ бѣлыхъ рубашкахъ.

Кромѣ того, означенные строгіе блюстители изгнали изъ сада продажу табаку и, какъ мы слышали, первое время даже запрещено было куренье въ самомъ саду. Вѣроятно, это вызвало протестъ со стороны праздничной публики, и теперь курить никому не воспрещается.

Смѣяться, слава Богу, тоже никому не воспрещается—и видѣнная нами здѣсь „Женитьба" Гоголя прошла при такихъ громовыхъ раскатахъ народнаго смѣха, что, надо думать, случайный прохожій близъ Московской заставы, взглянувъ на пасмурное небо, навѣрное принялъ впечатлѣніе отъ комедіи Гоголя за раскаты отдаленнаго грома и ускорилъ шагъ по направленію къ городу!..

Въ самомъ дѣлѣ, это удивительная вещь, до чего тонко отзывчива непосредственная натура простолюдина на всякое истинно-художественное произведеніе! Мы лично съ этимъ фактомъ уже давно освоились, повидавъ на народныхъ подмосткахъ Шекспира и Мольера, и „Женитьба" Гоголя, представленная въ этомъ захолустьи, у невѣдомой Растеряевой башни, передъ глазами публики, добрая половина которой, по всему вѣроятію, попала впервые въ театръ, лишній разъ подтвердила извѣстное

изреченіе Гете: „все, что здорово—классично", которое слѣдовало бы въ данномъ случаѣ перефразировать: „все, что классично—вполнѣ здорово для народныхъ подмостковъ".

На скамьѣ рядомъ со мной сидѣлъ молодой парень съ сосѣдней фабрики, очень чистоплотно одѣтый и попавшій, по его словамъ, въ театръ въ первый разъ въ жизни. И, посмотрите, въ какія-нибудь четверть часа, несмотря на необычайность новаго зрѣлища, онъ такъ сжился съ изображаемыми типами, точно съ настоящими живыми людьми, что и выражалъ очень громко и наивно, переименовавъ тутъ же Ивана Кузьмича Подколесина, по-пріятельски, въ „Ванюшу".

— Ну, Ванюша, не робѣй! — подсказалъ онъ громко по адресу Подколесина, когда тотъ остался наединѣ съ невѣстой. А когда невѣста, въ свою очередь, осталась одна и, вздыхая вслѣдъ жениху, начала извѣстный монологъ: „Какой достойный человѣкъ... и скромный, и разсудительный!"—онъ не выдержалъ и съ добродушнымъ смѣхомъ воскликнулъ:

— Во, во... аккуратъ по тебѣ!..

Затѣмъ, когда входитъ Кочкаревъ, и Подколесинъ ему признается, что онъ „съ большимъ удовольствіемъ провелъ время", мой веселый парень опять разразился хохотомъ:

— Еще бы не удовольствіе... о щекатурщикѣ разговаривали!

А потомъ, когда Кочкаревъ соединилъ руки Подколесина и Агафьи Тихоновны, и тотъ съ увлеченіемъ сталъ цѣловать руку невѣсты, сосѣдъ мой, давясь отъ смѣха, торжествующе пустилъ по адресу жениха:

— Ага... небось розобрало?..

Но вотъ Кочкаревъ уходитъ и уноситъ съ собой шляпу Подколесина. Сосѣдъ иронически мнѣ подмигиваетъ:

— Шабашъ, припечатали нашего барина!

Подколесинъ начинаетъ свой знаменитый монологъ и, сдѣлавъ паузу, произноситъ: „Однако-же, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ?".—Неугомонный парень снова обращается ко мнѣ и взволнованно, весь увлеченный ходомъ комедіи, произноситъ вздохнувъ:

— Ой, ой, сбѣжитъ нашъ Ваня! Какъ пить дать, сбѣжитъ... вотъ увидишь!—и т. д. и т. д.

И, вообще, всей простонародной массой „Женитьба" Гоголя принималась удивительно чутко; каждое юмористическое слово, каждая комическая черта подхватывались дружно всѣми, какъ однимъ человѣкомъ,—и по этой сѣрой, невзрачной съ виду толпѣ можно было прослѣдить, точно музыкальный ритмъ по метроному, всѣ комическіе переходы и психологическія тонкости безсмертной комедіи...

— Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ

хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія!— философствуетъ про себя Подколесинъ—и дружный взрывъ смѣха покрываетъ это тонкое замѣчаніе.

Вбѣгаетъ Кочкаревъ и начинаетъ убѣждать Подколесина жениться:

— „Пустяки, пустяки! Только не конфузься: я тебя женю такъ, что и не услышишь!—Опять раскатистый взрывъ смѣха всего партера... Тѣ же дружные раскаты смѣха сопровождаютъ описаніе Кочкаревымъ прелестей брака, нерѣшительность Подколесина („какъ же не странно: все былъ неженатый, а теперь вдругъ женатый!") и т. д. и т. д.— всего не перечесть!..

Во время дѣйствія, въ проходѣ между скамьями партера прогуливался импровизированный капельдинеръ—какой-то чернявый молодецъ въ малиновой рубашкѣ и кожаной американской фуражкѣ и съ добродушно-снисходительнымъ видомъ слегка пошикивалъ на публику въ моменты особенно громкаго восторга. По сдерживаемой улыбкѣ было видно, что ему самому „смѣшно отъ Гоголя" и не мало стоитъ труда сохранить достоинство своего положенія.

Добавимъ, что полнѣйшій восторгъ подчеркнулъ появленіе жениховъ, причемъ своеобразность каждаго отлично улавливается толпой...—„Ну, женихи— нечего сказать! Почемъ пара?" слышится гдѣ-то позади меня. — Нечего говорить, что разсказъ о мичманѣ Дыркѣ и подсматриваніе жениховъ въ

щелку спальни невѣсты производятъ новый эффектъ; и, какъ всегда, настоящую бурю смѣха вызываютъ объясненіе Подколесина съ невѣстой и извѣстная сцена между Кочкаревымъ и Жевакинымъ („Сваха-то, сваха-то!“).

Но вотъ комедія кончается.

— „Это вздоръ, это не такъ—я побѣгу къ нему, я возвращу его“!—кричитъ въ отчаяніи Кочкаревъ.

— Ладно, будь здоровъ! Ищи вѣтра въ полѣ!!—раздается чей-то зычный голосъ изъ толпы безплатныхъ зрителей, облѣпившихъ кругомъ ограду партера...

Въ общемъ комедія произвела рѣшительный фуроръ и исполнители, не взирая на накрапывавшій дождикъ, были настойчиво и шумно троекратно вызваны по ея окончаніи. (Замѣтимъ при этомъ, что напрасно на афишѣ народныхъ спектаклей не обозначается, что комедія заключаетъ въ себѣ три картины—большинство неопытныхъ зрителей это вводитъ въ очень досадное заблужденіе).

Почти „тожественное подчеркиваніе“ смѣхомъ народнаго партера можно было отмѣтить и на воскресныхъ представленіяхъ „Женитьбы“ въ Таврическомъ и Полюстровскомъ садахъ; только тамъ пьеса была разыграна съ отмѣннымъ ансамблемъ, такъ какъ попечительство, очевидно, не только заботится о народной морали, но и о театральномъ ансамблѣ; а здѣсь игра была весьма заурядная, чисто любительскаго пошиба, хотя надо отдать

справедливость исполнителямъ—всѣ они свои роли знали твердо и загримированы были подобающимъ образомъ.

И то сказать, входная плата въ Лиговскій садъ всего „пять копѣекъ съ благотворительнымъ сборомъ"—не Сазонова же и Давыдова приглашать, въ самомъ дѣлѣ, на гастроли!!

И видя эту рѣшительную побѣду, которую всюду одерживаетъ Гоголь среди простого народа, для котораго онъ собственно жилъ и работалъ, я невольно перенесся, за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, къ первому представленію „Женитьбы" на Александринской сценѣ, какъ извѣстно, сопровождавшемуся шиканьемъ г-жи интеллигенціи... Мнѣ невольно вспомнился, при этой оказіи, разсказъ моего покойнаго дѣда, барона В. К. Клодта (брата извѣстнаго скульптора), присутствовавшаго на первомъ представленіи Гоголевской „Женитьбы" въ ложѣ извѣстнаго Н. И. Греча... По его словамъ, послѣ перваго дѣйствія комедіи, въ ложу вошелъ Булгаринъ въ крайне возбужденномъ состояніи: — „Это изъ рукъ вонъ!—громко воскликнулъ онъ:—Представлять этакую мерзость публично!.. Тьфу!!" — И онъ нѣсколько разъ энергически плюнулъ. Дѣдъ подтверждаетъ, что кромѣ Булгарина, и многіе другіе плевались при нѣкоторыхъ реальныхъ словечкахъ пьесы. Большинство, привыкшее къ высокопарному языку трагедій Полевого и Кукольника, было крайне шокировано перемѣной разговора.

Одна молодежь „верховъ“ принимала „Женитьбу“ шумно и восторженно... что, конечно, не могло тогда спасти пьесу.

Не правда ли, какая иронія? Такъ называемыя „сливки общества“ свищутъ и негодуютъ, а какая-нибудь сѣрая, полуневѣжественная толпа, у несуразой Растеряевой башни, привѣтствуетъ комедію съ дѣтски-радостнымъ восторгомъ... Удивительная, въ самомъ дѣлѣ, судьба истинно-оригинальнаго произведенія на Руси!..

И послѣ этого, иные близорукіе противники народнаго театра еще скептически бормочутъ: „Народъ нашъ глупъ, народъ нашъ ничего не понимаетъ—смѣшно даже давать для него классическія вещи!“... Нѣтъ-съ, ужъ позвольте — народъ, который радостно принимаетъ Шекспира, Мольера... и Гоголя, не можетъ быть глупъ, господа!!

Спб., Іюль 1898 г

По поводу открытія Таврическаго народнаго театра.

Въ какой нибудь мѣсяцъ, много полтора, стараніями „С.-Петербургскаго городского попечительства о народной трезвости“ почти одновременно открылись цѣлыхъ три новыхъ народныхъ театра — въ Екатерингофскомъ саду, въ Полюстровскомъ и, наконецъ, не такъ давно, въ Таврическомъ!!.

Было бы непростительно для добросовѣстнаго лѣтописца народныхъ театровъ, при такой счастливой неожиданности, замолчать имя Е. Е. Ковалевскаго—директора Василеостровскаго театра, такъ много потрудившагося для скорѣйшаго и прочнѣйшаго устройства этихъ новыхъ трехъ дѣтищъ, ввѣренныхъ также его заботамъ. Надо отдать, въ результатѣ, должную справедливость этому энергичному и ревниво любящему театральное дѣло человѣку: какъ практическій дѣятель, какъ организаторъ, наконецъ, какъ изобрѣтательный монтировщикъ, доведшій обстановку пьесъ до значительной степени совершенства, — онъ рѣшительно не замѣнимъ—и намъ думается, что едва ли безъ содѣйствія его неугомонной энергіи и солиднаго

театральнаго опыта, огромная машина новаго театральнаго дѣла была бы поставлена и приведена въ дѣйствіе въ такой короткій срокъ.

Къ прискорбію, на плечахъ у Е. Е. Ковалевскаго слишкомъ много этого самаго практическаго дѣла, всякой черновой и канцелярской работы, чтобы оставалось достаточно досуга для тонкосложной и кабинетной дѣятельности по части обдумки и реформы народнаго репертуара. Какъ нѣкоторое оправданіе неминуемымъ промахамъ, сдѣланнымъ въ этомъ отношеніи Е. Е. Ковалевскимъ, является, по всей вѣроятности, установленная при народныхъ театрахъ должность „отвѣтственнаго режиссера", хотя смыслъ этой отвѣтственности, признаемся, намъ не совсѣмъ ясенъ, т. е. передъ кѣмъ собственно отвѣтственъ режиссеръ народнаго театра: передъ директоромъ Е. Е. Ковалевскимъ, или передъ своей режиссерской совѣстью? Если передъ послѣдней, то приходится засвидѣтельствовать, что на ней скопилось довольно таки много грѣховъ!.

Передъ нами сейчасъ лежитъ программа народнаго гулянья, устроеннаго въ Таврическомъ саду 28-го Іюня 1898 г., т. е. программа развлеченій, имѣвшихъ мѣсто въ самый день открытія новаго театра, и какъ таковая программа, составленная съ особенною тщательностью и разнообразіемъ—программа спектакля, заключающаго въ себѣ цѣлые три элемента: мелодраматическій („Симонъ сиротинка"),

комическій („Женитьба“ Гоголя), феерическій (волшебная сказка „Аленькій цвѣточекъ“) и, наконецъ, обширнѣйшій дивертисментъ, начиная отъ національнаго „Славься“ до кафешантанной „Тарарабумбіи“ включительно (?).

Какъ казовая программа, на практикѣ она вышла очень характерной и поучительной, показавъ наглядно, точно въ фокусѣ, всѣ достоинства и недостатки репертуарной стороны. О достоинствахъ, впрочемъ, распространяться много не приходится, такъ какъ они хорошо извѣстны всѣмъ посѣщавшимъ народные спектакли, находящіеся подъ дирекціей г. Ковалевскаго: эти несомнѣнныя достоинства—вполнѣ добропорядочная труппа, приличный ансамбль, отличающій исполненіе пьесъ и, какъ всегда, превосходная обстановка, переходящая зачастую за предѣлы сценической необходимости. Что же до недостатковъ, то, въ настоящемъ случаѣ, ихъ слѣдуетъ отнести не столько къ выбору пьесъ, сколько къ завѣдомой лжи и рутинѣ, отмѣчающей нѣкоторыя частности...

Театръ, какъ извѣстно, открылся старинной трогательной одноактной пьеской „Симонъ сиротинка“—пьесой какъ нельзя болѣе подходящей для народныхъ подмостковъ. Пьеса эта, такъ же какъ и популярная мелодрама „Жозефъ, Парижскій мальчикъ“—рисующая великодушный подвигъ бѣдняка, спасающаго жизнь своего врага, блестящаго офицера, влюбленнаго въ его невѣсту,—какъ нельзя

болѣе близка народному сердцу, и если она непонятна интеллигентному зрителю и кажется неестественной, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ подвиги великодушія гораздо рѣже происходятъ въ средѣ интеллигентной, чѣмъ въ обиходѣ простого люда. Наивные, съ нашей точки зрѣнія стихи, которые поетъ простодушный, безпечный рыбакъ Симонъ-сирота, вродѣ:

„Трудъ и бѣдность мнѣ не въ тягость
Побратался съ ними я!..“

или, напримѣръ, куплетъ честнаго мызника Морица:

„Не деньги, сынъ мой, составляютъ
Богатство прочное людей:
Онѣ такъ часто измѣняютъ,—
Душа же добрая вѣрнѣй!“

какъ нельзя болѣе умѣстны на народной сценѣ.

А что же дѣлаетъ режиссеръ народнаго театра? Онъ выключаетъ всѣ куплеты, оживляющіе пьесу, и вводитъ въ концѣ „балетъ“, котораго совершенно нѣтъ въ пьесѣ и который убиваетъ весь ея смыслъ. Судите сами: пьеса кончается тѣмъ, что добрякъ Симонъ, рѣшившись пожертвовать своею любовью, чтобы остаться по прежнему бѣднымъ матросомъ „со своей баркой и своей мамой“, съ рыданіемъ убѣгаетъ со сцены. Всѣ поражены. Картина. Занавѣсъ.

Но мудрый режиссеръ народнаго театра, прежде чѣмъ опустить занавѣсъ, выпускаетъ четырехъ дѣвицъ въ матроскихъ курточкахъ, которыя выдѣлы-

ваютъ балетныя па и которыхъ, конечно, по окончаніи шумно вызываютъ, вмѣсто того, чтобы шумно вызывать великодушнаго Симона-сироту, исполнитель котораго долженъ былъ на этотъ разъ почувствовать вдвойнѣ свое сиротство... Это совсѣмъ похоже на то, какъ если бы вставить танцы русалокъ около трупа Катерины, въ финалѣ послѣдняго акта „Грозы“ Островскаго!.. (Вдобавокъ, и обстановка „Симона“, дающая такой просторъ фантазіи декоратора, черезчуръ-таки скромная сравнительно съ обстановкой балаганныхъ феерій вродѣ „Золотого Хлѣба“ и т. п., тогда какъ желательно было бы совсѣмъ обратное).

Теперь нѣсколько словъ по поводу „Женитьбы“ Гоголя... „Женитьба“, конечно, прекрасная пьеса и исполняется, вдобавокъ, труппой Таврическаго сада дружно и съ огонькомъ; но, къ сожалѣнію, комедія Гоголя имѣетъ два дѣйствія и гг. распорядители видятъ въ этомъ почему-то предлогъ, чтобы разсѣять яркое впечатлѣніе, произведенное комедіей, почти часовымъ дивертисментомъ на сосѣдней эстрадѣ. И вотъ добрая половина безплатной публики, облѣпившей густой толпой театръ, невольно бросается на неожиданный соблазнъ. Не давъ передохнуть отъ настоящаго художественнаго впечатлѣнія, васъ заставляютъ цѣлый часъ глазѣть, какъ скачутъ и спѣваютъ малороссы, какъ пляшутъ и поютъ русскіе пѣсенники, какъ жонглируетъ на шарѣ миссъ Эмиль, какъ свистятъ владимірскіе

рожечники и прыгаютъ съ опахалами миловидныя японки... А затѣмъ, когда въ вашей головѣ получился полнѣйшій сумбуръ—дзинь... звонокъ — пожалуйте смотрѣть второй актъ гоголевской комедіи!..

И во всѣхъ народныхъ театрахъ повторяется та же исторія... По моему, господамъ распорядителямъ народныхъ спектаклей не мѣшало бы вспомнить о Крыловской „Демьяновой Ухѣ“ и, въ худшемъ случаѣ, сократить антракты и всякіе балетные дивертисменты и буфетные рефрашисменты отложить на послѣдокъ гулянья. Смѣю полагать, что „народный отдыхъ“ тоже чего-нибудь да стоитъ, и гг. распорядители напрасно выключили изъ своей разнообразной программы этотъ существенный „нумеръ“... Не говоря уже о томъ, что въ данномъ случаѣ къ имени Гоголя можно было бы проявить нѣсколько болѣе уваженія!..

Что сказать вамъ объ „Аленькомъ цвѣточкѣ?..“ Сказка Аксакова передѣлана для сцены довольно недурно,—въ ней сохранены и смыслъ, и поэзія и, какъ водится, добродѣтель,—но и здѣсь „преизобиліе“ балетныхъ пируэтовъ заслоняетъ собой тонкость сюжета. Въ результатѣ выходитъ, что смыслъ и добродѣтель сидятъ, печально обнявшись, гдѣ-то въ трюмѣ, подъ сценой, а чтобы не замѣтили ихъ отсутствія, на сценѣ васъ развлекаютъ кордебалетныя статистки съ электрическими лампами на головѣ и на животѣ.

Признаюсь, въ моихъ мечтаніяхъ о народномъ театрѣ мнѣ рисовались совсѣмъ другіе эфекты въ области народной психологіи!...

Остается, право, порадоваться за провинціальные народные театры, избавленные, по недостатку средствъ, отъ такой роскоши, какъ балетъ, а также и за Москву, Дума которой, по послѣднимъ извѣстіямъ, обдумала наконецъ цѣлую сѣть небольшихъ народныхъ театровъ и можетъ удобно воспользоваться промахами Петербурга, какъ безплатнымъ и назидательнымъ урокомъ.

Что же до г. Ковалевскаго, питающаго столь явную слабость къ блестящей обстановкѣ, направленную по преимуществу на балетныя феерія, то кто же, спрашивается, мѣшаетъ ему направить эту слабость на иной, болѣе раціональный и, такъ сказать, національный, путь? Превосходная постановка подъ его дирекціей „Русской свадьбы" Сухонина, „Суворова" Куликова и „Параши-сибирячки" Полевого, „Недоросля", „Каширской старины" и т. п.— краснорѣчиво указываетъ, въ какой сферѣ слѣдуетъ ему примѣнить свою практическую энергію, артистическій вкусъ и исключительную въ своей народной спеціальности театральную опытность!. Что и говорить, идея освѣжить въ памяти народа его родныя сказки — идея сама по себѣ прекрасная и вопросъ здѣсь идетъ лишь о неудачномъ примѣненіи ея на практикѣ. Если, напримѣръ, сказка-феерія „Конекъ-Горбунокъ" имѣетъ огромный и заслуженный

успѣхъ, не смотря на погрѣшности ея постройки и многія неумѣстныя детали, то это прямо-таки благодаря остроумному стихотворному тексту Ершова, сторицей выкупающему сценическіе недостатки. Вся суть въ томъ, чтобы опереточные и балетные элементы, неминуемо входящіе въ сферу феерiи, играли подобающую имъ третьестепенную роль покорныхъ прислужниковъ сюжета, и ужъ никакъ не первостепенную.

Для чего же, въ самомъ дѣлѣ, давать лишнее оружіе въ руки противникамъ народнаго театра?

Спб., Іюль, 1898 г.

Досадные итоги.

Время, однако, подвести итоги...

Два мѣсяца слишкомъ питался я исключительно, можно сказать, впечатлѣніями отъ народныхъ театровъ и скопившійся на моемъ письменномъ столѣ внушительный ворохъ афишъ какъ бы безъ словъ вопрошаетъ: какое же, въ концѣ-концовъ, *основное* впечатлѣніе вынесъ ихъ обладатель изъ своего усерднаго посѣщенія петербургскихъ народныхъ театровъ?

Основное—увы, одно: полнѣйшее отсутствіе оригинальности!..

Да, какъ ни досадно это засвидѣтельствовать, но печать рутины, точно своего рода „интеллигентное проклятіе", властно тяготѣетъ на прекрасномъ челѣ новорожденнаго народнаго театра. Слѣды этой мертвящей печати бросаются вамъ въ глаза всюду и во всемъ—начиная съ внѣшняго вида афиши народнаго спектакля, которую вамъ вручаютъ при входѣ, и кончая всѣмъ тѣмъ, что вамъ приходится видѣть все время въ оградѣ народнаго гулянья, до самаго выхода... Возвращаясь иной разъ съ народнаго гулянья, право, невольно мелькнетъ въ головѣ, что гг. устроители таковаго только изъ

пустого тщеславія прикрываются модной фирмой народничества, а на самомъ дѣлѣ все обдумали и разсчитали по мѣркѣ и вкусу средняго, недостаточнаго интеллигента. За самыми ничтожными исключеніями, ей-Богу, всюду почти такъ!.. Нигдѣ и ни въ чемъ ни тѣни чего-нибудь оригинальнаго, ни капли остроумной выдумки или свободной фантазіи, ни даже простого знанія народныхъ вкусовъ и потребностей!.. Возьмите, напримѣръ, въ руки любую афишу народнаго театра и вы увидите, что она ровно ничѣмъ не отличается отъ афишъ Малаго или Александринскаго театровъ... А, между тѣмъ, не слѣдовало бы, кажется, забывать, что тогда какъ для интеллигентнаго зрителя афиша служитъ лишь для поверхностнаго обозрѣнія гг. исполнителей данной пьесы,—для простолюдина такая афиша служитъ своего рода матеріаломъ для чтенія и можетъ и должна быть составлена особенно интересно и обстоятельно: въ такой настоящей народной афишѣ исполнители не только могутъ быть на третьестепенномъ планѣ, но даже могутъ и вовсе быть не упомянуты (какъ это практиковалось въ „Свободномъ театрѣ“ Антуана въ интересахъ культа автора, а отнюдь не актера), а на первомъ — должны быть самыя точныя свѣдѣнія относительно числа картинъ въ пьесѣ и мѣста дѣйствія, историческія справки, если пьеса историческая, и портретъ автора съ краткой біографіей, если пьеса классическая и т. п.; а то не угодно ли—

идетъ на народныхъ подмосткахъ „Недоросль“ Фонвизина, а на афишѣ стоитъ только лаконическое: „комедія въ пяти дѣйствіяхъ“... Идетъ на тѣхъ же подмосткахъ „Смерть Ляпунова“ и опять лаконическое „въ пяти дѣйствіяхъ“ — и не только не упомянуто, къ какому году относится дѣйствіе, но даже не обозначено, что, кромѣ пяти актовъ, въ пьесѣ еще есть цѣлыя три картины. Какая, подумаешь, неумѣстная скупость въ сравненіи съ расточительностью словъ о необходимости пользоваться малѣйшимъ случаемъ для образованія народнаго!..

Нѣкоторое обособленіе изъ этого рутиннаго явленія представляютъ афиши спектаклей Невскаго Общества („Варгунинское Бгулянье“). ывшіе режиссеры мѣстнаго театра, гг. Е. П. Карповъ и Соколовскій, составляли ихъ довольно обстоятельно, а нынѣшній, г. Свѣтловъ, при постановкѣ какой-нибудь сложной пьесы, въ родѣ „Уголино“, даже точно обозначаетъ время антракта между картинами, что, въ интересахъ пьесы, конечно, очень важно. Одно время, на заголовкѣ мѣстныхъ афишъ, появились даже остроумныя поговорки и изреченія, имѣющія отношеніе къ программѣ спектакля; но, вѣроятно, интеллигентные члены мѣстнаго комитета испугались этой черты оригинальности; а то, чего добраго, просто побоялись, что ихъ обвинитъ въ стремленіи къ рекламѣ какой-нибудь продажный рецензистъ, — и поговорки и изреченія исчезли съ

афиши. А жаль... какъ жаль всякаго проблеска оригинальности! (Вѣроятно, надо жить не за Невской заставой, а гдѣ-нибудь на Чукотскомъ Носу, чтобы не бояться продажныхъ рецензистовъ и быть вполнѣ оригинальными!!).

Но вотъ вы запаслись афишей и входите въ театръ... Занавѣсъ еще не поднимался. Вы невольно смотрите на самый занавѣсъ и опять невольно пожимаете плечами. Передъ вашими глазами: или какая-нибудь одинокая заброшенная мельница на берегу рѣки, или унылая коняка возлѣ унылой избенки; въ лучшемъ случаѣ—деревенская улица, съ пустующей деревенской школой, или весьма сомнительнаго свойства Неаполитанскій заливъ. Очевидно, гг. художники, воспроизводившіе на театральномъ полотнѣ эти увлекательные сюжеты, совсѣмъ забыли что у русскаго народа есть очень поэтическія русскія сказки... что, наконецъ, родная исторія, древне-русская жизнь и всякія старинныя скоморошьи потѣхи и игрища даютъ довольно-таки благодарный матеріалъ для народной картины. Странная вещь, въ самомъ дѣлѣ — въ послѣднее время всѣ говорятъ о выставкѣ картинъ для народа и, въ то же время, пропускаютъ такой завидный предлогъ для этой самой выставки, заставляя простонароднаго зрителя, по часамъ выстаивающаго у загородки театральнаго партера, любоваться на сиротливую мельницу и тоскливую крестьянскую коняку. Авось, Москва, проектирующая въ лицѣ своей

Думы цѣлый десятокъ народныхъ театровъ, воспользуется этимъ счастливымъ предлогомъ для болѣе оригинальной выставки!.. Подождемъ—увидимъ!!..

Немного, надо признаться, утѣшительнаго получитъ пытливый искатель оригинальнаго и послѣ поднятія подобнаго неоригинальнаго занавѣса... Онъ только откроетъ вамъ, что на сценѣ народнаго театра господствуетъ та же госпожа рутина, рукой которой составляются афиши и расписываются занавѣсы народныхъ театровъ, ибо, за малыми исключеніями, нынѣшній репертуаръ народныхъ театровъ представляетъ нѣчто въ родѣ усердной копіи, чрезъ пропускную бумагу, обычнаго репертуара столичныхъ театровъ, какъ частныхъ, такъ и Императорскихъ... Никакого проблеска тщательнаго изысканія въ обширной области старинныхъ пьесъ, ни малѣйшаго намека на созданіе новѣйшаго народнаго репертуара мы здѣсь не увидимъ!.. Мелодрамы идутъ большей частью все тѣ же, что уже давно заучены наизусть театралами Васильеостровскаго театра, а народный водевиль находится въ совершенномъ загонѣ... Вдобавокъ, эти самыя бѣдныя мелодрамы терпятъ не малыя гоненія со стороны интеллигентныхъ участниковъ народныхъ предпріятій, нерѣдко совсѣмъ молодыхъ людей, которые, не успѣвъ сформировать, такъ сказать, репертуаръ собственныхъ убѣжденій, берутъ на себя смѣлость формировать репертуаръ для народа... А между тѣмъ, недавній огромный успѣхъ

„Уголино“ Полевого на народныхъ подмосткахъ— сорокъ первый примѣръ того, какъ живучъ и правоспособенъ этотъ полуосмѣянный педагогами родъ пьесъ!... Пылкія рѣчи молодого графа Нино, несмотря на ихъ витіеватость, принимались народной толпой восторженно, а сцена въ „Башнѣ Голодая“, кстати сказать, прекрасно поставленная режиссеромъ Невскаго театра, произвела рѣшительный фуроръ: я давно не помню столь шумныхъ и настойчивыхъ вызововъ, какимъ былъ свидѣтелемъ прошлое воскресенье по окончаніи трагедіи. „Ужасно занимательная игра!“ — все время слышалось въ простонародной публикѣ, биткомъ набившей театръ, несмотря на все время лившій дождь. И это весьма понятно, ибо при всей своей мелодраматичной занимательности, трагедія въ то же время возбуждаетъ самыя возвышенныя чувства, проповѣдуя со сцены устами благороднаго Нино возрожденіе порочной натуры таинственною силою чистой любви, проповѣдуетъ милосердіе къ злѣйшему врагу и призываетъ на подвигъ христіанскаго самоотверженія... Тѣмъ болѣе понятно, что когда Нино, очищенный скорбнымъ испытаніемъ отъ мірскихъ страстей и обрекшій себя на защиту гроба Господня, говоритъ коварному Руджіеро:

„...А за гробомъ, Руджіеро,
Есть Судія... Тамъ разочтутся всѣ:
И царь, и рабъ его, богатый и убогій—
И равный будетъ судъ Царю съ простолюдиномъ!“

слова его покрываются громомъ рукоплесканій.

Нападаютъ, впрочемъ, на мелодрамы, обыкновенно тѣ господа, которые никогда ихъ не читали и не видѣли на сценѣ и ужъ, конечно, никогда не пробовали сравнить ихъ съ безъидеальными издѣліями современныхъ модныхъ драмодѣловъ:—если бы они нашли досугъ провести такую интересную паралель, они, воочію, убѣдились бы, что сравненіе вышло бы далеко не въ пользу послѣднихъ!.. Вдобавокъ, всякая талантливая мелодрама, вродѣ, напримѣръ, „Парижскихъ нищихъ“ или „Двухъ сиротокъ“ захватываетъ жизнь несомнѣнно многостороннѣе, чѣмъ любая современная модная драма, утѣшающая зрителя въ финалѣ актомъ самоубійства или самоотравленія... Народъ, настоящій народъ, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда желаетъ видѣть на сценѣ не только то, „что есть“ въ жизни, но, главнымъ образомъ, то, „что должно быть“, т.-е. идеалъ—и лишать его этого скромнаго рессурса по меньшей мѣрѣ странно.

Увы, не менѣе „мелодрамы“ приходится также защищать, въ настоящее кислое время, простодушный веселый „водевиль“!.. „Да, водевиль есть вещь...“ — и, вдобавокъ, вещь весьма важная для народныхъ подмостокъ, какъ дающая возможность посмѣяться бодрымъ, здоровымъ смѣхомъ, что называется отъ всей души, бодрому и здоровому рабочему человѣку. А что же мы видимъ на народныхъ подмосткахъ.. что спрашивается, тамъ идетъ?..

Тѣ самые заигранные водевили, которые давно

намозолили всѣмъ глаза на любительскихъ и клубныхъ сценахъ: „Чашка чаю“, „Колечко съ бирюзой“, „Несчастье особаго рода“, „Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу“, „Двѣ гончія по одному слѣду“, „Школьная пара“ и т. п.

„Школьная пара“, напр., водевиль совершенно ничтожный и даже не особенно веселый, идетъ обязательно на всѣхъ народныхъ театрахъ... Почему? Никто не знаетъ почему!.. Ставятъ совершенно зря, что попало подъ руку, и потому нѣтъ ничего мудренаго, если на народныхъ подмосткахъ встрѣтишь своего рода „раритетъ“ въ родѣ комедіи Виктора Крылова „Сорви Голова“, украшающей собой одну изъ афишъ народнаго гулянья въ Васильеостровскомъ саду. Пьеса эта собственно—сцена-монологъ тринадцатилѣтняго школяра, по прозвищу Тото, который посаженъ въ пансіонскій карцеръ за то, что ходилъ къ кокоткѣ Тата, хотя и вовсе безъ дурного умысла (пьеса эта во французскомъ оригиналѣ такъ и называется „Toto chez Tata“). Какимъ же образомъ такая пикантность чисто парижскаго пошиба могла вдругъ попасть на подмостки русскаго народнаго театра? Самымъ курьезнымъ образомъ. Драматургъ Мельякъ написалъ эту двусмысленную бездѣлку для извѣстной артистки Жюдикъ, Жюдикъ создала успѣхъ бездѣлки въ Парижѣ, а Викторъ Крыловъ незамедлительно передѣлалъ ее на петербургскіе нравы и, съ его легкой руки, она пошла гулять по театральному свѣту, пока не по-

пала, наконецъ, на открытую сцену для воскреснаго утѣшенія петербургскаго рабочаго люда.

И неужели никому изъ гг. распорядителей не пришло въ голову, что, въ данномъ случаѣ, вмѣсто „Школьной пары“ и чисто французскихъ проказъ мосье Тото, наши доморощенные: „Филатка и Мирошка“ и „Антошкины проказы“ — куда были бы здѣсь умѣстнѣе!.. Не говоря уже о томъ, что цѣлый огромный репертуаръ старинныхъ водевилей— простодушно веселая вереница соч. Ленскаго, Кони, Оникса, Федорова, Куликова-отца, братьевъ Каратыгиныхъ и Григорьевыхъ — лежитъ совершенно заброшеннымъ и никто не подумаетъ стряхнуть пыль съ пожелтѣвшихъ обложекъ театральной библіотеки добраго стараго времени... А дѣдушка народнаго театра А. Э. Погосскій и цѣлая серія народныхъ шутокъ, написанныхъ для солдатскаго театра,—гдѣ они, спрашивается?? Но у насъ, какъ я уже говорилъ, существуетъ какое-то лицемѣрно-интеллигентное предубѣжденіе противъ громкаго и здороваго смѣха. Мы не только сами разучились имъ смѣяться, но, повидимому, хотимъ отучить отъ этой благодѣтельной способности и простонародную публику.

Объ изгнаніи со сцены истинно веселыхъ водевилей мы уже упомянули; не такъ давно мы также указали на институтски-цѣломудренныя передѣлки комедій Мольера при постановкѣ ихъ на сценѣ интеллигентными любителями — и теперь, мимохо-

домъ, должны отмѣтить, что даже Шекспиръ не избѣжалъ этого губительнаго и лицемѣрнаго давленія. Такъ, наприм., недавно въ театрѣ Невскаго общества шла „Зимняя сказка“ Шекспира... Со стороны режиссера народнаго театра это, конечно, очень похвально и достаточно смѣло; но, увы, у г. режиссера смѣлости хватило только на половину—и что бы вы думали онъ сдѣлалъ? Вычеркнулъ всѣ почти „народныя“ сцены, оживляющія это тонко-поэтическое произведеніе, подъ предлогомъ того, что онѣ въ ходѣ пьесы „эпизодическія“ и написаны яко бы исключительно для увеселенія народнаго партера (веселить народъ—какое, подумаешь, унизительное призваніе!). Изъ этихъ эпизодическихъ, народно комическихъ сценъ уцѣлѣла— и то только наполовину — яркая фигура остроумнаго бродяги Автолика и, — посмотрите, — какіе взрывы самаго искренняго и шумнаго смѣха вызывало каждое его появленіе, каждая его фраза!!.. Неужели же этого живого доказательства правоспособности „господина смѣха“ еще не достаточно? Напомнимъ, кстати, такимъ не въ мѣру конфузливымъ господамъ прекрасныя слова по этому самому поводу Алексѣя Веселовскаго, напутствовавшія появленіе первой книги „Артиста“ (статья: „По дорогѣ изъ театра“): „Пора бы отбросить намъ— Богъ вѣсть откуда взявшееся—фарисейство, которое мѣшаетъ намъ цѣнить не только „смѣхъ сквозь слезы“, обличительный и карающій, но и просто-

душный, непосредственный, послѣ котораго человѣкъ, съ освѣженными силами, способенъ возвратиться къ заботамъ и трудамъ дня! Да здравствуетъ же сатирическая комедія и веселая шутка!!"

Да здравствуетъ также веселый и остроумный дивертисментъ!!

Къ прискорбію, здравствующій на петербургскихъ народныхъ подмосткахъ дивертисментъ не отличается ни особенной веселостью, ни тѣмъ болѣе остроуміемъ—печать все той же досадной рутины господствуетъ и въ этой свободной сферѣ доступной для самой любопытной народной изобрѣтательности... Было бы ошибочно думать, что мы относимся пренебрежительно къ этому роду зрѣлищъ—родъ этотъ, въ ряду народныхъ развлеченій, такъ же законенъ, какъ комедія и драма (пьесы „прохладныя" и „жалостныя" по древне-русскому наименованію), и ведетъ свое происхожденіе изстари. Нынѣшній дивертисментъ—это ничто иное, какъ видоизмѣненныя старинныя „интермедіи" и „интерлюдіи" или, какъ ихъ именовали при Петрѣ „между вброшенныя забавныя игралища"... Все дѣло въ томъ, чтобы эти „игралища" были дѣйствительно забавны и народны, а таковыми пока остались на народной сценѣ (чему доказательство ихъ исключительно-огромный успѣхъ) русскіе пѣсенники и плясуны, и клоуны съ ихъ акробатическими и юмористическими выходками. Все же остальное—какъ-то разные, такъ называемые, театры лилипутовъ и вся-

кіе дуэтисты и куплетисты не носятъ ни малѣйшаго слѣда оригинальности и русской веселости, и отъ нихъ за версту несетъ пошлымъ букетомъ трактировъ и кафе-шантановъ... Одно изъ двухъ: или ихъ надо вовсе изгнать съ народныхъ подмостокъ, или подвергнуть самой тщательной дезинфекціи, направивъ на путь истинный — народнаго творчества и нѣкоторой сатирической изобрѣтательности.

Смѣлость — есть мать оригинальности, а ея-то намъ и не хватаетъ тамъ, гдѣ нужно! Антрепренеры и устроители народныхъ гуляній пребываютъ пока все на той же петербургски-рутинной точкѣ—слѣпые рабы столичнаго воздуха и столичныхъ привычекъ... Для нихъ, въ области драматической, служатъ образцомъ—злободневныя издѣлія столичныхъ драмодѣловъ, въ области феерической—феерін Зоологическаго сада, а въ сферѣ дивертисмента—учителями и учительницами являются заѣзжія кафешантанныя знаменитости...

Борьба съ рутиной—во всѣхъ этихъ трехъ сферахъ народнаго развлеченія, борьба самая настойчивая и безпощадная,—должна стоять на первомъ планѣ у всякаго истиннаго ревнителя народнаго театра!!.

Перехожу къ нѣкоторымъ заключительнымъ оговоркамъ и выводамъ...

Нѣкоторыя газеты протестуютъ противъ потребленія пива, допускаемаго „Спб. город. попечитель-

ствомъ о народной трезвости“ на устраиваемыхъ имъ народныхъ гуляньяхъ. Съ своей стороны, я тоже протестую противъ пива, но протестую исключительно... противъ сквернаго пива — противъ же хорошаго пива не имѣю достаточныхъ основанiй протестовать, и вполнѣ раздѣляю основной взглядъ Спб. попечительства, придерживающагося готтенборгской системы, т.-е. системы не безусловно исключающей употребленiе напитковъ, но регулирующей по возможности ихъ умѣренное употребленiе. Весь секретъ заключается въ томъ чтобы постепенно отучить народъ отъ крѣпкихъ напитковъ, предоставивъ ему, взамѣнъ, другой—прiятный, питательный и дешевый напитокъ лишь съ самымъ ничтожнымъ содержанiемъ алкоголя. Если Спб. попечительство о народной трезвости найдетъ средства заняться выработкой желательнаго напитка и, не выработавъ для народа хорошаго народнаго репертуара, даетъ хотя бы только хорошее пиво— это будетъ, конечно, очень благодѣтельный... хотя признаться, нѣсколько непредвидѣнный для общества трезвости результатъ!—Пока что—нынѣшнее пиво является косвеннымъ мотивомъ отъединенiя остальныхъ обществъ трезвости („Общество дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ и Домовъ трудолюбiя въ С.-Петербургѣ“, „Спб. общество трезвости“, „Невское общество“ и проч.) отъ Спб. Попечительства, подъ крыломъ котораго означенныя учрежденiя могли бы собраться для общей дружной ра-

*

боты на благо народное... Вышло бы, къ тому же, меньше путаницы и въ идейномъ отношенiи, и въ отношенiи практическомъ—и, вдобавокъ, публика, а также и газеты перестали бы путать существующiя фирмы трезвенныхъ обществъ.

Это раздробленiе на кружки, служащiе, каждый въ отдѣльности, одной и той же цѣли и преслѣдующiе благородную задачу народнаго театра, въ особенности чувствительно отражается на односторонности и безцвѣтности текущаго народнаго репертуара, возстановляя невольно въ воображенiи картину „Крыловскаго воза"—гдѣ... „лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду", подразумѣвая при этомъ, что лебедь рвется въ облака „педагогическiя", ракъ пятится въ дебри „бюрократическiя", а щука тянетъ въ воды „балетно-феерическiя"...

„Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ — судить не намъ,
А только возъ и нынѣ тамъ".

т. е. все на той же ложной, рутинной дорогѣ.

Сдвинутъ же этотъ театральный возъ съ мѣста можно, намъ думается, только одной силой—силою „объединяющаго начала", недостатокъ коего неминуемо даетъ себя чувствовать въ такой огромной и сложной задачѣ, какъ задача народнаго оздоровленiя... Такъ какъ народный театръ одинъ изъ весьма существенныхъ стимуловъ для достиженiя этой благодѣтельной цѣли, то вопросъ объ оздоровленiи и обновленiи репертуара народныхъ те-

атровъ пріобрѣтаетъ значеніе факта крайне важнаго и неотложнаго. При подобной постановкѣ дѣла—иначе говоря—при объединеніи трезвенныхъ кружковъ подъ однимъ знаменемъ—при спб. попечительствѣ могло бы возникнуть нѣчто вродѣ „*народно-литературной инспекціи, которая бы вѣдала* это самое репертуарное оздоровленіе. Отнюдь не посягая на самостоятельность и характерность ранѣе возникшихъ учрежденій (какъ напримѣръ, „Невское общество"), служа дѣлу, а не лицамъ, оно могло бы оказать неоцѣнененныя услуги дальнѣйшему развитію народнаго театра.—Кромѣ того, въ нѣкоторыя сношенія съ спб. попечительствомъ могло бы войти также Русское Театральное Общество, которому, какъ извѣстно, далеко не чужды интересы народнаго театра и которое, въ лицѣ нынѣшняго энергическаго предсѣдателя В. С. Кривенко, могло бы оказать существенныя услуги при разрѣшеніи вопроса о кадрѣ артистовъ для народныхъ театровъ, о болѣе нормальномъ вознагражденіи таковыхъ артистовъ и т. д., и т. д. Словомъ, с.-петербургскому попечительству предстоитъ сыграть въ будущемъ, прямо сказать, внушительную историческую роль, если патріотическое его дѣло будетъ сразу поставлено надлежащимъ широкимъ образомъ.

Трудно, конечно, предрѣшить, какія судьбы ожидаютъ въ Россіи новорожденный народный театръ?.. Очень можетъ быть, что не Петербургу

суждено дать настоящій образецъ народнаго театра — очень можетъ быть, что въ настоящую народную форму онъ отольется гдѣ-нибудь въ далекой провинціи, или непредвидѣнно обнаружитъ яркость и оригинальность своей физіономіи на московскихъ окраинахъ, долженствующихъ въ скоромъ времени оживиться цѣлой сѣтью „небольшихъ" народныхъ театровъ (что въ интересахъ литературно-художественныхъ куда практичнѣе, чѣмъ два-три грандіозныя сооруженія, гдѣ литературные интересы неминуемо заслоняются и вытѣсняются блескомъ сценической обстановки).

Такъ или иначе, но за Петербургомъ все же остается честь иниціативы. Вы помните Некрасовское:

...„Ты былъ всегда
Ареной дѣятельной силы,
Пытливой мысли и труда"!

Да, это надо помнить, и надо также помнить и то, что вся эта петербургская исторія одна лишь „запѣвка"—настоящая пѣсня народнаго театра еще впереди.

Спб. Іюль 1898 г.

Памяти А. Ѳ. Погосскаго.

Г. Погосскій довольно исключительное явленіе въ нашей народной литературѣ.

Ѳ. Достоевскій.

„26-го августа 1899 года исполнится 25 лѣтъ со дня кончины извѣстнаго народнаго писателя А. Ѳ. Погосскаго".

Прочтя въ газетахъ это сообщеніе, я невольно потянулся къ нижней полкѣ моего книжнаго шкафа, уставленной объемистыми томами „Русскаго Энциклопедическаго Словаря" професора И. Н. Березина. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, заглянуть, какія свѣдѣнія оставлены въ наслѣдіе потомству объ этомъ „исключительномъ явленіи народной литературы" на страницахъ старѣйшаго и обширнѣйшаго „Русскаго Словаря"? Раскрываю томъ четвертый, страницу 179: „Погосскій Александръ Ѳомичъ. Знатокъ солдатскаго быта (1816—1875). Редакторъ и издатель журналовъ: съ 1858 года „Солдатская бесѣда" и съ 1867 года „Досугъ и Дѣло". Написалъ нѣсколько замѣчательныхъ народныхъ разсказовъ. Для сцены писалъ народныя пьесы. Идеаломъ Погос-

скаго служилъ взятый изъ жизни „неспособный человѣкъ“.

Подумаешь, всего какія-нибудь четыре строки и въ этихъ четырехъ строкахъ цѣлыя двѣ крупныя ошибки! Во-первыхъ невѣрно указанъ годъ смерти (Погосскій умеръ не въ 1875, а въ 1874 году), а во-вторыхъ, изъ того, что А. Ѳ., въ ряду имъ созданныхъ многочисленныхъ народныхъ типовъ, мастерски вылѣпилъ фигуру Флегонта Безпалаго, изъ этого далеко не слѣдуетъ, что идеаломъ его служитъ неспособный человѣкъ. Послѣднюю сумбурную строку скорѣе слѣдуетъ понимать, какъ „примѣчаніе“, которое, очевидно, читается такъ: „Сію замѣтку о Погосскомъ составлялъ взятый изъ жизни неспособный человѣкъ“.

Впрочемъ, для новаго поколѣнія, ничего не слыхавшаго о Погоскомъ, даже такое откровенное примѣчаніе является мало утѣшительнымъ. По счастью, теперь, спустя двадцать пять лѣтъ по смерти А. Ѳ., предпринято наконецъ полное собраніе его сочиненій и нельзя, разумѣется, не порадоваться отъ души, что этотъ великій знатокъ и яркій живописецъ народнаго быта вообще и солдатскаго въ частности явится наконецъ передъ публикой, такъ сказать, во весь ростъ. До сихъ поръ, раздробленый въ пятачковыхъ народныхъ листовкахъ, онъ не шелъ далѣе каморки денщика и школьной солдатской скамьи, и мѣсто А. Ѳ. среди художниковъ русскаго слова было далеко не выяснено. Достойному увѣн-

чанію этого оригинальнаго писателя, очевидно, наступаетъ нынѣ справедливая, хотя и нѣсколько поздняя очередь... Объемистый томъ (около сорока печатныхъ листовъ), лежащій передъ нами, не оставляетъ желать ничего лучшаго въ отношеніи бумаги, шрифта и изящества. Но самая біографія автора оставляетъ досадное впечатлѣніе своей хроникерской бѣглостью и фактической скудостью и не особенно много прибавляетъ къ замѣткѣ „неспособнаго человѣка“ изъ Словаря Березина. Изъ нея мы узнаемъ, что А. Ѳ. Погосскій родился въ 1816 году въ Полоцкѣ и происходитъ изъ дворянъ Витебской губерніи; что шести лѣтъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, въ богатый аристократическій домъ Марковыхъ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе, поступивъ въ высшее училище (нынѣ вторая гимназія); что въ 1831 году Погоскій, тогда шестнадцатилѣтній юноша, долженъ былъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ выйти изъ училища, не окончивъ курса, и поступить рядовымъ въ одинъ изъ финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ... Но, какъ говорится, нѣтъ худа безъ добра,—и Погосскій вышелъ изъ тогдашней суровой солдатской школы, какъ нѣкогда Достоевскій изъ каторги, съ несокрушимой вѣрой въ русскій народъ, съ беззавѣтной любовью къ русскому солдату и глубокимъ знаніемъ народной жизни и солдатскаго быта. Узнаемъ, между прочимъ, о трогательной благосклонности, съ которой отнесся къ его трудамъ импе-

раторъ Александръ II, матеріальной поддержкѣ котораго и нравственному одобренію обязанъ онъ своей дальнѣйшей обширной народной дѣятельностью. Узнаемъ также, что А. Ѳ. умеръ въ Петербургѣ, скоропостижно, въ кругу своей семьи, но гдѣ схороненъ, объ этомъ интересномъ обстоятельствѣ въ біографіи почему-то умалчивается (догадаться же, что коренной русскій писатель похороненъ на нѣмецкомъ Волковомъ кладбищѣ вмѣстимо, полагаю, не всякому). Также приходится догадываться между строкъ о нуждѣ, изъ которой приходилось выбиваться А. Ѳ., о великомъ душевномъ переломѣ, разбудившемъ его талантъ народнаго писателя, и о многихъ интересныхъ подробностяхъ его кипучей дѣятельности въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (А. Ѳ., какъ извѣстно, принадлежитъ иниціатива такъ называемыхъ воскресныхъ школъ и нагляднаго обученія въ войскахъ). Объ одной очень важной сторонѣ его дѣятельности „въ сферѣ народнаго театра“ даже вовсе не упомянуто. А между тѣмъ А. Ѳ. Погосскій—*второй*, послѣ извѣстнаго Владиміра Лукина, который подалъ громко свой голосъ въ шестидесятыхъ годахъ въ защиту народнаго театра. Въ то время это была огромная заслуга, и энергическій толчекъ, данный Погосскимъ дѣлу народнаго театра, неминуемо отразился на возрожденіи этого самаго театра въ восьмидесятыхъ годахъ. Но, какъ это часто бываетъ, за обильной жатвой всѣ забыли главнаго сѣятеля и, просматри-

вая за послѣдніе годы репертуары народныхъ театровъ, я ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтилъ имени Погосскаго. А вѣдь имъ, кстати сказать, написано цѣлыхъ пять пьесъ спеціально для народнаго театра!..

Драматическіе успѣхи Погосскаго принадлежатъ главнымъ образомъ Александринскому театру. Въ 1861 году на сценѣ этого театра появилась первая пьеса Погосскаго: „Чему быть, тому не миновать“ (или „Не по носу табакъ“), народное представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. Пьесу эту въ настоящее время можно отнести смѣло къ циклу „историческихъ“ пьесъ, ибо первыя четыре дѣйствія всецѣло относятся къ эпохѣ севастопольской войны, а послѣднее трогательно обвѣяно радостнымъ предчувствіемъ приближающагося великаго событія „19-го февраля“. Въ этомъ дѣйствіи является, между прочимъ, символическій благодѣтельный помѣщикъ Александръ Николаевичъ, который даетъ вольную своему селу „Боярскія Нивки“, превращая его въ „Вольныя Нивки“.

Пьеса, вдобавокъ, заключается очень трогательной пѣсенкой крестьянской дѣвушки, получившей волю и, въ придачу жениха, давнишняго своего возлюбленнаго, благополучно вернувшагося съ Севастопольскихъ бастіоновъ:

„Русь родная!—Не одна-ль
Наша долюшка?
Сгинь-же горе и печаль—
Здравствуй волюшка!

Пусть что было, то пройдетъ
Позабудется,
И быльемъ позаростетъ—
Не пробудится!

Свѣтлой рѣчкой пусть течетъ
Жизнь привольная—
Здравствуй весь честной народъ,
Люди вольные!!..

Вторая пьеса—трехъактная драма съ прологомъ и эпилогомъ „Легкая надбавка", представленная на Александринской сценѣ въ 1862 году, хотя и считаетъ на своихъ плечахъ около сорока лѣтъ, но по своему сюжету, трактующему вопросъ о квартирной надбавкѣ на бѣдныхъ людей, могла бы произвести особенный эффектъ и въ наше время. Фигура идеальнаго дворника Ивана Миронова, жертвующаго собой ради бѣдной вдовы писателя, живущей въ подвалѣ и поставленной въ безвыходное положеніе вслѣдствіе подобной надбавки, должна показаться нынѣ особенно поучительной. Пьеса была очень хорошо исполнена, принимая во вниманіе, что заглавную роль идеальнаго дворника игралъ В. В. Самойловъ, непризнаннаго поэта Пернатова игралъ Павелъ Васильевъ, роль свахи Лядухиной играла знаменитая Линская, а роль жестокаго управляющаго изъ нѣмецкихъ жидковъ игралъ небезъизвѣстный Зубровъ.—Но особенно громкій успѣхъ имѣла пятиактная комедія А. Ѳ. „Неспособный человѣкъ", появившаяся на тѣхъ же под-

мосткахъ спустя десять лѣтъ и передѣланная изъ извѣстной повѣсти того же названія. Павелъ Васильевъ роль косолапаго Флегонта Безпалаго возвелъ въ перлъ созданія и мѣстами заставлялъ плакать весь театръ. Къ помянутымъ тремъ пьесамъ слѣдуетъ сдѣлать одно общее замѣчаніе: дѣйствующія лица, взятыя изъ образованныхъ классовъ, куда значительно блѣднѣе у А. Ѳ. дѣйствующихъ лицъ изъ народа: тогда какъ въ обрисовкѣ первыхъ чувствуется нѣкоторая искусственность, фигуры взятыя изъ народа прямо живутъ на сценѣ—видно сейчасъ, что въ этой сферѣ авторъ полный хозяинъ! Двѣ другія пьесы Погосскаго: четырехъактная „Дѣдушка домовой“ и двухъактная „Жаренный Гвоздь“ принадлежатъ къ разряду расвеселыхъ народныхъ шутокъ и блещутъ заразительнымъ, чисто народнымъ юморомъ.

Если А. Ѳ., какъ драматургу, можно поставить въ упрекъ нѣкоторую наивность постройки пьесы и преувеличенность въ комическихъ пріемахъ,— преувеличенность, просвѣчивающую иногда въ самыхъ фамиліяхъ дѣйствующихъ лицъ, то всѣ эти недостатки сторицею искупаются глубокимъ чувствомъ въ драматическихъ мѣстахъ и яркимъ юморомъ въ сценахъ комическихъ. Не говоря уже о главномъ достоиствѣ пьесъ Погосскаго — живомъ народномъ языкѣ, которымъ онѣ написаны: пересыпанныя множествомъ поговорокъ и пословицъ, оживленныя мѣстами вставкой народныхъ пѣсенъ

и шуточныхъ куплетовъ, онѣ въ этомъ отношеніи остаются, такъ сказать, внѣ конкурса.

Это, однако, не обезпечило Погосскаго отъ обвиненій въ сантиментальности и, главнымъ образомъ, въ цинизмѣ—обвиненій, какъ и всегда бываетъ, идущихъ отъ людей менѣе всего способныхъ понять народъ. Такъ, напримѣръ, еще не такъ давно харьковскія учительницы, соорудившія толстый педогогически-дамскій сборникъ „Что читать народу“, прямо вычеркнули изъ своего списка всѣ драматическія произведенія Погосскаго, а его развеселыя народныя шутки совсѣмъ по-дамски заклеймили именемъ „грязныхъ и циничныхъ“. По этому поводу какъ и по поводу народнаго юмора вообще, не лишне припомнить слова Пушкина о Раблэ, высказанныя имъ въ одной изъ бесѣдъ съ А. О. Смирновой: „Когда въ XVIII вѣкѣ французскій умъ дошелъ до своего высшаго разцвѣта, онъ началъ вышучивать,— тонко замѣчаетъ Пушкинъ,—а въ этомъ нѣтъ ничего народнаго, такъ какъ народъ никогда не вышучиваетъ; Раблэ не вышучиваетъ, а шутитъ его неприличныя выраженія не развратны, а только грубы, какъ и всѣ народныя шутки“. И далѣе замѣчаетъ: „У народа есть своя литература или трогательная или грубая, часто сатирическая и даже юмористическая. Трудно писать для народа и чтобы не быть ни грубымъ, ни скучнымъ“... Что до меня, то, признаться, никакъ не пойму, почему „Жареный гвоздь“ и „Дѣдушка Домовой“ Погосскаго

вреднѣе для народнаго воспріятія сердечной канители „Лакомаго кусочка“ Виктора Крылова и кордебалетныхъ эволюцій изъ оперъ „Джіоконда“, столь усиленно поощряемыхъ дирекціей народныхъ театровъ Спб. попечительства... И развѣ это не иронія въ самомъ дѣлѣ — обойти въ репертуарѣ именно того, безкорыстному содѣйствію котораго этотъ театръ обазанъ своимъ возникновеніемъ?!

Съ грустью навѣстилъ я на-дняхъ могилу Александра Ѳомича на Волковомъ нѣмецкомъ кладбищѣ. Положимъ, украшена она красивымъ бѣломраморнымъ памятникомъ, но за то вокругъ—слѣды полнѣйшаго запустѣнія и заброшенности... Внизу, подъ крестомъ начертано четырехстишіе, очень вѣрно характеризующее личность покойнаго А. Ѳ.:

„Друзья, могила здѣсь сокрыла,
Того, чье имя не умретъ,
Того, чье сердце такъ любило
Солдата и простой народъ“.

И стоя у могилы Погоскаго, мнѣ невольно подумалось: неужели двадцатипятилѣтіе со дня кончины А. Ѳ., этого главнаго пробудителя въ жизни вопроса о народномъ театрѣ, пройдетъ для народнаго театра такъ же глухо, какъ прошло оскорбительно-безслѣдно не такъ давно столѣтіе со дня смерти „перваго запѣвалы“ этого вопроса—драматурга Владиміра Игнатьевича Лукина??

Напомнимъ кстати ревнителямъ народнаго театра, что могила послѣдняго находится на Старо-

Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, наискось отъ могилы Фонвизина, рядомъ съ мѣстомъ упокоенія фамиліи нѣкоего камеръ-юнкера Бека. Плита надъ могилой Лукина совсѣмъ почернѣла и поросла мхомъ, такъ что самое имя разбирается съ большимъ трудомъ, а начертанную сбоку гробницы эпитафію совсѣмъ нельзя разобрать; но еще три года назадъ она читалась отчетливо и я тогда же ее записалъ: „Я умеръ, здѣсь мой скрытъ во гробѣ прахъ, я духомъ живъ и буду жить у искреннихъ друзей въ сердцахъ“.

Спб. Августъ 1899 г.

Народныя гулянья въ Москвѣ.

Мнѣ случилось провести конецъ масляной недѣли въ г. Москвѣ... Масляная—это, какъ извѣстно, самое развеселое время на Руси, когда послѣднiй глухой городишко, худо или хорошо, а сумѣетъ вымудрить себѣ на роздыхъ и потѣху какое-нибудь чудное зрѣлище и дешевое увеселенiе. Уже кому бы, казалось, какъ не Москвѣ-матушкѣ, столь широко чествующей госпожу-масляницу, пристало заткнуть за поясъ по сей народно-увеселительной части не только уѣздные городишки, но и самый Петербургъ!.. И что же оказывается? Въ итогѣ, всего на всего два народныя гулянья... одно на Дѣвичьемъ полѣ, другое въ Городскомъ манежѣ!!.

Первымъ дѣломъ нанимаю извозчика подъ балаганы на Дѣвичье поле. Извозчикъ заламываетъ сначала прямо невѣроятную цѣну. Разумѣется, я протестую. Въ отвѣтъ онъ дѣлаетъ масляные глаза и съ апетитомъ причмокивая, точно послѣ пропущеннаго жирнаго блина, умиленно протягиваетъ:

— Помилуйте, господинъ... маасляная!!.

Впрочемъ, несмотря на масляные глаза, онъ незамедлительно съѣзжаетъ съ цѣлковаго на пол-

тинникъ, и мы двигаемся. Ѣзды отъ центра много-много четверть часа—а какая вдругъ разительная перемѣна декораціи? Послѣ бьющихъ въ носъ блеска и роскоши Кузнецкаго моста и Тверской, вы сразу точно попадаете въ далекое провинціальное захолустье. Первое, что вамъ бросается въ глаза, при въѣздѣ на Дѣвичье поле — это чисто народный фонъ гулянья, начиная съ состязанія въ „выѣздахъ“ на главной аллеѣ. Еще не такъ давно вся московская знать и именитое купечество дѣлали честь этому традиціонному состязанію и щеголяли другъ передъ другомъ красотою коней и богатствомъ упряжи. Теперь не то. „Собственники“, и то средняго достатка, попадаются какъ исключеніе — въ большинствѣ все наемное, причемъ никакого стѣсненія въ выдержкѣ стиля: начиная съ затѣйливо убранныхъ троекъ и саней самоновѣйшаго фасона, попадаются образчики чисто до-Петровской Руси, до самыхъ безцеремонныхъ деревенскихъ розвальней съ рогожными мѣшками для сидѣнья... Эти раздольныя розвальни чуть ли не главное удовольствіе господъ москвичей во время масляницы, удовольствіе возмѣщенное, какъ извѣстно, для петербуржцевъ мизерными чухонскими корытами съ глухонѣмыми вейками. Эти розвальни, зачастую переполненныя наиблагороднѣйшими кавалерами и дѣвицами, попадаются въ изобиліи не только за городомъ, въ Замоскворѣчьи и Грузинахъ, но не рѣдкость, если такая веселая „розваль-

ная компанія“, съ гикомъ, пѣснями и гармоніей проносится вихремъ по Кузнецкому мосту и Тверской.

Самые московскіе балаганы—недалекій сколокъ съ картины ярмарки уѣзднаго городка или большого торговаго села. Очень шумно, очень бѣдно и грязно, но въ общемъ, благодаря неизсякающей веселости простого сѣраго человѣка, довольно весело. А сѣраго человѣка, замасленныхъ картузовъ и бабьихъ платковъ, здѣсь, слава Богу, хоть отбавляй! Спрашивается, чѣмъ же угощаютъ эту многотысячную, жадную до зрѣлищъ, впечатлительную, какъ ребенокъ, толпу? Угощеніе, признаться, самое невзыскательное. Карусель, американскія горы, палатки съ пряниками и орѣхами и, какъ высшій предѣлъ масляничнаго счастья, съ полдюжины сколоченныхъ на живую руку балагановъ. Цѣны мѣстамъ отъ полтинника до пятака, причемъ вывѣски на балаганахъ самыя кричащія и манящія, а помощники директоровъ театровъ въ бараньихъ шапкахъ и порваныхъ армякахъ все время оглушительно звонятъ въ директорскій колокольчикъ и не жалѣютъ глотки, благо она у нихъ всегда смочена. Но горе тому легковѣрному, который повѣритъ балаганной рекламѣ и заплатитъ за мѣсто болѣе пятака. Директора театровъ, въ своей, директорской алчности, перешли здѣсь всякій предѣлъ и, въ погонѣ за сборомъ, къ концу масляницы сокращаютъ размѣръ каждаго представленія до рѣшитель-

наго неприличія... въ иныхъ балаганахъ чуть не до десяти минутъ... Только зритель усѣлся или установился на мѣстѣ, не успѣлъ какъ слѣдуетъ высморкаться и разобрать въ чемъ дѣло—глядишь... апоѳеозъ съ „полногрудой Россіей“ и бенгальскимъ огнемъ, оркестръ гудитъ „Славься“ и малышъ съ остриженной ежомъ головой въ шелковой рубашкѣ уже отхватываетъ, въ заключеніе, трепака. А такъ какъ русскіе пѣсенники и трепакъ неизмѣнно, съ поконъ вѣка, умиляютъ русскую душу, то этотъ нумеръ ставится всегда подъ конецъ и публика, безцеремонно переругивающаяся въ началѣ представленія, подъ конецъ расходится съ легкимъ сердцемъ. Московскій сѣрый человѣкъ — еще не избалованный, какъ петербургскій, роскошью обстановки народныхъ театровъ попечительства, — выходя только чешетъ благодушно затылокъ, дескать: „Ну, ихъ... за пятакъ и на томъ спасибо!“ — и идетъ глазѣть на допотопную карусель съ визгливой шарманкой и игрушечными лошадками.

Попадаю, сначала, въ самый маленькій балаганъ-палатку: „Театръ маріонетокъ“, съ Петромъ Ивановичемъ Уксусовымъ во главѣ труппы. Увы! все это тоже, что уже сотни разъ видано и перевидано на сельскихъ ярмаркахъ, — вдобавокъ, московскій Петрушка не только совершенно охрипъ на масляницѣ, но и совершенно обеззубѣлъ, растерявъ всѣ свои злыя и остроумныя словечки. А подумаешь, было время, когда онъ одинъ рѣзалъ правду въ

глаза изъ за своей картонной ширмочки, не взирая ни на какія вѣянія времени!!

Рядомъ, балаганъ довольно внушительныхъ размѣровъ — здѣсь собираетъ толпу публики „Война англичанъ съ бурами“, главнымъ образомъ благодаря пестрымъ картинамъ, развѣшаннымъ снаружи балагана, причемъ одна изъ нихъ, наиболѣе эффектная, изображаетъ „Переходъ Девета черезъ реку“ (ореографія подлинника). Въ дѣйствительности же, не только не имѣется никакой рѣки, но даже никакого смысла и все сводится къ довольно безпорядочной уличной дракѣ между парнями, одѣтыми въ красныя и сѣрыя куртки, причемъ финалъ драмы и посрамленіе красныхъ куртокъ освѣщается бенгальскимъ огнемъ. Но такъ какъ вся война англичанъ съ бурами длится не болѣе десяти минутъ, то представленіе въ общемъ не лишено сатирической подкладки!..

Въ слѣдующемъ балаганѣ, опять война — „Русскихъ съ Китайцами“—финалъ тотъ же: при бенгальскомъ посрамленіи на этотъ разъ желтыхъ китайскихъ куртокъ; но въ представленіе вплетена комическая роль деньщика, сопровождающаго своего барина въ Китай, исполнитель которой за свои солдатскія остроты вызываетъ бурю аплодисментовъ въ галеркѣ.

Что происходитъ въ четвертомъ балаганѣ, носящемъ завлекательную кличку „Фантазіи“— я не видѣлъ, благодаря завидной фантазіи архитектора,

соорудившаго балаганъ. Сооруженіе, надо отдать справедливость, не лишено доли остроумія, такъ какъ съ боковыхъ „дорогихъ“ мѣстъ, куда я запопалъ, ровно ничего не видно и зрѣлище доступно исключительно демократическому элементу, заполняющему покатый ящикъ передъ сценой. Насколько я могъ замѣтить, планъ петербургскихъ народныхъ театровъ разсчитанъ совершенно обратно: съ снисхожденіемъ къ столичной интеллигенціи, помѣщающейся въ серединѣ, и огорченіемъ для народа, глазѣющаго по бокамъ.

Уфъ, остается еще два балагана!.. Въ одномъ изъ нихъ анонсы сулили показать публикѣ „Переходъ Наполеона черезъ Березину“, но вмѣсто этого, кромѣ пѣсенниковъ и трепака, показали армянина, жонглирующаго зонтиками и стеариновыми свѣчами, дѣвицу отъ Омона, танцующую въ короткой юбкѣ международный танецъ, и толстую чухонку, держащую зубами дѣтскую люльку — упрощенный способъ укачиванія ребенка, лишеннаго материнской ласки. Но самое интересное обстоятельство заключалось для меня не на сценѣ, а подъ сценой, подъ досчатымъ поломъ коей, на мѣстѣ суфлерской будки, топилась все время желѣзная печка, которую музыканты оркестра въ антрактахъ со спокойной совѣстью усиленно раздували, грѣя себѣ ноги и руки. Воистину велики московскіе угодники, сохраняющіе въ цѣлости народные московскіе те-

атры при такомъ оригинальномъ противопожарномъ устройствѣ!..

Другой народный театръ, украшенный при входѣ елками—старый знакомый по имени: „Скоморохъ“ Черепанова... Къ прискорбію, только по имени!.. Внутри то же безобразіе, что и въ остальныхъ, т. е. представляется пьеса изъ русской исторіи на протяженіи 12 минутъ, причемъ историческій смыслъ такъ же трудно уловить, какъ въ большинствѣ педагогическихъ учебниковъ по отечествовѣдѣнію. Суть, по обыкновенію, не въ началѣ пьесы, а въ концѣ, т. е. бенгальскомъ огнѣ и трепакѣ.

Признаюсь, мнѣ было очень больно увидѣть на вывѣскѣ фамилію Черепанова, того самаго Черепанова, который какихъ-нибудь шесть лѣтъ тому назадъ далъ Москвѣ подобіе настоящаго народнаго театра въ своемъ размашистомъ „Скоморохѣ“ на Срѣтенкѣ — гдѣ отлично шелъ Гоголь и Мольеръ, и удивительно жизненно, въ присутствіи самого автора, была поставлена „Власть тьмы“. Кажется, давно ли все это было — и отъ всего этого осталось одно прекрасное воспоминаніе!.. Какъ первый народный театръ на Варваркѣ былъ варварски сломанъ, такой-же точно участи подвергся и „второй“, на Срѣтенкѣ, и на мѣстѣ его нынѣ высится грандіозное зданіе Сѣвернаго страхового общества, умиляющее сердца москвичей. Съ своей стороны, я нахожу въ переднемъ фасадѣ этого великолѣпнаго зданія нѣкоторый неблагодарный пробѣлъ, т. е. нѣтъ доски,

на которой значилось бы: „что на семъ мѣстѣ былъ нѣкогда Московскій народный театръ, сломанный въ такомъ-то году“. Досадно и обидно, что городская дума во-время не догадалась оберечь излюбленное московскимъ сѣрымъ людомъ мѣсто и готовый народный театръ. Точно театръ не своего рода страховая статья, страхующая обывательскіе нравы отъ алкогольнаго и иного пагубнаго огня!.. Что до дѣятельности московскаго попечительства трезвости, то она только въ зачаткѣ, а пока что—милліонное населеніе Москвы остается безъ народнаго театра. (Въ томъ числѣ полмилліона безграмотнаго!).

Посмотримъ, однако, что даетъ московской праздничной толпѣ народное гулянье, устроенное въ центрѣ города, въ городскомъ манежѣ? Ахъ, лучше бы не смотрѣть! Для петербуржца, набалованнаго дешевыми народными гуляньями— это нѣчто рѣшительно возмутительное съ экономической точки зрѣнія... Убранство манежа довольно таки безвкусное:—по стѣнамъ увеличенныя копіи съ каррикатуръ Будильника, „Journal Amusant“, иллюстрацій „Родины“ и „Вокругъ свѣта“. Но на открытой сценѣ почти непрерывные и самые разнообразные нумера отъ балалаечниковъ и пѣсенниковъ до куплетистовъ и атлетовъ включительно. Въ концѣ обширнаго манежа устроена, вдобавокъ, цирковая арена и дѣйствуетъ очень недурной циркъ.

Что же въ такомъ случаѣ дурно? Цѣны—невѣ-

роятныя, чисто грабительскія для народнаго гулянья!.. Не угодно-ли? За входъ въ манежъ вечеромъ 1 р. 10 к., за храненіе платья (а въ манежѣ, какъ нарочно, тропическая жара) 20 к., за мѣсто въ циркѣ—особая плата, во второмъ ряду стульевъ, напримѣръ, 1 р. 70 к. Афиша гулянья 20. — Вотъ вамъ самымъ скромнымъ образомъ, для одинокаго человѣка, 3 р. 20 к.; а тутъ еще на соблазнъ простодушнаго человѣка съ полдюжины палатокъ безпроигрышной лотереи съ билетами отъ 3 р. до 20 к. И многіе изъ простого люда, очень многіе всѣмъ этимъ соблазняются. При мнѣ, одинъ мужикъ сильно раскошелился и выигралъ, на радость своей мужицкой семьи, вѣеръ, флаконъ духовъ и фотографію синьоры Кавальери. Въ общемъ, многосемейному человѣку, собирающемуся на „народное гулянье“ въ манежъ, нельзя имѣть въ карманѣ менѣе четвертной. Не возмутительно ли это все въ самомъ дѣлѣ?!..

Тѣмъ не менѣе, я заглянулъ въ городской манежъ въ самый послѣдній день масляницы, чтобы посмотрѣть „грандіозное каррикатурное шествіе: Обозрѣніе Москвы въ лицахъ“, въ надеждѣ уловить проблескъ нѣкоторой сатиры. Шествіе было, правда, очень длинное, но сатира очень невысокой пробы. Тутъ былъ и „пожарный съ кумой“, оба изрядно подвыпившіе, и художники-декаденты съ дикими физіономіями и таковыми-же картинами на высокихъ шестахъ, и даже „ассенизаціонныя бочки“,

къ счастью, безъ запаха. Сатира, напримѣръ, на московскія „дешевыя бани“ изображена такъ: идетъ толпа простого люда, набраннаго тутъ же изъ зрителей, съ узелками въ рукахъ и съ носами вымазанными сажей; а каррикатура на „извозчика-лихача“ еще проще: взятый съ улицы, первый попавшійся оборванный ванька, ѣхалъ по манежу, умиленно ухмыляясь и видимо недоумѣвая, за что ему апплодируютъ и освѣщаютъ бенгальскимъ огнемъ.

Вотъ и вся недолга. Но зрителей, самыхъ разношерстныхъ, толпа несмѣтная, и гвалта и смѣха вполнѣ достаточно.

Въ понедѣльникъ физіономія Москвы рѣзко мѣняется — у Москворѣцкаго моста открывается, на радость великопостниковъ и великопостницъ, „грибной рынокъ“, и колокола гудятъ надъ Москвой-рѣкой протяжно и уныло...

Впрочемъ, возвращаясь въ тотъ-же день, вечеромъ, въ гостинницу, меня нагнала на мосту компанія какихъ-то необузданныхъ саврасовъ, мчащаяся во весь духъ съ отчаяннымъ гиканьемъ и присвистомъ.

— Это Москва, послѣ масляницы, глотку себѣ полощетъ!!. пояснилъ мнѣ вразумительно возница.

Москва, Февраль 1892 г.

Загадки петербургскаго народнаго театра.

I.

Возникновеніе попечительствъ о народной трезвости, тѣсно и нѣсколько иронически связанное съ повсемѣстнымъ введеніемъ „питейной монополіи“,— составляетъ до извѣстной степени „эпоху“ въ исторіи народной сцены. Болѣе энергическаго толчка для развитія дѣла народнаго театра трудно было ожидать! Нынѣ благотворная дѣятельность попечительствъ благополучно переживаетъ второе пятилѣтіе, и этотъ начальный молодой періодъ даетъ возможность остановиться на одномъ изъ наиболѣе слабыхъ пунктовъ разнообразной „попечительной программы“—на вопросѣ о народномъ театрѣ... Довольно, впрочемъ, понятно, почему этотъ именно пунктъ является наиболѣе слабымъ. Всѣ остальныя гуманитарныя и просвѣтительныя предпріятія попечительствъ о народной трезвости — какъ-то: чайныя и столовыя, ночлежные дома и постоялые дворы, народныя чтенія и библіотеки, книжные склады и воскресныя школы, помощь юридическая и медицинская - предпріятія, разумѣется, въ высокой степени почтенныя, но имѣющія, однако, передъ

собой не мало одинаково высокопочтеннѣйшихъ примѣровъ; тогда какъ дѣло народнаго театра является дѣломъ почти новымъ и дѣломъ, вдобавокъ, крайне своеобразнымъ и тонко-сложнымъ, требующимъ въ распоряженіе представителей попечительства, кромѣ отпуска казенныхъ суммъ, отпуска „свыше", т. е. дара творчества. Безъ этого, такъ сказать, „сверхсмѣтнаго отпуска", огромное и благодѣтельное дѣло народнаго театра будетъ осуждено испытать жребій большинства россійскихъ народолюбивыхъ предпріятій, т. е. омертвѣть на точкѣ лжи и рутины. Такъ оно и случилось, какъ это мы видимъ на примѣрѣ театральной дѣятельности с.-петербургскаго городского попечительства... Все на свѣтѣ имѣетъ свой чередъ, и послѣ вполнѣ естественныхъ горячихъ благопожеланій, сопровождавшихъ открытіе перваго народнаго театра с.-петербургскаго попечительства, — является равно законный чередъ для хладнокровной критики...

И критика эта, къ сожалѣнію, далеко не въ пользу петербургскихъ народныхъ театровъ попечительства!..

Критика эта, впрочемъ, относится, главным образомъ, къ внутренней сторонѣ дѣятельности, отнюдь не къ внѣшней. „Внѣшне" дѣло народнаг театра, благодаря щедрымъ казеннымъ дачам поставлено на очень широкую ногу и отъ богаты декорацій и роскошныхъ костюмовъ до стекл

ныхъ кухонь съ женской прислугой въ кокетливыхъ чепчикахъ, скорѣе оставляетъ желать меньшаго, чѣмъ большаго. Словомъ, все, что, такъ сказать, находится „около“ народнаго театра, ласкаетъ зрѣніе и возбуждаетъ аппетитъ. Но зато съ самимъ народнымъ театромъ произошло на нашихъ глазахъ нѣчто до нельзя странное: вопреки всякимъ законамъ естества, его построили... *безъ фундамента!!.*

Это одна изъ первыхъ наиболѣе мудреныхъ загадокъ петербургскаго народнаго театра... И, на самомъ дѣлѣ, развѣ это не такъ? Фундаментъ всякаго мало мальски порядочнаго театра — есть его репертуаръ и, безъ основного, заблаговременно надуманнаго репертуара, ни одинъ порядочный антрепренеръ не рѣшится открыть сезонъ, какъ ни скудна была бы костюмная и декоративная обстановка. Здѣсь же вышла совсѣмъ обратная исторія... Между прочимъ, прежде всего, озаботились формированіемъ балета и иной международной суеты, а формированіе народнаго репертуара, за хозяйственнымъ и строительнымъ недосугомъ, было отложено въ долгій ящикъ и—судя по пятилѣтнему опыту — очень даже долгій!.. На практикѣ же, на открытыхъ и закрытыхъ сценахъ, велся такъ называемый общедоступный репертуаръ, т. е. репертуаръ, лишенный всякой новизны и характерности, репертуаръ совсѣмъ случайный и, въ большинствѣ, весьма сомнительной народной марки. Но мнѣ уже не разъ приходилось говорить о безцеремонномъ

смѣшенiи этихъ двухъ понятiй, т. е. понятiй о народности и общедоступности.

Пять лѣтъ тьму назадъ, въ самый разгаръ народно-театральной дѣятельности с.-петербургскаго попечительства я писалъ: „Никто никакъ не хочетъ понять, что вопросъ объ общедоступности—вопросъ прямо матерiальный и до извѣстной степени механическiй; тогда какъ понятiе о народности—понятiе чисто эстетическое и нѣкоторымъ образомъ даже политическое. Пушкинъ, напримѣръ, былъ и есть народенъ, но сталъ общедоступенъ лишь тогда, когда его сочиненiя пустили по дешевой цѣнѣ; а вотъ сочиненiя Боборыкина, будучи приложены къ „Нивѣ", хотя и стали общедоступными, но народными, однако, отъ этого не сдѣлались... Все дѣло, значитъ, выходитъ въ духѣ и содержанiи, а не въ пониженiи или повышенiи курса, т. е. вся суть здѣсь не въ цифрѣ, а въ репертуарѣ".

Главное возраженiе, которое намъ обыкновенно ставили на видъ по этому поводу, а именно — что дѣло народнаго репертуара дѣло слишкомъ копотливое, требующее для своего прочнаго основанiя слишкомъ много досуга, коего не имѣется у театральныхъ заправилъ попечительства, всецѣло поглощенныхъ дѣломъ сценической практики и канцелярской переписки—возраженiе, на нашъ взглядъ, довольно легкомысленнаго свойства!..

Является, въ свою очередь, другое болѣе вѣское, простое возраженiе: для чего же, спрашивается,

было тогда торопиться постройкой народнаго театра, разъ матеріалъ для его фундамента до сихъ поръ остается въ сторонѣ, разрозненный и не разработанный?? Скажутъ на это: легкое ли дѣло было перебрать и собрать такой огромный, хотя и богатый матеріалъ — да вѣдь это трудъ не нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а нѣсколькихъ лѣтъ; вдобавокъ, трудъ, требующій глубокой вдумчивости, тонкой осмотрительности, наконецъ, человѣка, прошедшаго въ жизни хитрую науку „народовѣдѣнія“,—словомъ въ своемъ родѣ спеціалиста...

Такъ что жъ изъ этого? И не одного, а трехъ-четырехъ спеціалистовъ слѣдовало вызвать, прежде, чѣмъ отдаться такому отвѣтственному начинанію! Удивительная вещь, въ самомъ дѣлѣ: когда приходится строить мостъ, корабль, фабрику, никому, конечно, въ голову не придетъ произвести такія сложныя махинаціи безъ посредства свѣдущихъ людей; а вотъ коснулось дѣло народнаго театра—предпріятія, особенно чреватаго зловредными послѣдствіями и моральной отвѣтственностью,—глядишь, все оборудовалось чисто по-любительски, точно дѣло шло о благотворительномъ спектаклѣ для глухонѣмыхъ... А, между тѣмъ, дѣло шло не болѣе не менѣе какъ о созданіи новаго просвѣтительнаго очага для многомилліонной массы русскаго народа,—народа, лишь недавно пробудившагося къ сознательной жизни, народа бѣднаго и неизбалованнаго, ненасытно пытливаго и дѣтски вне-

чатлительнаго. Тутъ надо было какъ разъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и нащупать, прежде всего, настоящій „ключъ“ къ репертуару народнаго театра, т. е. создать такой основной народно-театральный каталогъ, который бы послужилъ вѣрнымъ подспорьемъ для размножающихся по лицу земли русской народныхъ театровъ...

Вообще, странную роль, надо признаться, сыграли гг. литераторы, такъ или иначе послужившіе дѣлу возрожденія народнаго театра: они оказались вовсе лишними на его обильномъ и веселомъ пиру! Повторилась какъ бы въ миніатюрѣ исторія Колумба. Люди, ратовавшіе ранѣе всѣхъ и болѣе всѣхъ за народный театръ и проторившіе къ нему новые пути, очутились въ самый рѣшительный моментъ въ сторонѣ и не у дѣлъ, осужденные молча созерцать какъ ихъ любимое дѣтище безтолково пеленалось, уродовалось по чуждому образцу и постепенно развращалось...

Но если неудобно распространяться о живыхъ дѣятеляхъ, то нельзя не отмѣтить невниманія и неблагодарности, съ которымъ относится подчасъ театральная дирекція попечительства къ памяти умершихъ писателей... Такъ, года три тому назадъ двадцатипятилѣтіе со дня кончины извѣстнаго народнаго писателя, народнаго драматурга и ревностнаго поборника народнаго театра Александра Ѳомича Погосскаго прошло для народныхъ театровъ с-.петербургскаго попечительства обидно безслѣдно,

точно А. Ѳ. былъ не тотъ именно замѣчательный человѣкъ, коимъ въ шестидесятыхъ годахъ дѣлу народнаго театра данъ былъ наиболѣе энергическій толчокъ. Вотъ и извольте послѣ этого служить на Руси стойко и безкорыстно какому-нибудь истинно живому дѣлу!!.

II.

Другой непостижимой загадкой для насъ всегда было—это непреоборимое стремленіе театральной дирекціи попечительства къ излишней роскоши и мишурному блеску въ сценической обстановкѣ въ ущербъ внутренней сторонѣ дѣла. Ни прямая цѣль народнаго театра, ни первобытность состава большинства публики, ни мало не оправдываютъ этого тщеславнаго розмаха...

На Западѣ, напримѣръ, всюду, гдѣ дѣлались попытки основанія народнаго театра, такой театръ ставился всегда въ исключительныя условія, въ смыслѣ простоты обстановки, не-рѣдко въ самыя первобытныя, въ зависимости отъ мѣста представленія и духа пьесы. Самый блестящій изъ нынѣ здравствующихъ французскихъ писателей и горячихъ сторонниковъ народнаго театра, Анатоль Франсъ по поводу представленія „Ифигеніи“ Расина передъ народной аудиторіей восторженно замѣчаетъ: „Народъ представляется несравненной публикой, обладающей особымъ достоинствомъ: умѣніемъ

слушать“. И что же? У насъ, какъ на грѣхъ, такую на диво жадную до слова публику пытаются всячески растлить, разжигая вкусъ къ блестящимъ шумнымъ зрѣлищамъ, тогда какъ, казалось бы, народный театръ долженъ дѣйствовать на эту „несравненную, умѣющую слушать публику“, главнымъ образомъ, посредствомъ живого слова, а не посредствомъ фонтана на сценѣ изъ живой воды или краснорѣчиваго безъ словъ несовершеннолѣтняго кордебалета. Рука объ руку съ Анатолемъ Франсомъ идетъ Морисъ Потешэ, авторъ весьма любопытной книги о народномъ театрѣ во Франціи, тоже ратующей за простоту и оригинальность обстановки народнаго театра...

Мы, съ своей стороны, идемъ еще дальше и останавливаемся съ особенной симпатіей на идеѣ московскаго профессора Герье, представившаго, какъ говорятъ, московской думѣ проектъ цѣлой сѣти „небольшихъ дешевыхъ народныхъ театриковъ“, разсчитанныхъ на рабочія московскія окраины... Это столько же смѣлый, сколько справедливый проектъ! Еще покойный поэтъ Плещеевъ, въ своихъ театральныхъ рецензіяхъ, не разъ высказывалъ мнѣніе, что пьесы Островскаго съ ихъ перлами русскаго языка болѣе выигрываютъ на небольшихъ клубныхъ сценахъ, чѣмъ на подмосткахъ Александринскаго театра. Что же сказать послѣ этого о грандіозныхъ, непомѣрно дорогихъ сооруженіяхъ с.-петербургскаго попечительства? Нѣтъ

ничего естественнѣе, что таковые блистательные грандіозные театры требуютъ, въ свою очередь, для своихъ отдаленныхъ подмостковъ наибольшее количество пестроты, блеска и треска и, разумѣется, въ такой обстановочной сферѣ пушечный выстрѣлъ и народная свалка являются куда болѣе любезными эффектами, чѣмъ живое мѣткое слово или звучный благородный стихъ.

Въ связи съ этой отличительной фальшью народнаго репертуара находится несомнѣнно другая сторона народныхъ увеселеній — представленія на открытыхъ сценахъ и дивертиссменты въ театральныхъ антрактахъ... Ихъ общій, за весьма рѣдкими исключеніями, пошловатый тонъ (рабская, хотя и облагороженная копія увеселительныхъ загородныхъ садовъ), ихъ лихорадочная непрерывность и безтолковое разнообразіе—все это, на нашъ взглядъ, совсѣмъ не у мѣста въ трезвенномъ народномъ учрежденіи; не говоря уже о томъ, насколько досадно охлаждающе отражается вся эта антрактная чепуха на сѣромъ и бѣломъ зрителѣ, искренне взволнованномъ представленіемъ пьесы закрытаго театра. Вспоминается, кстати, очень недавній спектакль въ Народномъ Домѣ Императора Николая II, спектакль достаточно лубочный, но все же сильно захватывавшій, благодаря появленію впервые на сценѣ фигуры Петра Великаго. Портили все дѣло антракты... На эстрадѣ, рядомъ съ залой, гдѣ развертывалась въ рядѣ картинъ геро-

*

ическая жизнь Петра Великаго, фигурировали, въ промежуткахъ патріотическихъ картинъ, испанцы и румыны, русскіе балалаечники во фракахъ и нѣмецъ съ электрическимъ носомъ съ толстой нѣмкой, отплясывавшіе какой-то загадочный народный танецъ, весьма похожій на канканъ; были даже ученыя собаки, причемъ собачья комедія пришлась какъ разъ послѣ глубоко волнующей картины Полтавскаго боя. Судите сами, какая благодать должна была получиться въ мозгу простонароднаго зрителя послѣ всей этой головокружительной смѣси!.. Помню, въ минувшую войну, мнѣ случилось обѣдать въ Тифлисѣ у одного богатаго армянина. Это было лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, и стояла невыносимая жара, вслѣдствіе чего послѣ каждаго обѣденнаго блюда подавалась порція мороженаго. Вотъ и театральные дивертиссменты с.-петербургскаго попечительства играютъ почти ту же предосудительную роль тифлисскаго мороженаго!..

Какъ ни странно покажется съ перваго раза, но новое недавнее украшеніе репертуара с.-петербургскихъ народныхъ театровъ — „оперу“ — мы считаемъ совершенно излишнимъ, безполезно дорогимъ придаткомъ. На нашъ взглядъ, весьма экономно и весьма благополучно можно было бы ограничиться хорами и народными концертами. Если даже такой глубокій знатокъ музыки, какъ Антонъ Рубинштейнъ, признавалъ оперу „второстепеннѣйшей и до извѣстной степени незаконнѣйшей формой ис-

кусства“, то спрашивается: во имя чего было вводить для демократической нетребовательной массы этотъ завѣдомо искусственный родъ, вдобавокъ со всею роскошью современной оперной обстановки?!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ попечительную сѣнь народнаго театра проникла и такъ называемая „новая музыка“, та самая томительно повѣствовательная музыка, что нѣкогда была особенно зло осмѣянъ Щедринымъ и которая до сихъ поръ составляета головоломную загадку даже для вполнѣ интеллигентнаго зрителя. Про народъ и говорить нечего. Б. Гринченко въ своей интереснѣйшей статьѣ „Народные спектакли“ справедливо замѣчаетъ: „уже одно то, что при пѣніи иногда довольно затруднительно разбирать слова, мѣшаетъ зрителямъ-крестьянамъ усвоить не только идею, но даже сюжетъ оперы... Въ селѣ Сидоровкѣ, Кіевской губерніи (Каневскаго уѣзда), поставлена была между прочимъ оперетка „Сватанни на Гончаривцы“ — вещь, казалось бы, наиболѣе подходящая къ народному пониманію; но простонародному зрителю самое опереточное пѣніе показалось крайне неестественнымъ, такъ какъ въ жизни никто разговоровъ не поетъ... Слышались отзывы вродѣ слѣдующаго:

— „Чудне якесь! Каже: дайте хлиба, и спивае. Хыба жъ люде спиваютъ размовляючы“! (Земскій Сборникъ Черниговской губерніи 1900 г. Январь)“.

Въ всякомъ случаѣ, нововведеніе это, требующее такихъ непомѣрныхъ затратъ и являющееся лишнимъ поводомъ къ блестящей обстановкѣ, рѣшительно преждевременно!..

Года два тому назадъ, Министръ Финансовъ С. Ю. Витте въ своей прекрасной рѣчи, обращенной къ предсѣдателямъ губернскихъ комитетовъ попечительства о народной трезвости, между прочимъ, усиленно подчеркнулъ, „что, развлекая и отвлекая народъ отъ пьянства, въ часы досуга, отнюдь не должно искусственно прививать народу потребности къ зрѣлищамъ, а также быть особенно осторожну въ выборѣ пьесъ для народнаго театра, имѣя въ виду исключительно простой народъ и отнюдь не смѣшивая народный театръ съ общедоступнымъ“.

Если эти глубоко вѣрныя слова прошли почему-либо безслѣдно для театральной дирекціи с.-петербургскаго попечительства,—то, надо надѣяться, въ нѣдрахъ коренной Россіи, въ провинціи, они найдутъ живой и благодарный отголосокъ!!.

III.

Не такъ давно на столбцахъ одной изъ столичныхъ газетъ появилась небольшая, но очень характерная статья, озаглавленная „Агонія балагана“, гдѣ съ видимымъ самодовольствомъ и зло-

радствомъ пѣлась „отходная“ русскому народному балагану... Ни самодовольства, ни злорадства автора мы не раздѣляемъ и не понимаемъ. Что, бывшій нѣкогда очагомъ русской потѣхи и веселія, народный балаганъ постепенно вымираетъ — это очевидно; и еще болѣе очевидно, что соединенными усиліями полиціи и гг. педагоговъ и трезвенниковъ онъ скоро окончательно заглохнетъ. Но слѣдуетъ ли этому обстоятельству радоваться — это еще вопросъ?...

Если, благодаря помянутой непрошенной усердной опекѣ, балаганъ, какъ народная потѣха, за послѣднее время значительно опошлился и обезличился, то еще изъ этого не слѣдуетъ, что онъ не исполнялъ исправно, въ свое время, свою исторически увеселительную миссію. Большинство народныхъ фарсовъ и шутокъ зародилось и вызрѣло именно подъ сѣнью балагана и затѣмъ уже перекочевало на сосѣдніе благородные подмостки. Мѣткая острота и народная шутка, героическая пьеса и причудливая феерія,—имѣютъ своей настоящей родиной русскій балаганъ!.. Сыгралъ ли послѣдній свою послѣднюю роль—судить было бы преждевременно и опрометчиво. Оттого, что живое тѣло связано по рукамъ и по ногамъ, еще далеко не значитъ, что это самое тѣло находится наканунѣ смерти!!.

Во Франціи и Италіи, напримѣръ, гдѣ театральное дѣло практикуется куда въ болѣе широкихъ

размѣрахъ, народные балаганы во всѣхъ видахъ продолжаютъ благополучно существовать на-ряду съ грандіозными привилегированными театрами. Тамъ отлично понимаютъ живой преемственный смыслъ такихъ свободныхъ народныхъ зрѣлищъ, и инстинктъ національной признательности ревниво оберегаетъ ихъ отъ всякой лицемѣрной опеки и искусственнаго давленія. Закрыть насильнически народный балаганъ, какъ очагъ народной веселости и импровизаціи, — это столько же предусмотрительно, какъ если бы заглушить родникъ живой воды, коимъ люди пользуются для большого колодца (кстати, характерная черта: нынѣшній, наиболѣе толковый и полезный распорядитель с.-петербургскихъ народныхъ театровъ, А. Я. Алексѣевъ — какъ разъ бывшій балаганщикъ по профессіи)!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ кіевскихъ казармахъ, пользовались особенною популярностью солдатскіе спектакли, устраиваемые подъ режиссерствомъ инженернаго капитана П. М. Плахова. Самъ большой театралъ и врагъ театральной рутины, онъ повелъ дѣло своего маленькаго народнаго театрика живо и весело. И результаты такого живого отношенія не замедлили сказаться: театрикъ породилъ двухъ замѣчательныхъ комиковъ импровизаторовъ, солдатъ четвертаго пѣхотнаго баталіона, Боровскаго и Гольдберта! По разсказу П. М. Плахова (съ которымъ я состоялъ одно время въ усердной перепискѣ по вопросамъ народнаго театра),

рядовой Боровскій, почти безграмотный, былъ природный комикъ-буффъ, импровизировавшій на канвѣ дѣйствительной жизни сцены-шаржи, которыя онъ также скоро забывалъ, какъ легко ихъ воспроизводилъ вновь. Услышавъ о какомъ-либо фактѣ, интересующемъ товарищей-солдатъ, онъ пересказывалъ его въ такой фантастически игривой формѣ, что слушатели буквально надрывали животики. Старшій его товарищъ, Василій Гольдбертъ, дослужившійся до унтеръ-офицерскаго званія, былъ совсѣмъ иного склада. Смышленый, расторопный, знающій службу и строгій къ себѣ и своимъ подчиненнымъ, онъ все свое свободное время въ казармахъ проводилъ въ комическихъ разсказахъ, имѣя цѣлью не столько насмѣшить, сколько занять своихъ слушателей... Если онъ разсказывалъ смѣшное, то у самого его лицо оставалось спокойно и на немъ играла снисходительная улыбка, которая какъ бы говорила: пусть посмѣются, а то вѣдь имъ скучно. Кромѣ того, онъ сразу завоевалъ свое положеніе какъ опытный и чуткій режиссеръ. Предоставленный работать самостоятельно по устройству зрѣлищъ для своихъ товарищей, Гольдбертъ сталъ вводить новинки въ репертуаръ, оживляя его дивертиссментами собственнаго измышленія. Тутъ были—объясненія новобранца со старослужащимъ солдатомъ, еврей на часахъ у порохового погреба и денежнаго ящика, хохолъ, разыскивающій своего земляка-солдата, и многія другія сцены, гдѣ дѣйствующими

лицами являлись солдаты евреи и малороссы. По свидѣтельству Плахова, съ каждымъ представленіемъ сцены улучшались, будучи исправлены исполнителями, которые всегда обращали вниманіе на то, какое впечатлѣніе производитъ на зрителей то или иное мѣсто, ими воспроизводимое. Если впечатлѣніе было неблагопріятно, слова исключались, если они вызывали смѣхъ у зрителей и заинтересовывали, то тема расширялась и тщательнѣй обрабатывалась. Результатомъ всего этого явилось нѣсколько народныхъ одноактныхъ пьесъ, скомпанованныхъ при помощи ближайшаго помощника комика Боровскаго и нѣкоторыхъ другихъ актеровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ Гольдберта даже были напечатаны, предварительно исправленныя офицерами въ грамматическомъ отношеніи.

То, что я здѣсь передаю, разумѣется, ничтожная крупица изъ творческаго народнаго богатства, которое таится въ душевныхъ глубинахъ русскаго человѣка. Года два тому назадъ, въ одномъ изъ грошовыхъ московскихъ балагановъ, на Дѣвичьемъ полѣ, мнѣ случилось тоже видѣть такого яркаго комика изъ солдатъ, который вызывалъ бурный восторгъ сѣрыхъ зрителей своими комическими импровизаціями.

Театральная дирекція с.-петербургскаго попечительства сдѣлала очень мало или, вѣрнѣе,—почти ничего, для оживленія этой животрепещущей на-

родной комической струи. Первый директоръ народныхъ театровъ попечительства, Е. Е. Ковалевскій, будучи человѣкомъ весьма дѣятельнымъ, сосредоточивалъ всю свою театральную энергію на возможно блестящей обстановкѣ мелодрамъ и феерій, изгнавъ совершенно съ народныхъ подмостковъ веселый одноактный водевиль. При его преемникѣ, извѣстномъ с.-петербургскомъ артистѣ Н. Ф. Сазоновѣ, дѣло мало измѣнилось. Передѣлки Виктора Крылова, искусственно введенныя въ репертуаръ, разумѣется, ничего не прибавили къ репертуарной сокровищницѣ народнаго театра, и въ то же время, театральныя представленія на окраинахъ, въ Екатерингофскомъ и Петровскомъ паркахъ, значительно упали и полиняли. Повидимому, новорожденный народный домъ въ Александровскомъ паркѣ съ его обстановочными пьесами и операми, какъ бы поглотилъ главныя силы, предоставивъ все остальное на волю судебъ...

Такимъ образомъ, наиболѣе доступная и излюбленная народомъ комическая форма—одноактная шутка—была оставлена за штатомъ. Между тѣмъ, если не на большой закрытой сценѣ, то на открытыхъ подмосткахъ, одноактный водевиль могъ бы съ удобствомъ сыграть благодѣтельную роль, вытѣснивъ дорого стоящій и сильно пріѣвшійся дивертиссментъ, въ большинствѣ случаевъ полукафешантаннаго пошиба. Тутъ, какъ разъ, было бы мѣсто веселымъ народнымъ импровизаціямъ и не-

большимъ комическимъ сценамъ! Такая новинка была бы свѣжа и оригинальна и вполнѣ отвѣчала бы духу народнаго театра.

Но—странное дѣло,—все, что народно, просто и оригинально, далеко не пользуется покровительствомъ дирекціи С.-Петербургскаго попечительства!...

Разумѣется, у означенной театральной дирекціи есть свои попечительныя рамки, въ предѣлахъ коихъ она функціонируетъ; но, казалось бы, ничто не препятствуетъ раздвинуть рамки, разъ онѣ мѣшаютъ полной выразительности картины!!.

IV.

Какъ мы уже мимоходомъ упомянули, съ легкой руки Виктора Крылова, на подмостки народнаго театра проскользнули передѣлки съ иностраннаго— къ счастью, не въ особенно большомъ количествѣ... Говоримъ это, конечно, не въ личный упрекъ Виктору Крылову, а исключительно, чтобы отмѣтить самую „предосудительность“.факта, ибо—по нашему, долголѣтнимъ опытомъ выношенному мнѣнію, всякая передѣлка съ иностраннаго на русскіе нравы никоимъ образомъ не можетъ быть терпима на подмосткахъ народнаго театра!.. Она не должна быть терпима просто уже какъ всякій предательскій обманъ довѣрчиваго и простодушнаго человѣка, каковымъ является въ настоящемъ случаѣ простонародный

зритель. А какъ же иначе назвать, какъ не предательскимъ обманомъ, когда вамъ подъ „русскимъ флагомъ“ предлагаютъ гнилой чужестранный товаръ, привычныя коренныя нравственныя понятія ловко подмѣняютъ французской парикмахерской моралью и нерѣдко стираютъ всякій здравый смыслъ, предавая на пошлое бульварное глумленіе наиблагороднѣйшіе человѣческіе порывы?!.

Переводъ—другое дѣло—въ большинствѣ случаевъ, дѣло благое, ибо тутъ простонародный зритель знакомится съ чужимъ бытомъ изъ первыхъ рукъ и находитъ широкое поле для сравненія и поученія, для порицанія и отрицанія. Когда же, благодаря передѣлочному репертуару, онъ видитъ передъ собой русскихъ людей и русскую обстановку и слышитъ мнимо русскія рѣчи, приправленныя мнимой чужеядной моралью — его здоровое, подчасъ наивное міросозерцаніе предательски подтачивается, и въ его вызрѣвающія деревенскія понятія, спутанныя до извѣстной степени столичной суетой и мишурой, вносится невольно новая губительная путаница... Словомъ, указаннымъ облыжнымъ путемъ къ существующей современной идейной путаницѣ, народный театръ дѣлаетъ, съ своей стороны, свой посильный вкладъ — загадка... который, бишь, нумеръ?..

О національныхъ самобытныхъ основахъ говорить здѣсь едва ли приходится... Начать съ того, что очень мало сдѣлано для укрѣпленія и очищенія

русскаго языка и очень много для его порчи!.. Также ровно ничего не предпринято для поощренія и сохраненія русской національной одежды, чисто русскаго „стола“, и иныхъ прочихъ дорогихъ національныхъ традицій. И это неудивительно, разъ вся обстановка народнаго театра С.-Петербургскаго попечительства точно умышленно противорѣчитъ исконнымъ русскимъ вкусамъ и привычкамъ!!...

Такъ какъ провинціи—той самой провинціи, въ которой съ такой трогательной быстротой плодятся народные дома и театры—„даетъ тонъ“ въ значительнѣйшей степени Петербургъ... то отсюда понятна та, быть можетъ, излишняя строгость требованій, предъявляемыхъ нами именно къ народному театру „С.-Петербургскаго“ попечительства! Когда дѣло будетъ обстоять обратно,— мы съ полнымъ удовлетвореніемъ возьмемъ также обратно и наши укоризненныя слова...

V.

Какая же, однако, положительная сторона дѣятельности петербургскаго народнаго театра?..

Совершенно посторонняя, такъ сказать, т. е., въ концѣ концовъ,— получились именно тѣ итоги, о которыхъ, повидимому, менѣе всего думало С.-Петербургское попечительство о народной трезвости, ставившее своею исключительнѣйшею задачею отвлеченіе народной массы отъ пьянства..... Въ силу

экономическихъ условій столичной жизни, къ народной толпѣ зрителей присоединилась въ подавляющемъ количествѣ толпа „интеллигентная“, и произошло по существу не столько отвлеченіе отъ питейныхъ заведеній, сколько отъ заведеній кафешантанныхъ вродѣ Аркадіи, Олимпіи, театра Буффъ, и потому подобныхъ дорогихъ и соблазнительныхъ зрѣлищъ, одинаково губительныхъ какъ для души, такъ и для кармана. Такимъ образомъ, С.-Петербургское попечительство, само того не подозрѣвая, сыграло роль счастливаго конкурента-антрепренера и обнаружило довольно отрадный фактъ относительно интеллигентной петербургской публики, явно удовлетворенной сравнительно скромными зрѣлищами, предлагаемыми народными театрами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, это стремительное интеллигентное нашествіе въ общій кругъ народныхъ увеселеній произвело чразвычайно любопытное и вполнѣ благополучное „сліяніе сословій“—фактъ самъ по себѣ достаточно краснорѣчивый и трогательный. Это второй непредвидѣнный плюсъ петербургскаго народнаго театра!.. Давно ли, казалось, эта самая картузная простонародная толпа, нынѣ переполняющая народные театры, приниженно ютилась около высокихъ заборовъ, ограждавшихъ разныя театральныя и музыкальныя господскія увеселенія,—и вдругъ, точно по волшебству, какая удивительная перемѣна декораціи: картузный человѣкъ за свой гривенникъ сталъ самъ себѣ господинъ и пріобщенъ

къ общему источнику культурныхъ человѣческихъ радостей!!. И при этомъ еще новая неожиданность со стороны картузнаго человѣка?.. Картузный человѣкъ, попавшій за увеселительную ограду вмѣстѣ съ господами, повелъ себя необыкновенно деликатно и обнаружилъ тонкое чутье и искреннѣйшее увлеченіе преподнесенными ему культурными зрѣлищами, оставивъ въ этомъ отношеніи далеко за собой интеллигентные цилиндры и котелки.

Достаточно ли отвлеченъ отъ питейнаго соблазна этотъ новый картузный зритель—это еще вопросъ; но что онъ „достаточно развлеченъ", въ этомъ нѣтъ отнынѣ никакого сомнѣнія. Все дѣло сводится, въ концѣ концовъ, къ точкѣ зрѣнія на способы означеннаго развлеченія!....

Въ „итогѣ итоговъ" является невольное сомнѣніе: цѣлесообразно ли „вообще" для органа правительства, всецѣло захваченнаго строгими и неотложными крестьянскими нуждами, осложнять себя такой свободно-творческой по существу функцією, какъ созданіе народнаго театра?! Не цѣлесообразнѣе ли было бы предоставить въ этой сферѣ возможно болѣе простора частной инициативѣ, являя чуткое матеріальное покровительство лишь тамъ, гдѣ побѣги народнаго театра вызванные самой жизнью, уже успѣли обнаружить свой яркій неподдѣльный цвѣтъ??

Такъ или иначе, пятилѣтній опытъ с.-петербургскаго народно-театральнаго попечительства про-

шелъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ „недаромъ“, поставивъ вопросъ о народномъ театрѣ, такъ сказать, ребромъ...

Впрочемъ, послѣднее слово въ данномъ случаѣ еще остается за „итогами“ провинціальныхъ попечительствъ, т.-е. за живой непосредственной Русью!

С.-Петербургъ,
Ноябрь 1902 г.

СПИСОКЪ

книгъ, статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ, касающихся вопроса о народномъ театрѣ.

(1890—1902 гг.) *).

---

1. Вѣкъ пьянства и вѣкъ трезвости. М. Буткова. „Новое Время“, 19 Іюня 1890 г.

2. Къ вопросу объ организаціи народныхъ труппъ для театральныхъ представленій. (Письмо изъ Черниговской губерніи). „Русское Богатство“, Іюль 1890 г.

3. Театръ въ Персіи. С. И. Уманецъ. „Историческій Вѣстникъ“, Декабрь 1892 г.

4. Японскій театръ. Его же. „Трудъ“, (бывш. прилож. къ „Всеміри. Иллюстр.“), Январь 1895 г.

5. Ярмарочныя картинки. С. Елпатьевскаго. „Русское Богатство“, Декабрь 1896 г.

6. Проектъ общественнаго сада. Докладъ Моск. Думѣ, М. В. Лентовскаго. „Театралъ“, 1897 г. № 138.

---

*) Дополненіе къ каталогу по народному театру, приложенному къ книгѣ Ивана Щеглова «Народный Театръ», Спб. 1901 г., изданіе второе, *А. С. Суворина*.

*

7. О народной пѣснѣ. „Новое Время", 14 декабря 1897 г.

8. О театрахъ и спектакляхъ. Епископа Пермскаго и Соликамскаго. (Противъ театральныхъ зрѣлищъ). Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей. Спб. 1897 г. стр. 49—55.

9. Народный театръ въ Поволжьѣ. Тамбовца. „Міровые Отголоски", 5 января 1898 г.

10. Первый народный театръ (на Петербургской сторонѣ). „Новое Время" (Приложеніе), 10 Января 1898 г. (съ двумя снимками).

11. Торжество открытія народнаго театра. (Зданіе Вѣры Николаевны фонъ-Дервизъ). „Петербургская Газета", 19 января 1898 г.

12. Народныя развлеченія. „Биржевыя Вѣдомости", 19 января 1898 г.

13. Первый общедоступный народный концертъ (въ Городской Думѣ, графа А. Д. Шереметева). „Театръ и Искусство", 1898 г. № 3.

14. О книгѣ Щеглова. „Театръ и Искусство", 1898 г. № 4.

15. По поводу народныхъ театровъ. (По поводу книги Щеглова). „Московскій Листокъ", 7 февраля 1898 г.

16. О народномъ театрѣ. Литературныя замѣтки. К. Медвѣдскаго. (По поводу книги Щеглова). „Московскія Вѣдомости", 13 Февраля 1898 г.

17. Къ вопросу о репертуарѣ народныхъ театровъ. (Противъ мелодрамы). „Биржевыя Вѣдомости", 23 Февраля 1898 г.

18. Репертуаръ народнаго театра. (Противъ мелодрамы). „Либавскія Новости“, 28 Февраля 1898 г.

19. Народный театръ и просвѣщеніе. (По поводу книги Щеглова). „Русскій Вѣстникъ“, Февраль. 1898 г. (Отдѣлъ библіографіи).

20. Положеніе художественнаго театра въ системѣ общественныхъ учрежденій. (Докладъ А. Кремлева первому Всероссійскому съѣзду сценическихъ дѣятелей). „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 3 Марта 1898 г.

21. Народные дома. „Биржевыя Вѣдомости“, 24 и 30 Марта 1898 г.

22. Невское Общество устройства народныхъ развлеченій. Отчетъ Комитета за 1898—99 годъ. Спб., 1900 г.

23. Малороссійскія пьесы въ казармѣ. „Кіевская Старина“. Мартъ 1898 г.

24. Агонія балагана. „Петербургская Газета“, 7 Апрѣля 1898 г.

25. Мои музыкальныя удачи и неудачи въ деревнѣ. В. Сѣровой. „Русскія Вѣдомости“, 11 и 18 Апрѣля 1898 г,

26. О народномъ театрѣ. (Этюды) Old Gentleman. „Новое Время“, 19 апрѣля 1898 г.

27. Лучъ свѣта въ массѣ тьмы. (Къ постройкѣ народныхъ домовъ). „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 21 Апрѣля 1898 г.

28. Народные театры въ деревняхъ. М. Ивановъ. „Новое Время“, 27 Апрѣля 1898 г.

29. О народномъ театрѣ. (Этюды) Old Gentleman. „Новое Время“, 3 Мая 1898 г.

30. Игра въ искусство. Передовая статья противъ народнаго театра. „Московскія Вѣдомости". 10 Мая 1898 г.

31. Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ. (Рецензія на книгу Щеглова того же названія). „Сѣверъ", 10 Мая 1898 г.

32. Первый деревенскій театръ. Ѳедора Быковскаго. „Новое Время", 14 Мая 1898 г.

33. Отношеніе народа къ театру. Quidam. „Московскія Вѣдомости", 17 Мая 1898 г.

34. Передовая статья (противъ „Моск. Вѣд."). „Театръ и Искусство", 24 Мая 1898 г.

35. Неудачная защита. Quidam. (Противъ книги Щеглова). „Московскія Вѣдомости", 28 Мая 1898 г.

36. Общедоступный народный театръ. (Передовая статья). „Биржевыя Вѣдомости", 8 Іюня 1898 г.

37. Корреспонденція о Пензенскомъ народномъ театрѣ. „Сынъ Отечества", 13 Іюня 1898 г.

38. Народный театръ въ Крыму. „Недѣля", 14 Іюня 1898 г.

39. Забытая промышленность. (Пивовареніе, доктора Л. Н. Симонова). „Новое Время", 15 Іюня 1898 г.

40. Борьба съ пьянствомъ. (Общество Синяго Креста въ Женевѣ). „Новости Дня", 17 Іюня 1898 г.

41. Попечительство о народной трезвости въ Петербургѣ, (Историч. справка). „Новое Время", 21 Іюня 1898 г.

42. Сцены въ народномъ театрѣ. (Каррикатуры А. Ф. Афанасьева). „Осколки". 27 Іюня 1898 г.

43. Новый народный театръ въ Петербургѣ. (Открытіе Таврическаго сада). „Новое Время“, 30 Іюня 1898 г.

44. Для народа. (По поводу народныхъ театровъ), В. Авсѣенко. „Петербургская Газета“, 2 Іюля 1898 г.

45. Въ заботахъ о меньшемъ братѣ. (О народномъ гуляньѣ въ Таврическомъ саду и Петровскомъ паркѣ). Старый. „Петербургская Газета“, 4 Іюля 1898 г.

46. Театральное народничество. (Юмористическій фельетонъ). „Петербургская Газета“, 5 Іюля 1898 г.

47. Трезвость особаго рода. (По поводу допуска продажи пива въ народномъ театрѣ Попечительства). „Биржевыя Вѣдомости“, 9 Іюля 1898 г.

48. Псковскій народный театръ. (Къ юбилею артиста-любителя К. В. Шатилова). „Биржевыя Вѣдомости“, 9 Іюля 1898 г.

49. Какъ понимаетъ значеніе искусства русскій народъ. „Московскія Вѣдомости“, 13 Іюля 1898 г.

50. О народномъ театрѣ Таврическаго сада. Спиридона Большакова. „Русскій Трудъ“, 18 Іюля 1898 г.

51. Русскій народный театръ. Н. М. „Московскія Вѣдомости“, 22 Іюля 1898 г.

52. Народныя развлеченія. Я. Абрамова. „Русь“, 26 Іюля 1898 г.

53. Народныя развлеченія въ Москвѣ. „Московскія Вѣдомости“, 12 и 19 Іюля и 2 Августа 1898 г.

54. Народники и театръ. Астра. „Биржевыя Вѣдомости“, 6 августа 1898 г.

55. Искусство для народа. Литературныя замѣтки. Ѳ. Булгакова. „Новое Время“, 13 Августа 1898 г.

56. Значеніе народнаго театра. А. Оболенскаго. „Новости“, 8 Сентября 1898 г.

57. Народный театръ. (Рецензія на второе изданіе книги Щеглова). „Вѣстникъ Европы“, Сентябрь 1898 г.

58. Разборъ пьесъ, одобренныхъ для народныхъ и солдатскихъ театровъ. Врача Путилова. (Казань). Журналъ „Дѣятель“, Ноябрь 1898 г.

59. Щегловъ, Иванъ. Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ. Изданіе второе, А. Суворина. Рецензія въ „Нивѣ“, Литературное приложеніе, Декабрь 1898 г,

60. Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ. (Брошюра). Съ приложеніемъ архитектурнаго проекта Ф. О. Шехтеля: „Народный Домъ“ въ Москвѣ. Москва, 1898 г. Изд. Е. В. Лавровой и Н. Попова.

61. Народный театръ. Е. К. Рѣдина. (Брошюра). Харьковъ, 1898 г.

62. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. А. С. Пругавина. Изданіе О. Н. Поповой. (Уставъ попечительства о народной трезвости и данныя о народномъ театрѣ, стр. 739—769). Спб., 1898 г.

63. Вопросы народнаго театра. И. Иноземцева. „Театръ и Искусство“, 1899 г. (съ № 2 по № 11).

64. Кальдеронъ—Шекспиръ Испаніи. „Правит. Вѣстн.“, 4 и 7 Апрѣля 1899 г.

65. О репертуарѣ народнаго театра. Н. И. Тимковскаго. „Журналъ для всѣхъ“, Апрѣль 1899 г.

66. Театръ будущаго. Юр. Бѣляева. „Россія“, 1 Мая 1899 г.

67. Солдатскій театръ. Импрессіониста. „Театръ и Искусство“, 2 Мая 1899 г.

68. Народный театръ имени Шиллера. (Искусство для народа). „Новости Дня“, 22 Апрѣля и 3 Мая 1899 г.

69. Странствующій театръ. Буглима (Ник. Энгельгардтъ). По поводу книги Ив. Щеглова. „Новое Время“. 15 Мая 1899 г.

70. Кукольный театръ. А. Б. (Бѣжецкаго). „Новое Время“, 29 Мая 1899 г.

71. Нѣсколько словъ о народномъ театрѣ. „Россія“, 10 Іюня 1899 г.

72. Въ Японскомъ театрѣ. Кн. Н. Волконскаго. „Новое Время“, 18 Іюня 1899 г.

73. По поводу спектаклей театровъ попечительства о народной трезвости. Д. Борецкаго. „Новое Время“, 29 Іюня 1899 г.

74. Письмо о народномъ театрѣ. Юр. Бѣляева. „Новое Время“, 3 Іюля 1899 г.

75. Вопросъ о разумныхъ развлеченіяхъ для народа во Франціи. Юрія Веселовскаго. „Новости“, 22 Іюля 1899 г.

76. Народныя развлеченія. (Передовая статья). „Московскія Вѣдомости“, 28 Іюля 1899 г.

77. Народный театръ и Попечительство о народной трезвости. Ив. Иноземцева. „Биржевыя Вѣдомости“. 10 Сентября 1899 г.

78. Открытіе народнаго театра въ г. Мстиславлѣ. „Бѣлорусскій Коммиссіонеръ“ (Еженедѣльная газета) 29 Сентября 1899 г.

79. Публичныя увеселенія для народа. Василія Бѣлинскаго. „Русскій Трудъ“, 2 Октября 1899 г.

80. Вниманію Попечительства о народной трезвости. „Новое Время“, 31 Октября 1899 г.

81. Жизнь и дѣятельность покойнаго Николая Александровича Варгунина, М. М. Соколовой. „Богъ помочь“, (Чтеніе для народа), Октябрь, 1899 г.

82. Лиговскій садъ для рабочихъ. (Брошюра съ рисунками). Отчетъ за первый годъ, состав. І. З. Спб. 1899 г.

83. Организація народнаго театра и полезныхъ развлеченій для народа. (Брошюра). Составл. Е. П. Карповымъ и Н. Н. Окуловымъ. Спб. 1899 г.

84. Алфавитные списки драматическихъ произведеній, разрѣшенныхъ къ представленію на народныхъ театрахъ. (Составлены по порученію Совѣта Русскаго Театральнаго Общества. По 1 Января 1897 г.). Спб. 1899 г.

85. О народномъ театрѣ. (Театральная хроника) С. Васильева. „Московскія Вѣдомости“, 3 Января 1900 г.

86. Пьеса для солдатскаго театра, Гр. А. Д. „Русскій Инвалидъ“, 5 и 6 Января 1900 г.

87. Народные спектакли, Б. Гринченко. Земскій Сборникъ Черниговск. губ. Январь, 1900 г.

88. Народные театры и народныя развлеченія въ Германіи, М. Сукенникова. „Вѣстникъ Европы“, Январь и Февраль 1900 г.

89. „Амуры и зефиры“, Попечительства о народной трезвости. Петербургскаго Фланера. „Россія“, 4 Февраля 1900 г.

90. Въ защиту зефировъ и амуровъ, С. Смирновой. „Россія“, 8 Февраля 1900 г.

91. Балалайка и музыка, Василія Бесселя. „Сынъ Отечества“, 16 Февраля 1900 г.

92. Впечатлѣнія бытія. (О народномъ театрѣ), Фингала (Потапенко). „Россія“, 20 и 27 Февраля 1900 г.

93. Сущность рѣчи о народномъ театрѣ Министра Финансовъ С. Ю. Витте. „Новое Время“, 12 Марта 1900 г. (Тоже см. „Сборникъ циркуляровъ, распоряженій и разъясненій по Учрежденію Попечительствъ о Народной Трезвости“, Спб. 1901 г.. стр. 54—63).

94. Маленькія замѣчанія о большомъ дѣлѣ, К. Баранцевича. „Торгово-Промышленная Газета“, 5 Апрѣля 1900 г.

95. Московская жизнь. (Картинка московскаго балагана), Не фельетониста. „Новое Время“, 15 Апрѣля 1900 г.

96. Дѣти и сцена. „Петербургская Газета“, 12 Мая 1900 г.

97. Первые фабричные театры въ Россіи. (Памяти Ѳ. Г. Волкова), А. А. Ярцева. „Историческій Вѣстникъ“, Май, 1900 г.

98. Народъ развлекается, Т. Ардова. „Россія“, 27 Сентября 1900 г.

99. Мюнхенскій театръ маріонетокъ. „Петербургская Жизнь“ (Приложеніе къ газетѣ „Новости“). 29 Октября 1900 г.

100. Народныя развлеченія. (Музыкальные наброски), И. Иванова. „Новое Время“, 20 Ноября 1900 г.

101. Народный Домъ Императора Николая II. В. Прокофьева. „Новое Время“, 13 Декабря 1900 г.

102. О народномъ театрѣ, Николая Волгина. „Отдыхъ“, Декабрь, 1900 г.

103. Основаніе и основатель русскаго театра (Ѳ. Г. Волковъ), А. А. Ярцевъ. Москва, 1900 г. Изданіе автора.

104. По народнымъ театрамъ, Юр. Бѣляева. „Новое Время“, 27 Января 1901 г.

105. Противъ порядковъ СПб. Попечительства. „Театръ и Искусство“, 17 Іюня 1901 г.

106. Открытіе народныхъ гуляній въ Сокольникахъ. „Русскія Вѣдомости“, 25 Іюня 1901 г.

107. Первые шаги московскаго народнаго театра, Ю. Энгеля. „Русскія Вѣдомости“, 8 Сентября 1901 г.

108. Этюды (О народномъ театрѣ и винной монополіи) Old Gentleman, „Россія“, 9 Сентября 1901 г.

109. Къ вопросу объ участіи дѣтей въ театральныхъ представленіяхъ. „Театръ и Искусство“, 18 Ноября 1901 г.

110. Народный театръ во Франціи.—Юрія Веселовскаго. „Русскія Вѣдомости“, 19 Декабря 1901 г.

111. Народные дворцы, П. А. Голубева. „Русское Богатство“, Декабрь, 1901 г.

112. Попечительство о народной трезвости за первое пятилѣтіе (1895 г.—1899 г.). „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли“, 14 и 21 Апрѣля 1902 г. №№ 15 и 16.

113. О великорусскомъ оркестрѣ, В. Андреева. „Новое Время“ (приложеніе), 29 Мая 1902 г.

114. Простонародная музыка и настоящая музыка (отвѣтъ В. Андрееву), Василія Бесселя. „Новости“, 8 Іюля 1902 г.

115. О солдатскомъ театрѣ. Р. „Котлинъ“ (Ежеднев. газета изд. въ Кронштадтѣ) 27 Ноября 1902 г.

(Статьи Ивана Щеглова).

116. Въ защиту народнаго театра. „Новое Время“, 13 Мая 1898 г.

117. Враги и друзья народнаго театра. „Новое Время“, 22 Мая 1898 г.

118. О репертуарѣ народнаго театра. „Новое Время“, 12 Іюня 1898 г.

119. Народный театръ и смѣшеніе языковъ. „Новое Время“, 21 Іюня 1898 г.

120. Десять народныхъ театровъ. „Новое Время“, 5 Іюля 1898 г.

121. Женитьба Гоголя у Растеряевой башни. „Новое Время“, 7 Іюля 1898 г.

122. По поводу открытія Таврическаго народнаго театра. „Новое Время“, 13 Іюля 1898 г.

123. Итоги. „Новое Время“, 22 Іюля 1898 г.

124. Пушкинскіе дни въ провинціи. (Народный театръ въ г. Кинешмѣ) Литературное Прилож. къ Торгово-Промышленной Газетѣ 20 Іюня 1899 г.

125 Памяти А. Ѳ. Погоскаго. „Новое Время“, 25 Августа 1899 г.

126. Народныя гулянья въ Москвѣ. „Торгово-Промышленная Газета“, 13 Марта 1902 г.

Того-же автора:

127. *Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ.* (Жанъ-Жакъ Руссо о театральныхъ зрѣлищахъ. На Варгунинскомъ народномъ гуляньи. Письмо Льва Толстого о народномъ театрѣ. Василеостровскій театръ для рабочихъ. Какія пьесы нравятся народу. Въ защиту мелодрамы. Пьесы „мизюрныя“ и классическія. О простотѣ обстановки. Народный театръ въ Москвѣ и записка А. Н. Островскаго. Простонародные фарсы и слово Достоевскаго. Театры солдатскіе и дѣтскіе. Картинка солдатскаго спектакля. Ярмарочныя увеселенія и Петрушка Уксусовъ. Самый удобный и самый дешевый народный театръ). *Съ приложеніемъ четырехъ одноактныхъ пьесъ для народной сцены:* 1) „Солдатская любовь“, 2) „Плѣнный турокъ“, 3) „Докторъ на полчаса“, 4) „Милордъ Георгъ“. *Всѣ означенныя пьесы безусловно дозволены къ представленію на народныхъ театрахъ* („Правительств. Вѣстникъ“, 10 Января 1901 г. № 7).

Изданіе второе. А. С. Суворина (1901 г.).

Цѣна 1 р. 50 к.

Веселый театръ. I. **ОДНОАКТНЫЯ ШУТКИ:** Мышеловка.—Не въ добрый часъ.—Комикъ по натурѣ.—Влюбленный маіоръ.—Гастролерша.—Турусы на колесахъ.—Театральный воробей.—Женская чепуха.—Докторъ принимаетъ.—Испанская любовь.—Господа театралы.—Заоблачный житель.—Автора въ театрѣ нѣтъ.—**II. ВЪ ГОРАХЪ КАВКАЗА**. Сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ. **(Всѣ означенныя пьесы безусловно дозволены къ представленію)**. *Изданіе второе*. Цѣна 2 руб.

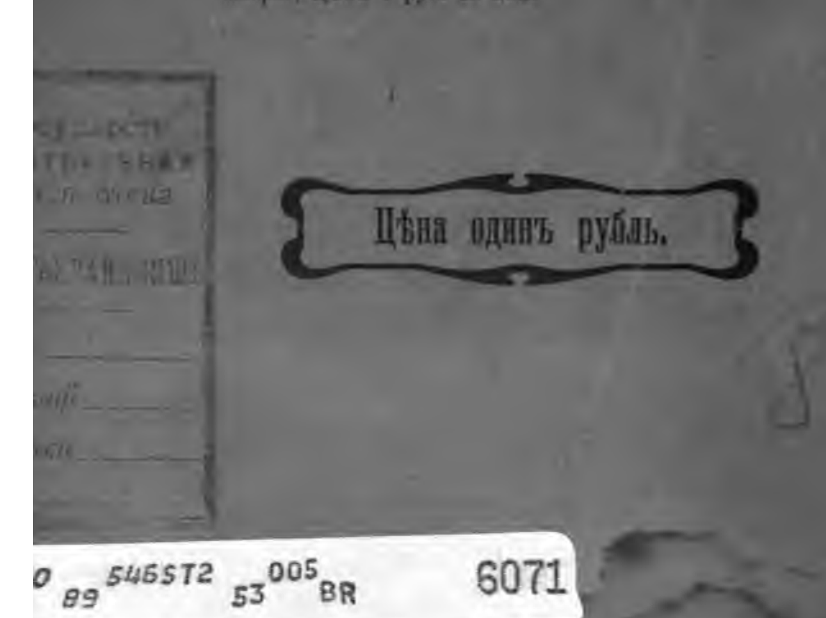
Народный театръ **въ очеркахъ и картинкахъ**. Жанъ-Жакъ Руссо о театральныхъ зрѣлищахъ.—На Варгунинскомъ народномъ гуляньи.—Письмо Льва Толстого о народномъ театрѣ.—Василеостровскій театръ для рабочихъ.—Какія пьесы нравятся народу.—Въ защиту мелодрамы.—Пьесы „низюрныя" и классическія.—О простотѣ обстановки.—Народный театръ въ Москвѣ и записка А. Н. Островскаго.—Простонародные фарсы и слово Достоевскаго.—Театры солдатскіе и дѣтскіе.—Картинка солдатскаго спектакля.—Ярмарочныя увеселенія и Петрушка Уксусовъ.—Самый дешевый и самый удобный народный театръ. Съ приложеніемъ четырехъ одноактныхъ пьесъ для народной сцены: 1) „Солдатская любовь", 2) „Плѣнный турокъ", 3) „Докторъ на полчаса". 4) Милордъ Георгъ". **(Всѣ означенныя пьесы безусловно дозволены къ представленію на народныхъ театрахъ)**. *Изданіе второе*. Цѣна 1 руб. 50 коп.

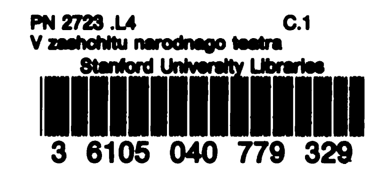
Корделія. — Миньона.—Петербургская идиллія.—Кожаный актеръ.—Проводы.—Миръ праху. *Изданіе второе*. Цѣна 1 руб.

Милліонъ терзаній. Юмористическій романъ.—**ДАЧНЫЙ МУЖЪ**, его похожденія, наблюденія и разочарованія. *Изданіе второе*. Цѣна 1 руб.

Военные очерки. Первое сраженіе.—Неудачный герой.—Поручикъ Восьмуновъ. Жареный Гвоздь.—Идиллія. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гордіевъ узелъ, романъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Цѣна одинъ рубль.
6071

PN 2723 .L4 C.1
V zashchitu narodnago teatra
Stanford University Libraries
3 6105 040 779 329

DATE DUE			

